

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Юридический факультет
Кафедра конституционного права

Международные документы и национальное законодательство по правам
человека в эпоху цифровизации
(к годовщине Всеобщей декларации прав человека)

Материалы круглого стола, Минск, 17 декабря 2024 г.

Минск
2025

УДК 341.231.14(06)+342.7(476)(06)

М 433

Решение о депонировании вынес:
Совет юридического факультета
27 января 2025 г., протокол № 5

Редакционная коллегия:

Г. А. Василевич (отв. ред.), доктор юридических наук, профессор;
Т. С. Масловская, кандидат юридических наук, доцент;
А. В. Шавцова, кандидат юридических наук, доцент;
В. А. Шаршун, кандидат юридических наук, доцент

Рецензенты:

Ладутько В. К., заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин УО «Белорусский государственный экономический университет», кандидат юридических наук, доцент.

Михайловский В. С., заведующий кафедрой государственного управления Белорусского государственного университета, кандидат политических наук, доцент.

Международные документы и национальное законодательство по правам человека в эпоху цифровизации (к годовщине Всеобщей декларации прав человека) : материалы круглого стола, Минск, 17 декабря 2024 года / БГУ, Юридический фак. Каф. конституционного права ; редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.), Т. С. Масловская, А. В. Шавцова, В. А. Шаршун. – Минск : БГУ, 2025. – 147 с. – Библиогр. в конце ст.

В сборник вошли материалы круглого стола «Международные документы и национальное законодательство по правам человека в эпоху цифровизации (к годовщине Всеобщей декларации прав человека)», организованного кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета. Адресуется научным и практическим работникам, преподавателям, аспирантам, магистрантам и студентам юридических учреждений высшего образования.

Ответственность за содержание статей несут авторы.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА РЕАЛИЗАЦИЮ СВОБОДЫ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А. С. Бакун

*Проректор по идеологической и воспитательной работе, Белорусский
государственный университет, кандидат юридических наук, доцент,
bakun_anna@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена реализации свободы вероисповедания в контексте цифровизации в Республике Беларусь. Автор указывает, что реализация свободы вероисповедания в информационном пространстве характеризуется дополнительными возможностями. В статье систематизируются возможные способы реализации свободы вероисповедания посредством цифровизации. На основе обобщения делается вывод о том, что существуют особенности реализации свободы вероисповедания под влиянием цифровизации в части осуществления отдельных религиозных убеждений. Предложены рекомендации по дальнейшему совершенствованию отечественного законодательства в области реализации свободы вероисповедания в целом или ее отдельных правомочий в контексте цифровизации.

Ключевые слова: конституционные ценности, аксиология, цифровизация, свобода вероисповедания, религиозные убеждения, информационное пространство

Обеспечение государством цифровизации различных сторон жизнедеятельности общества в последнее время приобретает существенное значение на национальном уровне. Информационная безопасность государства предполагает обеспечение сохранности информационных ресурсов государства и защищенность законных прав личности и общества в информационной сфере, в том числе посредством законодательного регулирования. Так, в 2019 году в Республике Беларусь принята Концепция информационной безопасности [1], закрепившая основные векторы развития законодательной политики государства в информационной сфере.

В период активного цифрового развития трансформации подвергается традиционное восприятие основополагающих конституционных ценностей государства, таких как, например, права и свободы человека. Одной из фундаментальных свобод человека представляется свобода вероисповедания. Осуществление свободы вероисповедания в контексте цифровизации предусматривает дополнительные возможности по реализации ее отдельных правомочий. Вопросы реализации свободы вероисповедания в информационной среде являются малоизученными в теории конституционного права, представляют научный интерес и имеют прикладной характер в части совершенствования национального законодательства в данной области.

В конституции любого государства закреплены основополагающие ценности, достоверно представляющие соответствующую национально-культурную традицию. Ядром традиционализма, в том числе и традиционализма восточнославянской цивилизации, является определенная религия, которую белорусский ученый Е.В. Перепелица определяет, как «ведущее культурообразование, оказывающее значительное влияние на становление и развитие национальной государственности» [2, с. 54]. В конституциях ряда государств [3; 4; 5; 6; 7] регламентируется свобода вероисповедания как правовая форма закрепления религиозных ценностей, отражение религиозных потребностей и приоритетов населения, проживающего на территории данного государства, продолжения цивилизации (например, христианской или исламской).

Существуют множество философских и правовых подходов к пониманию свободы вероисповедания. Полагаем, что под свободой вероисповедания следует понимать фундаментальную, неотъемлемую свободу, выражающуюся в возможности иметь религиозные убеждения, выбирать религиозные учения и действовать в соответствии с ними, пределы которой устанавливаются законодательством [8, с. 67]. Однако свобода вероисповедания представляет собой не только фундаментальную и неотчуждаемую свободу в системе прав и свобод человека, но и одну из важнейших конституционных ценностей. В соответствии с Конституцией Республики Беларусь «каждый имеет право самостоятельно определять свое отношение к религии, единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов, не запрещенных законом» (ст. 31) [5].

Свобода вероисповедания представляет собой сложный институт в системе прав и свобод человека. Особенностью свободы вероисповедания, как и других правочеловеческих институтов, является наличие внутреннего и внешнего аспектов ее реализации. Все внутренние процессы по формированию религиозных убеждений не подлежат правовому регулированию, пока не будут выражены вовне. При внешнем выражении религиозных убеждений происходит реализация свободы вероисповедания в целом или ее отдельных правомочий.

В доктрине конституционного права к основополагающим правомочиям свободы вероисповедания, реализуемым индивидуально, относятся такие правомочия, как право иметь религиозные убеждения, право менять религиозные убеждения, право распространять религиозные убеждения, право действовать в соответствии с религиозными убеждениями. Коллективные правомочия свободы вероисповедания отождествляются с правомочиями религиозных организаций, то есть с их

правоспособностью. Принципиальным здесь является тезис о том, что коллективные правомочия являются разновидностью прав человека, то есть они производны от индивидуальных правомочий, однако их реализация осуществляется либо отдельным индивидом совместно с другими, либо религиозными организациями. Соответственно, коллективные правомочия свободы вероисповедания необходимо делить на непосредственные, то есть правомочия индивида, которые могут реализоваться только совместно с другими индивидами, и опосредованные, которые представлены правомочиями религиозных организаций.

В свою очередь, правомочия религиозных организаций состоят из целевых и специально-юридических правомочий. Основными правомочиями религиозной организации являются целевые правомочия, в которых раскрывается цель объединения верующих в религиозную организацию или общину. Такими правомочиями выступают право на совместное осуществление свободы вероисповедания, в том числе через отправление религиозных обрядов, богослужений, церемоний, право на получение религиозного образования и право на распространение веры с помощью различных средств, то есть право на занятие миссионерской деятельностью. Специально-юридические правомочия религиозных организаций имеют второстепенное значение и направлены на обеспечение реализации целевых правомочий [8, с. 68]. Думается, что под правомочиями свободы вероисповедания можно понимать различные способы внешнего проявления своих внутренних религиозных убеждений: посещение богослужений, выполнение определенных религиозных обрядов, ношение религиозных символов, посещение мест паломничества, высказывания на религиозные темы, в том числе и в рамках миссионерской или просветительской деятельности, в процессе религиозного обучения.

В последнее время учащается демонстрация своих внутренних религиозных убеждений при помощи цифровых средств. Безусловно, «цифровизация определяет облик современной цивилизации в компьютерных технологиях, информационно-коммуникационных технологиях и их применении» [9, с. 102]. Изменения связаны с тем, что современный мир представляет собой глобальное коммуникационное пространство, создающее новые правила и способы коммуникации [10, с. 55]. Во всех сферах жизнедеятельности общества наблюдается внедрение цифровых технологий. В отношении же реализации свободы вероисповедания возможность реализации посредством информационных технологий особенно существует в части индивидуальных и целевых правомочий религиозных организаций указанной свободы.

Безусловно, интенсификации реализации свободы вероисповедания посредством цифровизации способствовал период пандемии COVID-19. В указанный период данная новая форма миссионерской деятельности

посредством сети Интернет [11], а также реализация свободы вероисповедания или ее отдельных правомочий в информационной сфере стала возможной посредством просмотра видеозаписей богослужений и проповедей [12], духовных программ в Интернете [13], духовного общения в интернет-чатах со священнослужителями [14], заказа различных треб онлайн [15], виртуального посещения храмов и часовен, где можно поставить виртуальные свечи [16]. Также ряд религиозных организаций начал предоставляли возможность осуществления виртуальной исповеди верующих [17]. Следовательно, цифровизация оказывает огромное влияние на реализацию свободы вероисповедания, способствует популяризации указанной свободы, предполагает доступность к отдельным религиозным действиям, что значительно упрощает осуществление того или иного правомочия религиозной организации.

Общество высоких технологий не свободно от традиционных ценностей, при этом сами высокие технологии, в первую очередь Интернет, представляют собой условие их трансляции, способствуя тем самым действию религиозного фактора [18, с. 69]. В новой ситуации, как отмечает А. И. Кырлежев, обозначился «общественный запрос на активное, внятное и конструированное участие религии в текущих социокультурных трансформациях» [19, с. 49], и одним из ответов церкви на данный запрос становится использование сетей как одного из самых востребованных и популярных коммуникационных средств в сетевом обществе, или нового социального образования современного мира. В настоящее время в Интернете существует довольно разветвленная и четко сконструированная сеть религиозных web-порталов, в том числе православных, католических, протестантских, исламских, буддийских, имеющих определенный круг посетителей [18, с. 69]. Действительно, подобные сетевые ресурсы способствуют созданию определенного круга единомышленников, которые могут виртуально общаться друг с другом на предмет свободы вероисповедания. Однако такое виртуальное общение в определенных сегментах может быть чревато вербовкой в религиозные экстремистские формирования. Следовательно, в целях собственной безопасности необходимо соблюдать информационную гигиену и тщательно отслеживать принадлежность того или иного канала к экстремистским.

Нельзя не согласиться с мнением И.М. Пудовкиной, что «Интернет дает возможность реализовать свободу совести и право исповедания религии в большей мере, чем какие-либо другие коммуникативные средства, так как свобода мнений в Интернете – это суверенная свобода личных убеждений, возможность проведения частной дискуссии между отдельными индивидами и социальными группами, заменяющей рациональную дискуссию институциональной свободы о правильной или неправильной политике репрезентации. Интернет также обеспечивает возможность реализации традиционной репрезентации» [18, с. 70–71].

Действительно, на крупнейших православных сайтах пользователи могут послушать и посмотреть аудио- и видеопроповеди, приобрести предметы культа, принять участие в благотворительных акциях, заказать поминовения, внести добровольные пожертвования на строительство и восстановление храмов, задать вопрос священнику, совершить виртуальную экскурсию по святым местам и храмам. Полагаем, что наибольшие возможности при осуществлении свободы вероисповедания в информационной сфере появляются у таких правомочий свободы вероисповедания как право на проведение религиозных обрядов, право на религиозное просвещение и религиозное паломничество. Однако необходимо отметить, что законодательного регулирования реализации свободы вероисповедания при помощи цифровизации нет.

Таким образом, свобода вероисповедания понимается как правовая форма закрепления религиозных ценностей, отражение религиозных потребностей. Традиционно свобода вероисповедания осуществляется в форме посещения богослужений, выполнения религиозных обрядов, ношения религиозных символов, посещения мест паломничества, осуществления миссионерской или просветительской деятельности, получения религиозного образования.

Однако пандемия COVID-19 интенсифицировала реализацию свободы вероисповедания посредством цифровых технологий. Религиозные организации активизировали свое присутствие в цифровом пространстве посредством видеозаписей проповедей во время богослужений, размещение духовных программ на интернет-площадках, возникновение практики духовного общения в интернет-чатах со священнослужителями, виртуального посещения храмов, часовен, монастырей, где можно поставить виртуальные свечи, заказать требы онлайн и др. Также отдельные религиозные организации начали проводить виртуальные исповеди.

Особенностями реализации свободы вероисповедания в цифровой сфере являются дистанционное выражение религиозных убеждений, виртуальное присутствие при осуществлении религиозных обрядов, религиозное просвещение большего количества субъектов посредством цифровых средств, отсутствие непосредственного контакта, духовного единения задействованных в богослужениях субъектов, нарушение сакральности религиозных таинств.

Безусловно, цифровизация предполагает определенные изменения даже в таких консервативных институтах как церковь. Однако, на наш взгляд, именно религиозным организациям необходимо сохранить классические способы реализации свободы вероисповедания, особенно в части осуществления различных таинств. Это необходимо не только, чтобы избежать различных злоупотреблений при использовании новых способов осуществления различных таинств в информационном пространстве, но и с целью сохранения их сакральности.

Список использованных источников

1. Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Безопасности Республики Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
2. Перепелица, Е. В. Права человека и ценности восточнославянской цивилизации : моногр. / Е. В. Перепелица. – Минск : Бел. наука, 2006. – 230 с.
3. Конституционный суд Польши утвердил приоритет национального закона над европейским [Электронный ресурс] / Интернет-портал «Право.ру». – 2024. – Режим доступа : <https://pravo.ru/news/235557>. – Дата доступа : 05.12.2024.
4. Конституция Венгерской Республики: изм. и доп. [Электронный ресурс] / Конституции государств (стран) мира. – 2024. – Режим доступа : <https://worldconstitutions.ru/?p=298>. – Дата доступа : 05.12.2024.
5. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 15 марта 1994 г.: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 фев. 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
6. Конституция Республики Казахстан: с изм. и доп. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – 2024. – Режим доступа : https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution. – Дата доступа : 05.12.2024.
7. Конституция Российской Федерации: с изм. и доп. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Президента России. – 2024. – Режим доступа : http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item#chapter_start. – Дата доступа : 05.12.2024.
8. Бакун, А. С. Конституционно-правовое регулирование реализации свободы вероисповедания религиозными организациями в Республике Беларусь: моногр. / А. С. Бакун. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2018. – 290 с.
9. Тульчинский, Г. Л. Цифровизация и социально-культурный инжиниринг / Г. Л. Тульчинский // Философские науки. – 2018. – № 6. – С. 100–108.
10. Степанюк, В. К. Цифровой социум : проблемы и риски развития / В. К. Степанюк // Культурные основания и проблемы развития цивилизации : сб. науч. ст. / редкол. : В. Н. Калмыков (гл. ред.) [и др.] ; Гомельск. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им Ф. Скорины, 2019. – С. 55–58.
11. Святой пиксель : как мировые религии осваивают интернет Традиционные религии стараются идти в ногу со временем и использовать новые технологии, чтобы стать ближе к людям. N&F выяснил, хорошо ли у них получается [Электронный ресурс] // The Village. – 2024. – Режим доступа : <https://www.the-village.ru/business/how/158079-religioznyy-soft>. – Дата доступа : 05.12.2024.
12. Отец Андрей: ответы. На ваши вопросы отвечает протоиерей Андрей Ткачѳв [Электронный ресурс] // Царьград. Официальный сайт. – 2024. – Режим доступа : https://by.tsargrad.tv/shows/otec-andrej-otvety-na-vashi-voprosy-otvechaet-protoierej-andrej-tkachjov-221_1097528. – Дата доступа : 05.12.2024.
13. Проповеди Патриарха Кирилла [Электронный ресурс] // Мой мир. – 2024. – Режим доступа : <https://m.my.mail.ru/mail/tv-soyuz/video/4/25345.html>. – Дата доступа : 05.12.2024.
14. Блоги священнослужителей. [Электронный ресурс] // TGStat. Официальный сайт. – 2024. – Режим доступа : <https://tgstat.ru/tag/priests-blogs>. – Дата доступа : 05.12.2024.

15. Подать записку онлайн [Электронный ресурс] // Официальный сайт Свято-Елисаветинского монастыря (г. Минск). – 2024. – Режим доступа : <https://obitel-minsk.ru/elektronnye-zapiski-webprau>. – Дата доступа : 05.12.2024.

16. Верить, не выходя из дома. Религия признала интернет [Электронный ресурс] // Hi-tech. – 2024. – Режим доступа : https://hi-tech.mail.ru/review/religion_internet. – Дата доступа : 05.12.2024.

17. Католическая церковь одобрила исповедь посредством iPhone [Электронный ресурс] // RU.NY.web. – 2024. – Режим доступа : <http://www.runyweb.com/articles/life/gadgets/holy-app-catholic-church-okays-new-confession-app-for-iphone.html>. – Дата доступа : 05.12.2024.

18. Пудовкина, И. М. Интернет как канал влияния на формирование религиозного сознания / И. М. Пудовкина // Дискуссия. Социологические науки. – 2017. – № 1 (75). – С. 68–74.

19. Кырлежев, А. В. Новейшие религиозно-общественные процессы: постсекулярная перспектива / А. В. Кырлежев // Православие и современность: проблемы секуляризма и постсекуляризма. – М. : Изд-во Новоспас. монастыря, 2015. – С. 49.

УДК 340; 342

О НЕКОТОРЫХ КАТЕГОРИЯХ ОСНОВНОГО ЗАКОНА

Г. А. Василевич

*заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор,
gregory5581@yandex.by*

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые конституционно-правовые категории, раскрывается их содержание, высказываются авторские суждения относительно их значения для нормотворчества и правоприменения.

Ключевые слова: категории права, самобытность, общечеловеческие ценности, социальная ответственность, обязанности, долг.

Модернизация конституционного текста в результате проведенного 27 февраля 2022 г. республиканского референдума обуславливает развитие текущего законодательства, в том числе уяснение новых категорий, включенных в текст Основного Закона, а также предполагает, на наш взгляд, более пристальное внимание к ранее содержавшимся в Конституции понятиям.

В преамбуле Конституции появилась такая категория как национальная самобытность. Национальная самобытность означает, что соответствующая социальная общность отличается традициями, обычаями, языком, народным творчеством, культурой, психологией и др.

Как отмечается, для сохранения самобытности присущи три фактора – исторический, языковой и психологический. Первый фактор отражает историческое самосознание, происхождение народа, что может быть выражено в письменных текстах и устных преданиях. Относительно языкового фактора можем отметить, что это не означает, на наш взгляд, обладание одним языком, например, белорусским. Самобытность народа Республики Беларусь может проявляться и в многоязычии. На территории Беларуси всегда проживали представители многих национальностей. Это обуславливало наличие в конституциях указания на использование на государственном уровне нескольких языков. В свое время в Конституции Беларуси 1927 года в качестве официальных были предусмотрены белорусский, русский, польский и еврейский языки. В настоящее время в качестве государственных предусмотрены белорусский и русский языки. Такое решение, принятое народным голосованием, отражает нашу историю, самобытность нашей культуры и, что самое главное, способствует консолидации общества, исключает водораздел по языковому принципу. Для психологического фактора характерно наличие соответствующих религиозных устоев, национальных обрядов. В силу полиэтничного характера белорусского государства не исключается взаимообогащение культурами проживающих народов [1].

При обсуждении проекта изменений и дополнений Конституции возникали споры относительно сохранения в преамбуле Конституции указания на приверженность Беларуси общечеловеческим ценностям. Сомнения возникали в связи с искаженным восприятием в западной идеологии «общечеловеческих ценностей», когда рушатся устоявшиеся семейные, духовные ценности. Автор данной статьи отстаивал сохранение положения о нашей приверженности общечеловеческим ценностям, имея ввиду традиционное их понимание. Наше государство, как и ряд иных государств (РФ, другие государства СНГ), остаются приверженцами таких ценностей, отстаивают их, являются их хранителями.

В Конституции появилось новое положение: идеология белорусского государства (ст. 4). Ранее ученые много спорили относительно понятий – идеология белорусского государства или государственная идеология. Что касается последней категории, то звучали утверждения, что государственная идеология по своему смыслу исключает наличие многообразия суждений, мнений, взглядов. На наш взгляд, оба указанные понятия можно рассматривать как тождественные, однако в связи с новой редакцией ст. 4 следует придерживаться содержащегося в ней понятия – идеология белорусского государства.

К сожалению, Конституция не только «прирастала» новыми понятиями либо ранее включенные претерпевали изменения, но из нее также исключались некоторые категории. Например, из ст. 13 исключено указание на то, что государство способствует развитию кооперации. В историческом контексте данная норма появилась в Конституции 15 марта

1994 года как результат компромисса между различными политическими силами при обсуждении проекта Конституции. Надо признать, что депутаты Верховного Совета, представлявшие интересы организаций сельского хозяйства, в частности колхозов и совхозов, настаивали на закреплении в Конституции трех форм собственности: государственной, частной и как ее разновидности – колхозно-кооперативной. В итоге пришли к соглашению о способствовании со стороны государства развитию кооперации. В проекте, вынесенном на народное голосование 27 февраля 2022 года, эта норма была исключена. Хотя ее наличие в Конституции, на наш взгляд, можно было интерпретировать более широко, чем это понималось в момент принятия Конституции в 1994 году. Слово кооперация (от лат. cooperation) означает сотрудничество. На определенном этапе кооперация представляла собой форму организации частного, преимущественно мелкотоварного производства. В последние десятилетия появились более развитые формы, когда крупные организации вступают между собой в кооперационные производственные связи, причем не обязательно частные, осуществляя отдельные, самостоятельные, производственные операции для создания единого продукта. Наиболее очевидно значение таких кооперационных связей видно в автомобилестроении, самолетостроении и др.

Модернизация Конституции Республики Беларусь в результате республиканского референдума привела к появлению в ее тексте таких категорий, как, например, историческая правда и память, героический подвиг белорусского народа, социальная ответственность, пожилые люди, брак как союз мужчины и женщины, запросы судов, жалобы граждан и др.

Каждое из указанных понятий также имеет свой смысл, предназначение и содержание. Они после закрепления в конституционном тексте приобретают статус конституционного императива, имеют уже юридический статус, который получает свое развитие в актах текущего законодательства, в правоприменительной практике, в том числе посредством их уяснения и толкования. Например, было бы полезно разработать проект закона Беларуси о дополнительных мерах по социальной защите лиц пожилого возраста. Речь в нем могла бы идти преимущественно о вопросах организационного и гуманитарного характера (досуг, культурная сфера, здравоохранение и т.п.), ответственности органов местного управления и самоуправления по работе с этой категорией наших граждан

В современных условиях патерналистский тип отношений между государством и человеком, между государством и обществом себя изживает, выстраивается новый характер отношений между этими субъектами. Рост правовой культуры, правового сознания граждан меняет сложившуюся ранее парадигму отношений: растет число людей, которые осознают себя полноправными субъектами политического процесса.

Одной из важнейших составляющих для развития государства и общества, становления идеологии белорусского государства, как неотъемлемого условия демократического процесса (см. ст. 4 Конституции), является такая категория как социальная ответственность. Нельзя утверждать, что эта категория не была ранее известна, она часто использовалась, когда следовало подчеркнуть необходимость соблюдения определенных правил поведения, важных для всего общества. Однако в настоящее время, как отмечено выше, став конституционным императивом, она должна быть в поле зрения нормотворческих и правоприменительных органов, иных субъектов социальных отношений. Согласно ст. 21 Конституции Республики Беларусь каждый должен проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства. «Настройка» законодательства и практика в контексте социальной ответственности, как представляется, преимущественно должна идти не столько путем прямого расширения обязанностей (хотя они и не исключаются), сколько посредством ее прямого и косвенного стимулирования.

Социальная ответственность является важным источником благополучия страны. В обществе всегда идет дискуссия о том, как добиваться позитивной динамики в экономике, социальной сфере, как обеспечивать политическую стабильность. Размышления продолжаются относительно стимулов, способных повысить активность и ответственность тех, кто занят на производстве, оказывает предусмотренные законодательством различного рода услуги. И все же в научной литературе недостаточное внимание уделяется социальной ответственности каждого за общий успех страны. То, что в этом залог успеха, подтверждает пример Китайской Народной Республики, экономика которой, по сути, сравнима с первой экономикой мира (США), где внедряются социальные рейтинги.

Как было отмечено, обычно социальную ответственность рассматривали как этический принцип, содержанием которого является учет интересов всего общества. Отчасти соглашаясь с таким подходом и учитывая, что в вышеназванной статье Конституции идет также речь о посильном вкладе каждого в развитие общества и государства, полагаем, что наиболее приемлемым будет баланс частных и публичных интересов.

Понятие «посильный вклад» нуждается в осмыслении и тщательном анализе. В концептуальном плане отметим, что речь, на наш взгляд, не идет о том, что гражданин, должностное лицо, организация, обладая соответствующим потенциалом и не реализуя его, могут ссылаться на то, что они не в состоянии сделать для общественного блага больше. Полагаем, что необходима проработка стимулирования активной деятельности каждого, установление эффективных критериев для оценки труда должностных лиц (пока их недостаточно и они неэффективны в той

мере, в какой хотелось бы), организаций, соблюдения законодательства, обеспечения правомерного поведения. Здесь, полагаем, необходимо найти приемлемую грань между социальной ответственностью каждого, включая и внесение посильного вклада в развитие общества и государств, и правом на выбор образа жизни. При этом считаем приемлемыми действия государства, когда принимаются решения об обязанности трудоспособных, но не работающих лиц уплачивать сбор или установление для них особых тарифов по уплате коммунальных услуг в силу того, что они посредством налогов не участвуют в финансировании государственных расходов.

Научно-технический прогресс, интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий, современные вызовы и угрозы национальным интересам, полагаю, будут в центре внимания белорусских исследователей.

Социальная ответственность более широкое понятие, чем юридическая ответственность, которая является одним сегментов (пусть и наиболее важным по последствиям) ответственности социальной. Источниками социальной ответственности (в широком ее понимании) являются нормы права, морали, нравственности, этики, нормы религиозного вероучения. Источники юридической ответственности – нормы права.

В Конституции используются такие понятия, как обязанность, долг. Конституция – юридический документ. Использование в ней названных и иных понятий означает возможность, при соблюдении правовых принципов, наполнять право новым содержанием и новым вектором правовой регламентации с учетом необходимости реализации норм «долженствования». По мнению Д. М. Евстифеева, конституционный долг личности не является автономной, изолированной категорией, он определяется конституционным статусом индивида, особенностями его отношений с государством [2, с. 34].

В Конституции Республики Беларусь пятнадцать раз используется слова долг, должен, должна, должны. Эти понятия можно было бы рассматривать как моральные обязательства, если бы они не были зафиксированы в Конституции или даже ином нормативном правовом акте. Благодаря правовому закреплению они приобретают статус юридических требований. В зависимости от содержания конституционной нормы или нормы иного акта можно говорить о привнесении этического или нравственного начала в сферу регулирования. Например, согласно ст. 54 Конституции Республики Беларусь сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа, патриотизм являются долгом каждого гражданина Республики Беларусь. Это важный морально-этический принцип. В ряде случаев за осквернение памяти поколения, отстоявшего свободу, отдавшего жизнь за победу в Великой Отечественной войне может наступать юридическая ответственность.

Сохранение исторической памяти о героическом прошлом, патриотизм – это базисные ценности, которые обеспечивают консолидацию общества, его готовность сохранить свою культуру, единство. Сочетание обязанности и долга зафиксировано в ст. 57 Конституции Республики Беларусь, предусматривающей защиту Республики Беларусь (указано – священного долга).

Полагаем, что, получив свое закрепление в Конституции, понятия «долг», «должен» нельзя рассматривать только в качестве моральных обязательств, ведь они зафиксированы в Конституции, обретая благодаря этому статус юридических требований, которые усиливаются привнесением этического или нравственного начала в сферу правовых отношений. Становясь конституционным императивом, эта норма предопределяет поиск оптимальных решений, направленных на оптимизацию частных и публичных интересов. Таким образом, социальная ответственность касается не только юридических, но и физических лиц, она является важным фактором формирования гражданского общества, предполагает их активность и инициативу, стимулы и ограничения, моральную и юридическую ответственность.

Реализация социальной ответственности предполагает возможность воздействия со стороны институтов гражданского общества (эта категория также появилась в тексте Конституции), например, органов общественного самоуправления в отношении тех, кто не осознает ее. Социальная ответственность и долг в ряде случаев могут быть побудительными мотивами для выполнения юридических обязанностей.

В Конституции, как было отмечено, появились новые категории. В научном и практическом плане необходима их правильная интерпретация и применение.

Список использованных источников

1. Что такое самобытность народа? [Электронный ресурс]. – URL: <https://info.wikireading.ru/34635?ysclid=m52xkgxfda210703728> (дата обращения: 23.12.2024).

2. Евстифеев, Д. М. Конституционный долг личности в законодательстве и судебной практике / Д. М. Евстифеев // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – №7. – С. 30–34.

РОЛЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Д. М. Демичев

*доктор юридических наук, профессор,
сопредседатель научно-консультативного совета
при Конституционном Суде Республики Беларусь, ddm65@mail.ru*

Аннотация: В статье исследуются отдельные аспекты деятельности Правительства Республики Беларусь в области формирования цифровой экономики, правового регулирования разработки и внедрения информационно-коммуникационных технологий. Анализируется содержание нормативных правовых актов, заложивших основы функционирования в стране цифровизации как концепции экономической деятельности.

Ключевые слова: Правительство; информационное общество; информатизация; цифровая экономика; цифровая трансформация экономики; информационно-коммуникационные технологии (ИКТ); электронное правительство; государственные органы; цифровые технологии.

Для последних десятилетий XX в. характерно вступление человеческой цивилизации в новую стадию своего развития – стадию построения информационного общества (ИО). Происходящие в мировом пространстве глобальные политические и социально-экономические процессы вызвали к жизни новые направления в экономике и появления особого экономического и политико-правового явления – цифровой (электронной) экономики.

Концепцию электронной экономики впервые сформулировал в 1995 г. американский ученый-информатик греческого происхождения Николас Негропonte. Он же ввел в употребление термин «электронная» экономика [1]. Данное понятие связано с интенсивным развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и началом процесса информатизации второго поколения. В этот период появились современные персональные компьютеры, разнообразные носители и средства передачи информации, локальные и глобальные компьютерные сети, а также всемирная компьютерная сеть «Интернет». В результате цифровые технологии позволили кодировать информацию в цифровом виде как набор дискретных электрических импульсов. А в целом уровень развития цифровой экономики тесно коррелирует с уровнем конкурентоспособности, облегчает доступ к глобальным рынкам, способствует появлению новых форматов и возможностей для международного бизнеса.

На современном этапе мирового развития цифровая экономика выступает стратегическим приоритетом в большинстве государств планеты. Национальные программы цифровизации приняты и реализуются в Австралии, Великобритании, Германии, Дании, Китае, Франции, Японии и др. В качестве перспективных направлений программных документов определены: развитие телекоммуникационной, цифровой инфраструктуры; расширение доступа к цифровым услугам; укрепление позиций электронного правительства, открытый доступ к государственной информации и данным; обеспечение доверия (цифровая идентификация личности, защита личных данных, конфиденциальность и безопасность); изменение рынка труда, поощрение внедрения цифровизации в различных сферах, прежде всего в сфере услуг: здравоохранении, образовании, транспорте; развитие цифровых навыков населения и др. [2, с. 187–188].

В юридической и экономической литературе делаются многочисленные попытки выработать наиболее приемлемое определение понятию «цифровая экономика». Так, одни авторы считают, что это – совершенно обособленный, новый вид современной экономики, основанный на цифровых технологиях; другие авторы полагают, что цифровая экономика не есть «новая экономика»; как самостоятельной цифровой экономики нет; есть цифровой сегмент реальной экономики.

С нашей точки зрения, цифровая (электронная, веб-, интернет-экономика) экономика – *есть не что иное как составная часть традиционной экономики, как завязанная на цифровых технологиях, электронным бизнесе часть экономических отношений, которая опосредуется Интернетом, сотовой связью и ИКТ в целом.*

Правовые основы для развития цифровой экономики в Республике Беларусь были заложены с принятием целого ряда основополагающих нормативных правовых актов, принятых более 20 лет назад. Новые подходы правительственных структур по цифровизации экономики Республики Беларусь стали закладываться в конце прошлого столетия путем внедрения во все сферы общественной и государственной жизни элементов информатизации. Будучи в соответствии с конституционными установлениями центральным органом государственного управления, Правительство Республики Беларусь осуществляло свою деятельность в этой сфере преимущественно в обеспечении создания научно-технических, производственно-технологических и организационно-экономических условий развития информационных технологий, информационной инфраструктуры и системы формирования информационных ресурсов. В принятом постановлением Совета Министров Республики Беларусь 27 ноября 1991 г. № 444 Программе информатизации Республики Беларусь на 1991-1995 гг. и на период до 2000 г. предусматривалась информатизация трех основных сфер: социальной, материального производства и управления [3]. Однако из-за ограниченных финансовых ресурсов выполнялись только отдельные проекты указанной Программы.

Начиная с 1993 г. из системы государственного планирования были исключены инвестиционные средства на реализацию проектов в области информатизации, ликвидирована соответствующая государственная отчетность. В сочетании с многократной передачей функций координации деятельности в области информатизации между министерствами и другими республиканскими органами государственного управления это привело к фактической приостановке работ по созданию информационных систем и выполнению указанной Программы. Сформировался чисто ведомственный подход к созданию и развитию таких систем, что привело, в свою очередь, к возникновению трудностей межведомственного телекоммуникационного обмена информацией, дублированию работ и их удорожанию. Кроме того, политика информатизации оказалась практически отделенной от политики, проводимой в области средств массовой информации, связи и телекоммуникаций. Почти повсеместно укоренялся технократический подход к решению проблем информатизации, при котором преобладали закупка средств вычислительной техники и построение информационных сетей, которые оценивались в категориях битов, байтов, скоростей вычислений и передачи данных. При этом не учитывалась конечная цель создания информационных систем – повышение оперативности и качества принятия управленческих решений, экономической эффективности субъектов хозяйствования, уровня предоставляемых услуг и т.п. Препятствием для надлежащего использования ведомственных информационных систем являлось отсутствие во многих случаях соответствующих аналитических служб, обеспечивающих сбор данных и эффективную эксплуатацию таких систем, а также недостаточная компьютерная грамотность пользователей, в том числе государственных служащих. В результате, несмотря на повсеместное распространение современных программных и технических средств информатизации, информационное обеспечение государственных органов, юридических и физических лиц находилось на достаточно низком уровне.

В связи с этим в Республике Беларусь объективно назрела настоятельная потребность проведения единой государственной политики информатизации, направленной, прежде всего, на согласование интересов общества, государства и граждан.

Развитие инфраструктуры информатизации в Республике Беларусь в 2011–2015 гг. осуществлялось в соответствии со Стратегией развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 г., утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 9 августа 2010 г. № 1174 «О Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 года и плане первоочередных мер по реализации Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на 2010 год» [4], и разработанными для ее выполнения Национальной программой ускоренного развития услуг в

сфере информационно-коммуникационных технологий на 2011-2015 гг., отраслевыми и региональными программами информатизации на 2014-2015 гг.

Приоритетными направлениями использования инфраструктурных проектов информатизации в Республике Беларусь являлось создание инфраструктуры электронного правительства на фоне обеспечения безопасности ИКТ и цифрового доверия.

Выполнение основных мероприятий подпрограммы «Национальная информационно-коммуникационная инфраструктура» Национальной программы ускоренного развития услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий на 2011-2015 гг., утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 марта 2011 г. № 384, позволило обеспечить создание современной инфраструктурной основы для организации информационного обмена между всеми участниками экономических процессов: обществом, бизнесом, государством.

Задачи развития информатизации, сформулированные в соответствии с факторами развития и направлениями использования ИКТ, в целом были решены. Свидетельством этого является оценка ООН. В отчете «Электронное правительство. Обзор ООН 2014: Электронное правительство для будущего, которое мы хотим» значение индекса готовности Республики Беларусь к электронному правительству соответствовало 55-му месту из 193 стран. В аналогичном отчете ООН в 2012 г. Республика Беларусь занимала 61-е место.

Для повышения эффективности реализации основных государственных функций на основе создания и развития государственной системы оказания электронных услуг модернизирована ОАИС (общегосударственная автоматизированная информационная система), была создана вторая очередь защищенной системы межведомственного электронного документооборота (СМДО), внедрена более чем в 1,4 тыс. сельских, поселковых, городских и административных единицах автоматизированная информационная система «Местные Советы депутатов», которая позволяет перейти на оперативную электронную отчетность в Советах депутатов областного, базового и первичного уровней, разработан (усовершенствован) ряд государственных информационных систем и государственных информационных ресурсов по вопросам управления недвижимым имуществом, ведения электронного архива статистической отчетности, банка данных социальных выплат, обеспечения оперативно-служебной деятельности органов пограничной службы, деятельности системы судов.

В целях создания условий для укрепления доверия и безопасности при использовании ИКТ разработаны требования и комплект типовых документов политики безопасности для государственных информационных систем, а также ряд информационных систем,

программно-аппаратных комплексов, обеспечивающих функционирование государственной системы защиты информации.

Главной целью деятельности Правительства Республики Беларусь на период до 2020 гг. являлось системное повышение конкурентоспособности отраслей экономики, снижение зависимости от внешней конъюнктуры, восстановление экономического роста и повышение уровня жизни населения страны. Существенную роль в достижении этой цели все больше стали играть дальнейшее внедрение цифровой экономики и формирование информационного общества.

Для обеспечения развития в Республике Беларусь информационно-коммуникационных технологий и их эффективного применения во всех сферах и отраслях Совет Министров Республики Беларусь постановлением от 23 марта 2016 г. № 235 утвердил Государственную программу развития цифровой экономики и информационного общества на 2016-2020 гг. [5], разработанную в соответствии со Стратегией развития информатизации в Республике Беларусь на 2016-2022 гг., законодательными актами Республики Беларусь, регулирующими вопросы информатизации, создания информационных технологий, систем и сетей, формирования информационных ресурсов, обеспечения защиты информации, и результатами научных исследований, а также практическим опытом создания и развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Реализация указанной Государственной программы была направлена на достижение одного из приоритетов социально-экономического развития Республики Беларусь – эффективные инвестиции и ускоренное развитие инновационных секторов экономики («Инвестиции»). В рамках ее реализации решены основные стратегические задачи по развитию национальной информационно-коммуникационной инфраструктуры, услуг, предоставляемых на ее основе, модернизированы и созданы новые базовые компоненты электронного правительства, внедрены цифровые решения в различных отраслях экономики.

Новый мощный импульс дальнейшей цифровизации экономики страны был придан с принятием и вступлением в силу Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» [6]. Концепция проекта указанного Декрета, названного в IT-сообществе «Декретом о Парке высоких технологий 2.0», впервые была опубликована для широкого обсуждения в республиканской печати в июле 2017 г. К началу декабря того же года проект документа был согласован без замечаний всеми уполномоченными государственными органами и вновь внесён в установленном порядке на рассмотрение Президента. Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики» направлен на либерализацию условий ведения бизнеса в IT-сфере и развитие высоких технологий во всех отраслях белорусской экономики. В указанном Декрете собраны идеи как белорусского IT-сообщества, так и мировой опыт. В нем

заложены уточненные (в новой редакции) правовые основы деятельности Парка высоких технологий (ПВТ) [7], в том числе функции и порядок работы Наблюдательного совета ПВТ, компетенция государственного учреждения «Администрация Парка высоких технологий», порядок регистрации резидентов ПВТ, требования, предъявляемые к их деятельности и меры государственной поддержки. Документ включает в себя поддержку продуктовой модели, расширение видов деятельности резидентов ПВТ, IT-образование, развитие сферы блокчейн-технологий. Кроме того, Декрет № 8 вобрал в себя элементы международного права, благодаря чему Республика Беларусь стала первой в мире страной, внедрившей в правовое поле смарт-контракты (программный код, выполняющий определенные условия сделки между двумя или более сторонами на основе технологии блокчейн; автоматически исполняется при наступлении заранее определенных условий, без участия посредников и без возможности изменения данных после их внесения в блокчейн) и криптовалюты (биткоин, иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена).

Подписав 21 декабря 2017 г. Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики», Глава государства обозначил курс на построение IT-страны.

Во исполнение установлений указанного Декрета постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 февраля 2018 г. № 167 утверждено Положение о Совете по развитию цифровой экономики, который является постоянно действующим консультативным органом, осуществляющим координацию деятельности по реализации государственной политики в сфере цифровой трансформации экономики и развития информационно-коммуникационных технологий. Основной задачей Совета по развитию цифровой экономики является: определение целей и задач цифровой трансформации национальной экономики; формирование благоприятной правовой и регуляторной среды для развития национальной цифровой экономики; установление приоритетов внедрения цифровых технологий для производственных отраслей, сфер торговли и услуг, социальной сферы с учетом последних достижений в сфере информационно-коммуникационных технологий и развития глобального цифрового пространства и др. Персональный состав Совета по развитию цифровой экономики утверждается Советом Министров Республики Беларусь. Председателем Совета является Премьер-министр Республики Беларусь [8].

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 20 марта 2018 г. № 205 «О внесении изменений в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 27 марта 2006 г. № 403» во исполнение пункта 13 Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» в указанное постановление были внесены соответствующие корректировки, реализация

которых позволило более эффективно осуществлять намеченные в Декрете установки [9].

В целях обеспечения внедрения информационно-коммуникационных и передовых производственных технологий в отрасли национальной экономики и сферы жизнедеятельности общества Совет Министров Республики Беларусь своим постановлением от 2 февраля 2021 г. № 66 утвердил Государственную программу «Цифровое развитие Беларуси» на 2021-2025 годы [10]. Данная программа разработана в соответствии с приоритетными направлениями социально-экономического развития республики до 2025 г. и направлена на внедрение информационно-коммуникационных и передовых производственных технологий в отрасли национальной экономики и сферы жизнедеятельности общества. Формирование Государственной программы выполнено на основе законодательства, регулирующего вопросы информатизации, создания информационных технологий, систем и сетей, обеспечения защиты информации, а также результатов научных исследований, практического опыта создания и развития информационно-коммуникационных технологий. В рамках Государственной программы предусматривается выполнение мероприятий по созданию (развитию) современной информационно-коммуникационной инфраструктуры, внедрению цифровых инноваций в отраслях экономики и технологий «умных городов», а также обеспечению информационной безопасности таких решений. Результаты выполнения данных мероприятий будут непосредственно способствовать достижению на национальном уровне Целей устойчивого развития на период до 2030 г., содержащихся в резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 25 сентября 2015 г. № 70/1 «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», в частности, 9-й Цели устойчивого развития по созданию стойкой инфраструктуры, содействию всеохватывающей и устойчивой индустриализации и инновациям, а также 17-й Цели устойчивого развития по укреплению средств осуществления и активизации работы в рамках Глобального партнерства в интересах устойчивого развития, объявленных Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций.

Учитывая, что Государственной программой «Цифровое развитие Беларуси» на 2021-2025 годы предусматривается комплексная цифровая трансформация процессов государственного управления, регионального и отраслевого развития, ее результаты также окажут положительное влияние на достижение большинства Целей устойчивого развития, в том числе в сферах здравоохранения, образования, обеспечения экологической устойчивости населенных пунктов и других.

Таким образом, цифровизация экономики в Республике Беларусь является одним из национальных приоритетов и важнейших драйверов социально-экономического развития. В стране обозначен твердый курс на

построение «IT-страны». Для развития национальной цифровой экономики, стимулирования перехода к передовым цифровым технологиям в различных сферах, создания и развития современной цифровой инфраструктуры и цифровых платформ различного назначения формируется правовая и регуляторная среда, создается необходимая организационная и правовая база, реализуются масштабные инфраструктурные проекты, идет технологическая и организационная трансформация национальной индустрии информационно-коммуникационных технологий.

Одним из основных направлений инновационной стратегии в деятельности Правительства в настоящее время в области цифровизации экономики является всестороннее развитие сферы информационно-коммуникационных технологий, которое направлено на развитие национальной информационно-коммуникационной инфраструктуры, дальнейшее внедрение таких технологий в реальном секторе экономики, социальной сфере, что будет способствовать повышению конкурентоспособности национальной экономики, удовлетворению информационных потребностей общества. Ключевым направлением работы Правительства Республики Беларусь является перевод административных процедур и государственных услуг в электронный формат (электронное правительство), что позволит повысить прозрачность государственного управления, упростить ведение бизнеса и взаимодействие государства и граждан. Другим значимым проектом является создание национального портала открытых данных государственных органов и организаций. На портале размещается в открытом доступе общественно полезная информация, которая в дальнейшем может быть использована для создания электронных услуг.

Список использованных источников

1. Negroponte, N. Being Digital / N. Negroponte. – NY : Knopf, 1995. – 256 p.
2. Моисеева, Т. В. Особенности правового регулирования отношений в области цифровой экономики в странах Евразийского Экономического Союза / Т. В. Моисеева // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. – Т. 2. – 2020. – № 1. – С. 187–192.
3. Программа информатизации Республики Беларусь на 1991-1995 гг. и на период до 2000 г.: утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 27 нояб. 1991 г., № 444 // СПП Респ. Беларусь. – 1991. – № 33. – Ст. 408.
4. Стратегия развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 г.: утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 9 авг. 2010 г., № 1174 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 197. – 5/32317.
5. Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016-2020 гг.: утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 23 мар. 2016 г., № 235 (с изм. и доп.) // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 01.04.2016. – 5/41866; 28.12.2017. – 5/44598.

6. О развитии цифровой экономики: Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 27.12.2017. – 1/17415.

7. ПВТ – специальный налогово-правовой режим для развития ИТ-бизнеса в Республике Беларусь. Представляет собой юрисдикцию, которая функционирует по принципу экстерриториальности. Компании и индивидуальные предприниматели, зарегистрированные в ПВТ, могут пользоваться предоставляемыми им преференциями в независимости от местонахождения их белорусского офиса. На территории ПВТ действуют положения Декрета Президента Республики Беларусь от 21 дек. 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», согласно которому до 1 янв. 2049 г. резиденты Парка освобождаются от большинства налогов, включая налог на прибыль.

8. Положение о Совете по развитию цифровой экономики: утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 28 февр. 2018 г., № 167 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 08.03.2018. – 5/44900.

9. О внесении изменений в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 27 марта 2006 г. № 403: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 20 мар. 2018 г., № 205 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 24.03.2018. – 5/44944.

10. Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021-2025 годы: утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 2 февр. 2021 г., № 66 (с изм. и доп.) // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 05.02.2021. – 5/48755; 23.09.2024. – 5/53960.

УДК 340, 342

ПРАВА ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

С. Г. Василевич

*Кандидат юридических наук, доцент,
sergey.workmail.135@gmail.com*

Аннотация. В статье обращается внимание на потенциал информационных технологий в области обеспечения прав и свобод граждан, повышения эффективности государственного управления. Вносятся предложения о продолжении работы по инвентаризации действующего законодательства, устранения в нем противоречий и пробелов, полезности создания автоматизированной централизованной системы, аналогичной системе учета обращений граждан и юридических лиц, действующей в государственных органах и организациях, в которой государственные органы размещали бы ответы на наиболее часто задаваемые населением вопросы, на что автором обращалось внимание в ряде предыдущих своих статей и др.

Ключевые слова: права и свободы граждан, информационные технологии, качество нормотворчества.

Одной из важнейших задач органов государственной власти является установление такого порядка правового регулирования общественных отношений, который бы оптимизировал баланс интересов отдельного

человека, коллектива и общества в целом. Универсальный рецепт в отношении такого баланса предложить трудно, так как решать данный вопрос следует в зависимости от категории прав и свобод, то есть это права, которые человек приобретает в силу рождения, и государство вторгается в данную сферу лишь в случае особой необходимости, либо это права позитивные, например, социально-экономические, и их объем зависит от экономического благосостояния государства, его ресурсов и т.д.

В современный период на объем и содержание прав и свобод, характер взаимоотношений между человеком и государством оказывают влияние кризис отношений на международной арене, их открытая турбулентность, неправомерное применение так называемых «санкций». Однако все это не исключает, а, наоборот, предполагает более эффективное правовое регулирование отношений внутри государства, необходимость укрепления к нему доверия со стороны граждан, создания и улучшения правовой системы, функционирующей стабильно и эффективно. Существенную помощь в ее создании и действии в настоящее время оказывают информационные технологии. Сейчас явно обозначилась тенденция по использованию возможностей искусственного интеллекта в области нормотворчества и правоприменения, упорядочение работы с обращениями граждан. ООН считает необходимым рассматривать электронное правительство как «новый уровень цифрового взаимодействия между органами государственной власти различных ветвей власти, гражданами, организациями и иными субъектами, основанный на использовании и применении государственными органами информационных технологий в публичном управлении для оптимизации и интеграции процессов и процедур в целях эффективного управления данными и информацией, улучшения качества предоставления государственных услуг и расширения каналов коммуникации для вовлечения людей в процесс принятия политических решений» [1].

Понятие информации, ее природа и закономерности развития с древних времен привлекали к себе внимание ученых. В 20-веке вопросами теории информации стали заниматься кибернетика и информатика. Научное изучение информации положено в работах таких ученых, как Н. Винер, связывавших информацию с теорией управления.

Правовое регулирование имеет свои границы. Одним из самых сложных является вопрос о мере правового регулирования, о критериях с целью «определения объема и методов правового воздействия на общественные процессы, сознание и поведение людей» [2, с. 10]. В литературе отмечается, что правовую границу в самом общем виде можно охарактеризовать «как зону исключительного или смежного правового регулирования» [3, с.9]. Важно точно определять границы «между правом и иными социальными регуляторами», «национальным и международным правом», «публичным и частным правом», что усиливает потребность в научном прогнозировании, применения «методов экстраполяции,

программирования, моделирования, экспертных опросов», внедрения «показателей эффективности действия законов» [3, с. 9-13]. Наряду с недостаточностью правового регулирования в литературе совершенно справедливо указывается на недопустимость перегруженности законодательства, фиксации в нем правил, объективная потребность в закреплении которых отсутствует [4, с. 250]. Тема исключения избыточности правового регулирования постоянно затрагивается в публикациях маститых российских и белорусских ученых. Более того, как отметил доктор юридических наук В. Б. Исаков, «излишества в праве вредны» [5, с. 106]. Избыточность правового регулирования, его нестабильность, постоянная корректировка законодательства усиливают бюрократическую составляющую во взаимоотношениях государства, граждан, представителей бизнес-сообщества. Это влечет замедление экономического развития, увеличение затрат времени на преодоление бюрократических барьеров, подрывает доверие граждан к власти, формирует у них мнение о неэффективности государственного управления. Есть еще один важный аспект, который необходимо учитывать: излишества в сфере правового регулирования, запутанность актов законодательства, их множественность по одному и тому же вопросу, противоречивость способствуют коррупционным правонарушениям (преступлениям).

Конечно, новые вызовы общественного развития предполагают принятие новых актов законодательства, их обновление. На определенном этапе развития совершенствование правовой системы, ее нормативной составляющей необходимо. Например, по вопросу внедрения информационных технологий, юридической регламентации (охраны и защиты) соматических прав, укрепления государственного суверенитета, функционирования межгосударственных образований, расширения сферы частного права и т.д. По образному сравнению Ю. А. Тихомирова, право в любом случае «соучастник» управления, ключевым является лишь вопрос, в какой роли? [6, с. 9]. Именно по этой причине мы не можем полностью согласиться с высказанным мнением о том, что «при увеличении количества законов эффективность правового воздействия снижается» [7, с. 106]. Республика Беларусь определена в Конституции как правовое государство. Это предполагает оптимизацию правового воздействия в области управления. Ведь граждане рассчитывают на хорошее управление, для которого характерно разумное (сбалансированное) сочетание права и иных социальных регуляторов.

Ранее автором данной статьи указывалось на необходимость проведения инвентаризации действующих нормативных правовых актов, относящихся к отдельным отраслям. Цель – проведение чистки законодательства и избавление от множественности актов, особенно одного уровня, посвященных регулированию одной группы общественных отношений. Начинать такую работу можно было бы с составления в

рамках министерств, государственных комитетов соответствующего перечня актов, последующего их анализа и замены укрупненными актами [8, с. 99–104]. Полезно внедрить оценку работы министерств не только по экономическим показателям, но и по эффективности реализации законодательных актов, по тому, как выстраивается правовая пирамида в соответствии с принятыми законодательными актами. Совет Республики мог бы «отрабатывать» (готовить) рекомендательные акты для местных Советов депутатов по наиболее сложным сферам правового регулирования, которые были бы своего рода моделью для принятия ими своих решений, тем самым оказывали бы им помощь в реализации полномочий и обеспечивали единство при реализации законов. Естественно, важно при этом не посягать на закрепленные в Конституции и законах полномочия органов местного самоуправления [8, с. 99–104].

В условиях нестабильного мирового порядка к национальному государству предъявляются новые требования. Все большую поддержку получает концепция «сильного государства», основными признаками которого являются «наличие сильной государственной власти, стабильно развивающихся политических институтов, заметная политическая активность населения, наличие функционирующих институтов общественного администрирования» [9, с. 101]. Для такого государства характерно управление «политической системой и экономикой на принципах легальности и легитимности» [9, с. 101], способность отстоять свой суверенитет и безопасность. При этом, полагаем, что право должно и далее играть свою позитивную, созидательную роль. На это должны быть направлены усилия специалистов в области нормотворческой и правоприменительной деятельности [8, с. 99–104].

В последние два десятилетия информационные технологии стали одним из важнейших факторов, влияющих на развитие общества. Воздействие данных технологий касается обширного круга отношений, а именно: между государственными структурами и институтами гражданского общества, экономической и социальной сферами, образования, культуры, а также образа жизни людей.

Полезно создать централизованную систему, в которой государственные органы размещали бы ответы на наиболее часто задаваемые населением вопросы. Это позволило бы сэкономить время и материальные ресурсы, затрачиваемые при подготовке государственными служащими ответов на типичные вопросы. Кроме того, полезно создать банк данных административных прецедентов, то есть тех решений органов исполнительной власти, которые должны являться ориентиром для рассмотрения спорных проблем. Все это позволит обеспечить единство правоприменительной практики, подконтрольность власти обществу.

Отметим также, что в научной литературе упоминается принцип транспарентности (информационной открытости) государственного управления. Данный принцип, к сожалению, активно не используется

многими органами государственной власти. Полагаем, что было бы полезно нормативно закрепить обязанность, например, местных органов власти, местных представительных органов в начале и в конце каждого календарного года публиковать на официальном сайте соответствующего органа информацию о запланированных мероприятиях на календарный год и, соответственно, выполненных за прошедший отчетный период. Причем в открытом доступе должны находиться сведения о поставленных предыдущих целях. Данный проект мог бы стать пилотным и при его популяризации среди населения в будущем мог бы стать обязательным и для всех государственных органов республиканского уровня. Это позволило бы заставить чиновников, получающих заработную плату из государственного бюджета, пополняемого налогоплательщиками, активнее заниматься исполнением возложенных на них должностных обязанностей. Полезно было бы практиковать проведение отдельных заседаний коллегиальных органов исполнительной власти (коллегий министерств и государственных комитетов, исполкомов, местных администраций) в онлайн режиме. Это помогло бы обеспечить прозрачность принятия управленческих решений [10, с.76–81].

Список использованных источников

1. United Nations E-Government Survey 2014: E-Government for the Future We Want [Electronic resource] / United Nations. – Mode of access: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2014-Survey/E-Gov_Complete_Survey-2014.pdf. – Date of access: 11.12.2024.
2. Методология поиска (выбора) оптимальных правовых решений. Материалы научного семинара. Вып. 1-2. – М.: Научный эксперт, 2012. – 248 с.
3. Границы правового регулирования: Научно-практическое пособие /отв. ред. И. В. Плюгина, Е. В. Черепанова; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. – М.: ИД «Юриспруденция», 2011. – 184 с.
4. Лексин И.В. Территориальное устройство России: конституционно-правовые проблемы. – М.:Ленанд. – 2014. – 432 с.
5. Исаков В.Б. Сверх меры – вредно. В кн.: Методология поиска (выбора) оптимальных правовых решений. Материала научного семинара. Вып. 1-2. – М.: Научный эксперт. 2012. – 248 с.
6. Тихомиров Ю.А. Управление на основе права. – М.: Формула права, 2007. – 485 с.
7. Глигич-Золотарева М.В. Метаморфозы правового регулирования. В кн.: Методология поиска (выбора) оптимальных правовых решений. Материала научного семинара. Вып. 1-2. – М. : Научный эксперт. 2012. – 248 с.
8. Василевич, С.Г. Актуальные проблемы развития права на современном этапе. – Известия НАН Беларуси. – 2016. – №1. – С. 99–104.
9. Безкоровайная, Ю.Е. Кризис легальности и легитимности государственной власти в контексте формирования «сильного государства» / Ю.Е. Безкоровайная // Государство и право. – 2011. – № 7. – С. 101–103.
10. Василевич, С.Г. Информационные технологии как средство повышения эффективности управления государственными и общественными делами. Правовая парадигма. – 2021. –Т. 20. – №3. – С. 76–81.

ПРАВО НА МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: МЕЖДУНАРОДНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ

Т. М. Киселёва

*доцент кафедры конституционного права, юридический факультет,
Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук,
доцент, KisialTM@bsu.by*

Аннотация. Право на местное самоуправление нашло свое нормативное закрепление на международном и национальном уровне, однако на настоящий момент практически не урегулированными являются аспекты влияния процессов цифровизации на осуществление местного самоуправления. В связи с этим существует необходимость уточнения регулирования процессов решения вопросов местного значения в контексте цифровизации государства и общества.

Ключевые слова: местное самоуправление; право на местное самоуправление; электронный муниципалитет; цифровизация на местном уровне.

Местное самоуправление является важным атрибутом демократического правового государства, так как наличие эффективных механизмов решения гражданами вопросов, представляющих непосредственный интерес для конкретных территорий, выступает ярким проявлением прямой демократии. Именно на местном уровне должен быть обеспечен доступ для населения к управлению делами соответствующих территорий, чтобы граждане могли заявить о волнующих их проблемах, предложить приемлемые для них пути решения возможных проблем или своими силами участвовать в жизни местного сообщества.

Право на местное самоуправление можно рассматривать в двух аспектах – широком и узком. В широком смысле право на местное самоуправление – это гарантированная международным и национальным правом возможность жителей конкретных территорий осуществлять непосредственно или опосредованно их управление. В узком смысле – это право каждого конкретного человека принимать участие в установленных законодательством формах в решении вопросов местного значения.

Данное право является составным элементом базового политического права на управление делами государства и одним из принципов демократического государства. В современных условиях право на местное самоуправление, как и иные права и свободы личности, приобретает новое наполнение в условиях цифровизации государства и общества, построения и развития электронного муниципалитета.

Полагаем, что в настоящий момент игнорировать влияние цифровизации недопустимо, так как внедрение новых методов и форм местного самоуправления представляет интерес как для граждан, так и для

государства. Использование новых способов участия граждан в решении вопросов местного значения может повысить интерес населения к развитию территорий и более активному решению существующих проблем, способствовать формированию культуры активного участия граждан в местном самоуправлении, а не ожидания решения их запросов государством.

Внедрение новых технологий именно на местном уровне может стать апробацией использования инструментов электронного государства, которые, в случае успешного их использования, будут возможно распространить на республиканском уровне. Поэтому электронное государство следует начинать с активного развития электронного муниципалитета.

При этом внедрение и использование новых инструментов в процессе реализации права на местное самоуправление требует законодательного закрепления, поэтому совершенствование норм международного и национального права в данной сфере является необходимым.

Относительно международного закрепления права на местное самоуправление, следует признать, что на данный момент отсутствует какой-либо международный договор универсального характера, закрепляющий право на местное самоуправление и базовые принципы местного самоуправления. В качестве международной основы местного самоуправления можно считать ст. 25 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., согласно которой каждый гражданин должен иметь без какой бы то ни было дискриминации, без необоснованных ограничений право и возможность принимать участие в ведении государственных дел как непосредственно, так и через посредство свободно выбранных представителей. Данная норма распространяется в равной мере на общегосударственный и местный уровень, хотя непосредственно право на местное самоуправление она не закрепляет.

На региональном уровне вопросам местного самоуправления уделяется больше внимания. В частности, в рамках Совета Европы действует Европейская хартия местного самоуправления 1985 г. Следует отметить, что хотя Республика Беларусь не присоединилась к Хартии, но, как справедливо отмечает профессор Г. А. Василевич, «если сопоставить нормы Европейской хартии и нормы национального законодательства о местном самоуправлении, то существенных различий не обнаружим» [1, с. 7]. В частности, в Хартии определено, что принцип местного самоуправления должен быть признан во внутреннем законодательстве и по возможности в Конституции государства. Также в Хартии содержится определение местного самоуправления, сфера компетенции местного самоуправления, требование о соответствии структур и административных средств задачам органов местного самоуправления, условия осуществления полномочий на местном уровне и другие вопросы. Хартия

не содержит норм, касающихся вопросов организации местного самоуправления в условиях цифровизации, что вполне ожидаемо, так как во время принятия Хартии соответствующие процессы не получили такого распространения, как в настоящее время.

Существуют определенные основы местного самоуправления также в рамках СНГ, членом которого является Республика Беларусь. Однако следует отметить, что в отличие от Совета Европы, государства-участники СНГ не заключили договор о местном самоуправлении, имеющий обязательный характер. На данный момент действует только Декларация о принципах местного самоуправления в государствах – участниках СНГ, утвержденная постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 28 октября 1994 г.

По своему содержанию названная Декларация близка к Европейской хартии местного самоуправления. В Декларации было провозглашено, что местное самоуправление является необходимым элементом демократической организации государственной и общественной жизни каждого государства – участника СНГ, а право на самостоятельное решение местных дел через институты местного самоуправления является неотъемлемым правом граждан. Под местным самоуправлением в Декларации понимается система организации деятельности населения (местных территориальных сообществ) для самостоятельного и под свою ответственность решения вопросов местного значения в соответствии с законами государства.

В Декларации также закреплены основы взаимоотношения государства и органов местного самоуправления, экономические основы и организационные основы местного самоуправления, право органов местного самоуправления на ассоциации, а также принцип ответственности за невыполнение решений субъектов местного самоуправления.

Как и Европейская хартия, так и Декларация СНГ не касается вопросов внедрения достижений цифровизации в местное самоуправление, что также объясняется временем ее принятия.

Следует признать, что модели организации местного самоуправления в каждом государстве могут различаться, что делает невозможным разработку единого для всех государств или отдельных регионов акта, закрепляющего универсальный порядок решения вопросов местного значения. Однако не следует отказываться от закрепления общих принципов и ориентиров для развития местного самоуправления. В связи с этим полагаем, что текст Декларации СНГ может быть использован в качестве основы для разработки в последующем Конвенции СНГ о принципах местного самоуправления. В Конвенции, помимо закрепленных в Декларации норм, также можно отразить признание влияния цифровизации на местное самоуправление, понятия и принципы электронного муниципалитета.

Основное регулирование вопросов организации и осуществления права на местное самоуправление должно осуществляться национальным законодательством. В Республике Беларусь основными источниками местного самоуправления выступают положения Конституции и Закона Республики Беларусь от 04.01.2010 № 108-З «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» (далее – Закон № 108-З).

Закон № 108-З определяет порядок осуществления местного управления и самоуправления, включая вопросы деятельности местных органов власти, а также непосредственного участия населения в решении вопросов местного значения. Несмотря на то, что в Закон № 108-З регулярно вносятся изменения и дополнения, влияние процессов цифровизации на местное самоуправление в нем не отражено. Закон не предусматривает использование современных технологий для реализации права на местное самоуправление, не закрепляет специальные формы местного самоуправления, осуществляемые в виртуальном пространстве и т.д. При этом, в Законе № 108-З установлена возможность использования глобальной компьютерной сети Интернет для информирования населения о деятельности местных органов власти, о реализации гражданских инициатив, а также предоставляется право вносить гражданские инициативы в электронном виде.

Отдельные формы местного самоуправления регулируются специальными актами, среди которых следует назвать Избирательный кодекс (закрепляет процедуру выборов депутатов местных Советов депутатов и их отзыва, проведения местного референдума) и Закон Республики Беларусь от 12.07.2000 № 411-З «О республиканских и местных собраниях». В названных актах в полной мере возможности цифровизации для реализации местного самоуправления не отражаются, закрепляются лишь отдельные возможности использования сети Интернет в целях распространения информации. В Законе Республики Беларусь от 18.07.2011 № 300-З «Об обращениях граждан и юридических» закрепляется право и процедура направления электронными обращениями в государственные органы, в том числе в местные органы власти. Закон Республики Беларусь от 17.07.2018 № 130-З «О нормативных правовых актах» предусматривает использование сети Интернет для организации публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов и официального опубликования текстов нормативных правовых актов, в том числе актов местных органов власти.

Таким образом, на данный момент можно говорить лишь о фрагментарном регулировании использования современных цифровых технологий в отношениях, связанных с осуществлением местного самоуправления. При этом характерно, что более подробное регулирование осуществляется профильными актами, которые, в том числе, распространяются на органы местного управления и самоуправления.

В целях развития белорусского законодательства представляется полезным обратиться к опыту регулирования осуществления права на местное самоуправление в условиях цифровизации в зарубежных странах.

В Российской Федерации действует Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в котором предусмотрено активное использование возможностей сети Интернет. Так, в соответствии с названным Законом в сети Интернет должна быть размещена информация о внесении и рассмотрении инициативного проекта в местную администрацию (ст. 26.1), через сеть Интернет должно быть обеспечено заблаговременное оповещение жителей муниципального образования о времени и месте проведения публичных слушаний и заблаговременное ознакомление с проектом муниципального правового акта (ст. 28), данная сеть также может использоваться для проведения опросов граждан (ст. 31), обнародования муниципальных правовых актов (ст. 47).

В Республике Казахстан вопросы реализации права на местное самоуправление регулируются Законом Республики Казахстан от 23.01.2001 № 148 «О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан», в котором вопросы цифровизации не получили своего отражения. В тексте Закона указывается только на опубликование постановлений постоянной комиссии маслихата на интернет-ресурсе маслихата. Использование современных технологий для участия граждан в местном самоуправлении не предусмотрено.

В Конституционном законе Республики Таджикистан от 17.05.2004 № 28 «О местных органах государственной власти» в целом отсутствуют какие-либо нормы, касающиеся использования современных технологий в отношениях, связанных с осуществлением местного самоуправления.

В Законе Республики Молдова от 28.12.2006 № 436 «О местном публичном управлении» предусмотрено активное использование цифровых технологий. В частности установлено, что в процессе осуществления административного производства, в процессе общения с соответствующими лицами/учреждениями и при оказании услуг в сфере своей компетенции органы местного публичного управления используют электронные средства коммуникации по мере их доступности и функциональности. Документы и административные акты индивидуального характера издаются в форме электронного документа. Административные дела составляются и ведутся преимущественно в электронной форме. Также Законом предусматривается ведение Государственного регистра местных актов, содержащего электронные тексты актов органов местного публичного управления и относящиеся к ним дополнительные данные.

Как можно увидеть, на пространстве стран-участниц в СНГ в большинстве случаев аспекты использования результатов цифровизации не находят или находят частичное отражение в законах, регулирующих

решение вопросов местного значения. Безусловно, внедрение новых технологий может регулироваться подзаконными актами или осуществляться без регулирования, однако отсутствие признания значимости цифровизации на более высоком нормативном уровне и установления общих подходов использование конкретных инструментов электронного муниципалитета может привести к различным нарушениям и злоупотреблениям.

Относительно Республики Беларусь, считаем важным расширить законодательное закрепление использования современных цифровых технологий при осуществлении местного самоуправления. В частности, считаем возможным расширение практики использования электронных форм взаимодействия граждан и местных органов власти, а также закрепление в Законе новых форм местного самоуправления, непосредственно связанных с использованием цифровых технологий. Одной из таких форм может стать проведение опросов граждан в сети Интернет. Онлайн-опросы граждан можно рассматривать в качестве доступной альтернативе местным референдумам, которые, в силу закрепления строгих правил их инициирования и назначения, не стали распространенным инструментом решения вопросов местного значения в Республике Беларусь. В отличие от местного референдума, опросы возможно проводить по любым вопросам, представляющим интерес для населения соответствующих территорий, даже если они и не носят важнейший характер. К примеру, темами опроса могут стать вопросы благоустройства, озеленения, наименования остановочных пунктов и т.п.

В качестве закрепления общего ориентира для развития электронного муниципалитета в Республике Беларусь полагаем целесообразным закрепить в Законе принцип цифровизации местного управления и самоуправления, что станет основой для развития соответствующих отношений.

Таким образом, на данный момент право на местное самоуправление нашло свое отражение на международном и национальном уровне. Однако регулирование отношений в указанной сфере не учитывает в полной мере влияние цифровизации на процессы решения вопросов местного значения как государственными органами, так и гражданами. Сложившаяся ситуация требует решения, так как проникновение цифровых технологий во все сферы общественной и государственной жизни будет только активизироваться.

Список использованных источников

1. Василевич, Г.А. Развитие местного самоуправления в Республике Беларусь в контексте требований Европейской хартии местного самоуправления / Г.А. Василевич // Совершенствование механизма государственного управления в условиях правовой интеграции государств : материалы междунар. круглого стола, Минск, 28 сентября 2018 г. / БГУ, Юридический фак., Каф. государственного управления ; [под ред. Т. А. Червяковой]. – Минск : БГУ, 2018. – С. 7-11

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ (ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ)

Н. М. Кондратович

*доцент кафедры конституционного права, юридический факультет,
Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук,
доцент, kondratovichn@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются возможные пути совершенствования избирательного законодательства в области применения современных информационных технологий при проведении выборов с учетом опыта зарубежных странах. Дана характеристика процедурным особенностям использования информационных технологий в практике проведения выборов в отдельных странах мира.

Ключевые слова: избирательный процесс; стадии избирательного процесса; информационные технологии; электронное голосование; электронный сбор подписей избирателей; дипфейк.

Современный мир живет в информационном обществе, информационные технологии безвозвратно вошли во все сферы жизнедеятельности. Одной из сфер их применения является избирательный процесс. Законодательное регулирование использования информационных технологий в избирательном процессе представляет собой важнейшее направление правовой политики современного государства.

В конституционном праве избирательный процесс – это урегулированная законом и традициями деятельность по организации и проведению выборов. Избирательный процесс как политико-правовая категория – это урегулированная законом деятельность государственных структур, избирателей, политических партий, общественных объединений по приготовлению и проведению выборов в государственные и муниципальные органы. Это длящаяся во времени процедура, предполагающая наличие совокупности стадий, действий, установленных законами и иными нормативными правовыми актами.

Исследователи в области конституционного права выделяют ряд стадий избирательного процесса: назначение выборов; формирование избирательных округов; создание избирательных органов; регистрация избирателей; выдвижение кандидатов; агитационная кампания; стадия

голосования; подсчет голосов избирателей и установление итогов голосования; опубликование результатов. В большинстве из вышеперечисленных стадий в зарубежных странах используются информационные технологии. При этом, следует заметить, что законодательство зарубежных стран по-разному регулирует возможность применения информационных технологий в избирательном процессе в целом и на отдельных стадиях в частности. Но правовое регулирование всегда направлено на стабилизацию и упорядочивание общественных отношений.

Наиболее урегулированная законодательством сфера применения информационных технологий – электронное голосование. Исходя из опыта зарубежных стран электронное голосование достаточно широко распространено в мире (США, Швейцария, Эстония и др.) [1]. В этих же странах автоматизированные системы обработки бюллетеней и подсчета голосов получили наибольшее распространение. Но из-за недостаточно развитой нормативно-правовой базы, которая регулирует порядок проведения электронного голосования, сложно контролировать проведение электронного голосования.

Совершенно очевидно, что при внедрении системы электронного голосования повышаются требования к достоверности полученных результатов на выборах, прозрачности аудита, к системе безопасности. При использовании такой процедуры электронного голосования возникает ряд проблем и рисков (в т.ч. определенные противоречия, возникающие при реализации принципа равного избирательного права, тайны голосования, обеспечения законности и проверяемости результатов голосования, определения итогов выборов и др.). Вместе с тем, полагаем, что использование удаленного электронного голосования является наиболее перспективным направлением развития электоральной демократии [2, с. 156-157].

Законодательство зарубежных стран слабо регулирует и вопрос законности использования нейросети в избирательном процессе. Из зарубежной практики использования нейросетей можно привести пример, когда премьер-министр Индии Нарендра Моди использовал голограмму самого себя для проведения виртуальных митингов в нескольких местах во время выборов в нижнюю палату парламента Индии. Благодаря этой технологии, кампания Нарендра Моди смогла охватить десятки миллионов избирателей. По словам Моди, голограммы должны показать всему миру, что Индия использует в политике самые современные технологии. Подобный приём уже использовала правящая партия Турции в ходе представления кандидатов на пост мэра города Измир 26 января 2014 года. Тогда было продемонстрировано голографическое 3D-изображение

действующего премьер-министра страны, а на сегодняшний день – Президента Турции Реджеп Тайипа Эрдогана для политической агитации.

Есть много способов использования нейросетей в предвыборных кампаниях. Это может быть анализ поведения избирателей в интернете, включая их модель потребления данных, составление уникальных психографиков для создания профиля поведенческих моделей пользователей. Отправка рекламных рассылок избирателям в зависимости от их ожиданий на основе анализа, проведенного нейросетью. Внедрение чат-ботов для взаимодействия с избирателями на тематических сайтах. Генерация уникального контента (картинок, слоганов, видеороликов). Благодаря нейросетям могут появиться ресурсы для создания контента под каждую аудиторию. Однако без государственного надзора и регулирования быстро развивающийся искусственный интеллект может представлять реальную угрозу.

В Российской Федерации правительственная комиссия по законопроектной деятельности в феврале 2024 года дала отрицательное заключение на инициативу ЛДПР, касающуюся использования в предвыборной агитации изображений или голоса, сгенерированных искусственным интеллектом (ИИ). Законопроект об использовании ИИ в предвыборной агитации депутаты от ЛДПР внесли в Госдуму в октябре 2023 года. Они предложили внести поправки к ст. 48 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав», регулирующей правила агитации. Предлагалось добавить пункт, согласно которому «ограничения и запреты, установленные настоящей статьей, не распространяются на использование... изображения и (или) голоса (синтезированной речи), созданного с помощью технологий искусственного интеллекта». Конституционный Суд РФ в своем определении от 27.06.2017 N 1226-О указал на то, что «специальное регулирование осуществления предвыборной агитации направлено, прежде всего, на то, чтобы не допустить возможность формирования у избирателей искаженного представления о кандидате, а также на обеспечение равенства прав кандидатов и защиту прав и интересов граждан, не являющихся кандидатами». Подход, допускающий использование «изображений любых физических лиц без их письменного согласия в агитационных материалах в случае, если такое изображение создано с помощью технологий искусственного интеллекта», не согласуется с принципом неприкосновенности частной жизни [3].

На техническом уровне проблемы расширения воздействия искусственного интеллекта на виртуальную реальность обсуждаются, но в среде правоведов, электоральных экспертов правовые, когнитивные, коммуникативные, культурные вызовы экспансии искусственного

интеллекта, его влияния на демократию и избирательный процесс, не получили достаточно широкого обсуждения.

Законодательство США, регламентирующее правила использования и распространения дипфейков, впервые было принято на уровне отдельных штатов. Так, в сентябре 2019 года в штате Техас был принят закон, запрещающий распространение видеодипфейков, вводящих в заблуждение, направленных на нанесение ущерба политическим кандидатам или оказывающих влияние на избирательную систему, в течение 30 дней, предшествующих выборам. В октябре 2019 года аналогичный закон был принят в штате Калифорния (Assembly Bill No 730). Он устанавливает идентичный запрет, но с более пролонгированным сроком действия: дипфейки нельзя распространять в течение 60 дней до выборов. В настоящий момент на рассмотрении Конгресса США находится Закон об ответственности за дипфейки (H.R.5586 - DEEPFAKES Accountability Act of 2023).

С 10 января 2023 г. в Китае действует Закон о дипфейках. Содержание Закона включает три основных правила. Во-первых, необходимо, чтобы отдельные лица дали свое согласие на то, чтобы их изображение могло быть использовано в видеодипфейке. Во-вторых, запрещено использовать технологии дипфейка для распространения фейковых новостей. Наконец, запрещен любой контент, который противоречит действующим законам, наносит ущерб имиджу страны и национальным интересам или ставит под угрозу национальную безопасность и подрывает экономику. Кроме того, необходимо делать специальную отметку на видеоконтенте, использующем технологию дипфейк. С одной стороны, Закон позволяет китайскому правительству сохранять контроль над технологией дипфейк, с другой – оставляет частным компаниям возможность извлекать выгоду от использования дипфейк-технологии. Однако любая компания, желающая производить дипфейки, должна пройти аудит безопасности.

В 2020 году в Южной Корее был принят закон, согласно которому распространение дипфейков, которые могут «нанести вред общественным интересам», является незаконным. Нарушителям грозит до пяти лет тюремного заключения или штраф в размере до 50 миллионов вон или около 43 000 долларов США.

В целом вред от дипфейков имеет далеко идущие последствия и для его минимизации требуются согласованные усилия правительств.

Исследования показывают, что фальсификации в сочетании с таргетированием могут использоваться для манипулирования политическими мнениями пользователей. В целях нивелирования данного риска следует внести изменения в избирательные законы в части введения

запрета на использование технологий дипфейк в политической рекламе, в том числе в предвыборной агитации и агитации по вопросам референдума.

Законодательство зарубежных стран отличается и порядком сбора подписей в поддержку выдвижения кандидатов на выборную должность. При этом в некоторых государствах сбор подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидатов может проводиться исключительно в электронном виде либо в сочетании с традиционным сбором подписей избирателей на бумажном носителе (подписном листе или ином подписном документе). В некоторых государствах электронный сбор подписей избирателей практиковался в качестве разовой электоральной процедуры, связанной с пандемией коронавируса (Исландия, Канада, ФРГ). В 10 государствах при проведении парламентских и (или) президентских выборов законодательно предусмотрена возможность сбора подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидатов в электронном виде (полностью либо частично) с их последующей проверкой (Бельгия, Болгария, Грузия, Дания, Исландия, Канада, Литва, Румыния, ФРГ, Тунис).

В Литве в соответствии с Избирательным кодексом Литвы № XIV-1381 от 19 июля 2022 г. в последней редакции от 7 мая 2024 г. – № XIV-2588 при проведении парламентских выборов для сбора подписей избирателей в электронном виде применяется автоматизированная информационная система Центральной избирательной комиссии страны. Согласно пункту 6 статьи 79 Избирательного кодекса Литвы «избиратели могут поддержать кандидата или (и) список кандидатов своими подписями в электронной форме в порядке, установленном Центральной избирательной комиссией».

В Бельгии применяется автоматизированная информационная система Министерства внутренних дел и юстиции, в Дании — портал предоставления государственных услуг населению. Так, в Дании осуществлен переход к электронной авторизации избирателя и проведению автоматизированной проверки индивидуальных деклараций в рамках цифровой системы обработки персональных данных. На этой основе при проведении парламентских выборов избиратель, желающий поставить свою подпись в поддержку списка кандидатов политической партии, независимого кандидата, должен был первоначально зарегистрироваться (авторизоваться) в электронном виде на портале электронных государственных услуг и затем практически без каких-либо временных задержек получить электронное (при необходимости — и бумажное) подтверждение правомерности простановки им своей подписи.

В Венгрии применяются купоны (ajánlívét), предназначенные для сбора подписей (рекомендаций). Купоны имеют степени защиты (с 2014 года) и уникальный идентификатор. Они являются документами строгой

отчетности. Избиратели, оставляя подписи поддержки в купонах, указывают свои персональные данные. Названные сведения может внести и сборщик подписей, однако подпись избиратель всегда ставит самостоятельно. В 2022 году стала доступна онлайн-проверка сведений, внесенных в купоны, благодаря которой каждый избиратель может определить, не использовал ли кто-либо из кандидатов или политических партий его данные для поддержки выдвижения, минуя гражданина [4, с. 71].

В Болгарии в соответствии с законодательными поправками, внесенными в мае 2021 года в Избирательный кодекс, избиратель может поставить свою подпись в поддержку выдвижения списка кандидатов только одной политической партии, политической коалиции не только на бумажном носителе, но также и в электронном виде посредством проставления квалифицированной электронной подписи. При этом избиратели могут проверить на сайте ЦИК Болгарии наличие своей подписи в подписных листах в поддержку любого списка кандидатов политической партии, политической коалиции. Данная процедура впервые применялась при проведении очередных выборов 240 депутатов Народного собрания — однопалатного парламента Болгарии 4 апреля 2021 года. Тогда документы на регистрацию представили 31 политическая партия и 8 политических коалиций. ЦИК Болгарии отказала 6 политическим партиям в регистрации их списков кандидатов, в том числе в связи с непредставлением подписей избирателей в электронном виде [5, с. 112].

До пандемии коронавируса ни один из штатов США, законодательство которых предусматривает инициирование референдума или народной инициативы, не предусматривал электронную форму сбора подписей. Затем несколько штатов инициировали разработку соответствующего законодательства (Аризона, Миссисипи, Миссури, Небраска, Юта), однако потерпели неудачу, в том числе в связи с вынесением судами некоторых штатов решений о недопустимости использования процедуры сбора подписей в электронном виде при инициировании народной инициативы или референдума. Первым штатом, который разработал и принял закон о сборе электронных подписей инициаторов, стал Массачусетс, где 29 апреля 2020 года было принято законодательное решение о возможности сбора подписей в электронном виде, в частности при проведении в штате четырех соответствующих народных, в том числе избирательных кампаний в 2020 году [5, с. 109].

Возможность внедрения электронной процедуры сбора электронных подписей избирателей за выдвижение кандидатов при проведении парламентских и президентских выборов рассматривалась парламентами

ряда государств, но так и не получила поддержки со стороны законодателя (Австрия, Италия, Словения, Финляндия, Чехия).

Законодательные меры всех стран отражают стремление адаптировать свою правовую систему к вызовам, создаваемым развивающимися цифровыми технологиями.

Использование информационных технологий в избирательном процессе расширяет возможности для улучшения доступности и эффективности выборов для всех граждан. Однако, несмотря на преимущества, внедрение информационных технологий в избирательный процесс сопровождается рядом рисков, таких как кибербезопасность, технические сбои, хакерские атаки и порой недоверие избирателей. Учитывая значимость избирательного процесса для любой страны мира, важно обеспечить его безопасность не только технически, но и законодательно, прогнозируя возможные риски и своевременно реагируя законодательно.

Список использованных источников

1. Кондратович, Н. М. Электоральная демократия и информационные технологии (опыт отдельных стран мира) / Н. М. Кондратович // Актуальные направления развития демократии в Республике Беларусь на современном этапе : сборник материалов круглого стола, посвященного 26-летней годовщине принятия Конституции Республики Беларусь, Минск, 27 марта 2020 г. / БГУ, Юридический фак., Каф. конституционного права ; [редкол.: Г. А. Василевич и др.]. – Минск: БГУ, 2020. – 225 с. – С. 174–180.

2. Кондратович, Н. М. Информационные технологии в избирательном процессе зарубежных стран / Н. М. Кондратович // Ценностные ориентиры современной Конституции Республики Беларусь (к 75-летию профессора М. Ф. Чудакова) : материалы круглого стола, Минск, 29 марта 2024 г. / БГУ, Юридический фак. Кафедра конституционного права ; [редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.), Н. М. Кондратович, Т. С. Масловская ; под общ. ред. Г. А. Василевича]. – Минск : БГУ, 2024. – С. 149–158.

2. Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2017 N 1226-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ляскина Николая Николаевича на нарушение его конституционных прав частью 9.1 статьи 62 Федерального закона “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации”» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27062017-n-1226-o/> – Дата доступа: 06.01.2025.

3. Ведяшкин, С. В. Избирательное право и процесс в России и Венгрии: сравнительно-правовой анализ / С. В. Ведяшкин, Д. В. Сенникова, Э. С. Юсубов // Гражданин. Выборы. Власть. Научно-аналитический журнал. – 2024. – № 4(34). – С. 67–75.

4. Лысенко, В. И. Зарубежная практика сбора подписей избирателей в электронном виде / В.И. Лысенко // Гражданин. Выборы. Власть. Научно-аналитический журнал. – 2024. – № 4(34). – С. 102–123.

ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ – НОВАЯ СРЕДА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА: РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Т. С. Масловская

*доцент кафедры конституционного права, юридический факультет,
Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук,
доцент, maslovskayat@bsu.by*

Аннотация: В статье рассматриваются электронные каналы коммуникации между гражданами и государством. Обращается внимание на наиболее распространенные инструменты такого участия, а также новые возможности – цифровые платформы для электронного участия граждан. Анализ проводится на основе отечественного и зарубежного опыта.

Ключевые слова: цифровизация; цифровые платформы; электронная коммуникация; взаимодействие граждан и государства.

В последнее десятилетие в государствах постсоветского пространства наблюдается расширение электронных каналов коммуникации между гражданами и государством, что обусловлено дальнейшим развитием концепции «Открытого правительства», в целом информационно-коммуникационных технологий, а также наметившимся изменением роли граждан в процессе управления государственными и общественными делами. Учитывая процессы дальнейшей цифровизации, представляется целесообразным развитие имеющихся и внедрение новых цифровых инструментов взаимодействия граждан и государства.

Распространенными инструментами электронного взаимодействия между гражданами и государством выступают системы предоставления электронных государственных услуг, направления электронных обращений, площадки для обсуждения проектов нормативных правовых актов.

Одним из первых инструментов цифрового взаимодействия между государством и гражданами, юридическими лицами в Республике Беларусь, ключевым элементом электронного правительства выступает предоставление государственных услуг в электронной форме, которое реализует Единый портал государственных услуг (e-pasluga.by), дающий возможность получения на сегодняшний день (по информации портала) 255 видов электронных услуг, 401 вид административных процедур, содержащий ссылки на 66 государственных информационных ресурсов. Электронные сервисы разделены на тематические рубрики, что облегчает для граждан и юридических лиц поиск необходимой информации для подачи заявления на осуществление любой административной процедуры,

переведенной в стране в электронную форму. Отметим, что во многих странах СНГ активно развиваются порталы госуслуг, более 50% госуслуг реализуется в цифровой форме в Азербайджане, Узбекистане, более 90% – в Казахстане.

В Республике Беларусь со 2 января 2023 г. начала действовать Государственная единая (интегрированная) республиканская информационная система учета и обработки обращений граждан и юридических лиц (обращения.бел). Всего за прошедший период по информации, расположенной на сайте, было направлено 957182 обращения. Необходимо отметить, что в некоторых государствах СНГ имеются отдельные информационные системы направления обращений (запросов) (Армения, <https://e-request.am>), единые онлайн платформы для регистрации, рассмотрения и мониторинга обращений (Узбекистан, <https://murojaat.gov.uz>), в иных – они выступают в виде отдельного сервиса портала «Электронное правительство» (Казахстан, egov.kz), Государственного портала электронных услуг (Кыргызстан, <https://portal.tunduk.kg>).

В некоторых странах СНГ функционируют площадки для публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов. Так, в Кыргызстане создан Единый портал общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов Кыргызской Республики (<http://koomtalkuu.gov.kg>), где проекты законов и подзаконных актов сгруппированы по категориям (семья, здравоохранение, финансы, социальное обеспечение, правовые вопросы, общественный порядок и безопасность и пр.). Кроме участия в обсуждении уже существующих проектов нормативных актов, граждане через Портал могут предложить свои идеи по изменению того или иного закона или подзаконного акта, которые могут быть в дальнейшем поддержаны государственными органами. Это возможно реализовать через отдельную рубрику «Предложения граждан». Следовательно, электронная площадка предполагает двухстороннюю связь.

Сайт «Правовой форум Беларуси» (forumpravo.by) с 1 января 2019 г. выступает официальной площадкой для публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов (в соответствии с Законом Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах»). Кроме этого, сайт используется для проведения мониторинга действующих нормативных правовых актов, сбора предложений по правовому регулированию, а также интерактивного общения, обсуждения по правовым вопросам. Не затрагивая вопросов, связанных с совершенствованием публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов, рассмотренных в литературе [5, с. 31], отметим, что возможности сайта, по нашему мнению, могут быть расширены, например, посредством включения сервисов (рубрик), связанных с консультациями с гражданами, выдвижения со стороны граждан предложений для

обсуждения вопросов государственной и общественной жизни и пр. В случае дополнения функционала сайта, включения в него новых ссылок, рубрик и пр. перспективным представляется его преобразование в цифровую платформу.

Новой средой взаимодействия общества и государства, приобретающей особую актуальность на сегодняшний день, выступают цифровые платформы. В соответствии с Государственной программой «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы (утв. постановлением Правительства Республики Беларусь 2 февраля 2021 г. № 66), подпрограмма «Цифровое развитие государственного управления» (гл. 6) предусматривает переход к созданию (формированию) государственных цифровых платформ, в том числе на базе созданных в предыдущие годы решений, в целях снижения административной нагрузки, экономии трудовых и временных ресурсов, упрощения получения различных документов. Государственная цифровая платформа – комплекс программно-технических средств, обеспечивающий использование информационных ресурсов и функционирующих на них сервисов значительным количеством субъектов информационных отношений и возможность их взаимодействия на основе единых принципов и по общим правилам, создаваемый и (или) приобретаемый за счет средств республиканского или местных бюджетов, государственных внебюджетных фондов, а также средств государственных юридических лиц [2].

Таким образом, в отличие от информационных систем цифровые платформы представляют собой площадки цифрового взаимодействия, предполагающие множественность субъектов (т.е. сетевые площадки), сбор и аккумуляцию информации, существование обратной связи.

Учитывая расширение использования цифровых платформ в частной сфере (торговые и иные площадки), представляется, что также будут развиваться цифровые платформы, создаваемые в публичной сфере с целью расширения возможностей граждан принимать участие в управлении делами общества и государства. В ряде зарубежных стран используется понятие «электронное участие» (E-participation). Более того, Всемирный рейтинг ООН помимо Индекса развития электронного правительства отдельно выделяет Индекс электронного участия. Электронное участие содержит несколько составляющих: электронная информация, электронные консультации и электронное принятие решение. Цифровые платформы, включая в себя три указанных компонента, содействуют вовлечению граждан процесс принятия решения, в том числе к инициированию, обсуждению и совместной разработки и принятию решений.

Зарубежный опыт демонстрирует различные подходы к созданию цифровых платформ для электронного участия граждан. Для этого могут использоваться платформы или сайты государственных органов, либо

создаваться государством или независимо от него самостоятельные платформы.

В отношении первого подхода обратимся к опыту Французской Республики. Например, на сайте Национального собрания Франции имеются ссылки на рубрики: петиции, отсылающие к отдельной платформе (<https://petitions.assemblee-nationale.fr>), консультации с гражданами (<https://www2.assemblee-nationale.fr/consultations-citoyennes/consultations-citoyennes>). На сайте Сената Франции имеются аналогичные ссылки, например, на платформу электронных петиций (<https://petitions.senat.fr>). Отметим, что 385 петиций граждан было опубликовано, они послужили основой для 1 законодательного предложения и 4 контрольных миссий. Сенат в 2007 году запустил онлайн-пространство для сбора мнений, ожиданий и предложений граждан, желающих внести свой вклад (<https://www.senat.fr/le-senat-et-vous/participer-aux-consultations/consultations-citoyennes.html>). В период с 2018 по 2022 год Сенат провел тринадцать консультаций по различным темам, таким как безопасность дорожного движения, бесплатный общественный транспорт, на которые в среднем поступило около 4000 ответов [6].

Поскольку в соответствии с Конституцией Франции 1958 г. Сенат обеспечивает представительство территориальных коллективов, в 2018 г. была создана онлайн-платформа «Участие» (<https://participation.senat.fr>), полностью обновленная в январе 2024 года, которая позволяет местным выборным должностным лицам делиться с сенаторами реальными фактами из повседневной жизни территорий, а также различным органам Сената узнавать мнение местных выборных должностных лиц по текстам проектов законов, либо по иному любому вопросу, который они хотят решить. Число зарегистрированных местных выборных должностных лиц увеличивается с каждой консультацией и в настоящее время превышает 37000 человек [3]. Представляется, что данный опыт может быть учтен палатами Национального собрания Республики Беларусь.

Правительство Франции создало платформу для участия граждан (<https://www.participation-citoyenne.gouv.fr>), что позволяет государству регулярно организовывать консультации, а гражданам вносить свой вклад в разработку государственной политики. Данная платформа позволяет получить доступ к информации о консультациях с гражданами, организованных государством; знакомиться с предложениями граждан и результатами предыдущих консультаций. Интересно, что недавно во Франции начало функционировать первое приложение для непрерывного демократического диалога между гражданами и Правительством – «Агора» (<https://www.agora.gouv.fr>).

В отношении второго подхода – создания отдельных цифровых платформ для участия граждан – обратим внимание на несколько аспектов. Во-первых, создателем (владельцем) ресурса может выступать государство или негосударственные структуры. Так, 28 октября 2024 г. в Республике

Беларусь начала функционировать новая цифровая платформа «Народная пятилетка» (merkavanne.bel). Проект инициирован патриотическими силами Беларуси – ведущими общественными объединениями и политическими партиями (Федерация профсоюзов Беларуси, Белая Русь, Белорусский союз женщин, БРСМ и др.). Используя платформу, можно в простой и удобной форме анонимно предложить направления развития важнейших сфер жизни (образование, спорт, культура, сельское хозяйство, здравоохранение, кадровая политика, ЖКХ и др. – всего 20 рубрик), высказать свои идеи, предложения, замечания и ожидания на ближайшую пятилетку. Остается открытым вопрос о владельце ресурса, а также о сроке действия платформы, обратной связи с участниками с учетом того, что предложения высказываются анонимно.

Во-вторых, сфера действия участия граждан, т.е. общенациональные или местные вопросы. В этой связи возможно создание общих платформ участия, включающих в себя рубрики, относящиеся к участию на общенациональном и местном уровнях, либо отдельных платформ.

Цифровые платформы в свою очередь могут быть комплексными или многофункциональными, включать несколько возможностей участия граждан либо узконаправленными или специализированными. Как демонстрирует практика зарубежных стран, наиболее распространенными являются специализированные платформы. Например, «Российская общественная инициатива» (<https://www.roi.ru>) – интернет-ресурс, созданный для размещения общественных инициатив граждан РФ во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 года № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива». Общественными инициативами считаются предложения граждан России по вопросам социально-экономического развития страны, совершенствования государственного и муниципального управления. Интернет-ресурс позволяет не только подать свою инициативу, но и ознакомиться с размещенными инициативами, проголосовать «за» или «против» них, а также получить информацию о ходе и результатах реализации общественной инициативы.

В Финляндии действует комплексная или многофункциональная платформа участия граждан – «Демократия» (<https://www.demokratia.fi>), которая объединяет различные ресурсы: гражданские инициативы, обсуждения, консультации и пр. Ресурсы группируются по территории действия каналов влияния (национальный, местный уровни и ЕС) и позволяют гражданам, как узнать об инициативах местных и центральных органов власти, так и принимать участие в обсуждениях, опросах, высказывать свое мнение по ряду вопросов. Особое внимание в Финляндии уделяется участию граждан и их влиянию на принятие решений в муниципалитете (<https://www.kuntalaisaloite.fi>). Можно

констатировать, что здесь функционируют все элементы электронного муниципалитета, выделенные в литературе [4, с. 45-46].

В целом, в зарубежных странах все шире развиваются возможности граждан на местном уровне участвовать в обсуждении и принятии решений по местным вопросам, о чем свидетельствует успешный опыт электронных инструментов «Активный гражданин» (РФ, г. Москва, <https://ag.mos.ru>), «Мадрид решает» (Испания, г. Мадрид, <https://decide.madrid.es>) и др. Так, жители Мадрида, зарегистрировавшись на упомянутой платформе, могут вносить предложения, голосовать на общественных консультациях, предлагать, поддерживать или голосовать за проекты с коллективным бюджетом, т.е. участвовать в партисипативном бюджетировании, принимать решения по муниципальным вопросам и инициировать дебаты для обмена мнениями.

Как справедливо отмечает профессор Г.А. Василевич, «не только на республиканском, но и на местном уровне следует внедрять, используя информационные технологии, систему «Активный гражданин»... Исключительная особенность такой системы – гарантированное рассмотрение предложений» [1, с. 13].

На основании вышеизложенного, можно прийти к следующим выводам.

1. Платформы органов власти могут использоваться для электронного взаимодействия с гражданами. В первую очередь, речь идет о сайтах представительных органов власти, где могут быть размещены ссылки на платформы электронной консультации граждан по различным вопросам, позволяющие получать отклик граждан (их мнения, ожидания и предложения).

2. В рамках дальнейшей платформизации представляется возможным постепенное объединение всех государственных информационных систем (возможно, по тематике, а может и в целом для удобства пользователей) в рамках одной либо нескольких цифровых платформ. В этом случае государственные информационные системы будут выступать составными частями, сервисами соответствующей цифровой платформы. Так, возможно преобразование сайта «Правовой форум Беларуси» в цифровую платформу посредством дополнения функционала сайта, включения в него новых ссылок, рубрик, сервисов, связанных с консультациями с гражданами, выдвижения со стороны граждан предложений для обсуждения вопросов государственной и общественной жизни и пр.

3. Цифровые платформы участия могут быть комплексными или многофункциональными, включать несколько возможностей участия граждан либо узконаправленными или специализированными. Представляется целесообразным в перспективе создание многофункциональной цифровой платформы «Электронное участие граждан», включив в нее сервисы, связанные с инициативой граждан, включая правотворческую инициативу, обсуждением вопросов

республиканского и местного значения, проектов нормативных правовых актов, консультациями с гражданами по различным вопросам, голосованием. По нашему мнению, такая платформа должна быть государственной цифровой платформой.

Список использованных источников

1. Василевич, Г. А. Учет мнения населения – важный фактор общественного консенсуса / Г. А. Василевич // Трансформация государственного управления и местного самоуправления в условиях развития информационного общества : электрон. сб. ст. Междунар. круглого стола, Новополоцк, 16 апреля 2021 г. / Полоц. гос. ун-т ; редкол.: И. В. Шахновская, П. В. Соловьев. – Новополоцк : Полоц. гос. ун-т, 2021. – С. 10-15.–

2. Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы : утв. пост. Правительства Респ. Беларусь, 2 февраля 2021 г., № 66. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=c22100066>. – Дата доступа: 07.11.2024.

3. Информация с онлайн-платформы «Участие» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://participation.senat.fr>. – Дата доступа: 07.11.2024.

4. Киселева, Т. М. Особенности построения электронного муниципалитета в Республике Беларусь на современном этапе / Т. М. Киселева // Конституционное и муниципальное право. – 2024. – № 3. – С. 45–48.

5. Масловская, Т. С. Право на участие в управлении делами государства в условиях цифровизации: теория и практика / Т. С. Масловская, Т. М. Киселева // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2022. – № 3. – С. 23–34.

6. Сведения с официального сайта Сената Французской Республики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.senat.fr/le-senat-et-vous/participer-aux-consultations/consultations-citoyennes.html>. – Дата доступа: 07.11.2024.

УДК 342.951

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПОРЯДКА ОТНЕСЕНИЯ ОБЪЕКТОВ ИНФОРМАТИЗАЦИИ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ ОБРАБОТКИ БОЛЬШИХ ОБЪЕМОВ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ, К КРИТИЧЕСКИ ВАЖНЫМ ОБЪЕКТАМ ИНФОРМАТИЗАЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

И. В. Мячин

*Сотрудник Оперативно-аналитического центра при Президенте
Республики Беларусь, miv@oac.gov.by*

Аннотация. В статье рассматривается существующая в Республике Беларусь правовая основа отнесения объектов информатизации, предназначенных для обработки больших объемов персональных данных, к критически важным. Описаны проблемы правоприменения, выражающиеся в дифференциации утвержденных критериев и показателей по конкретным сферам национальных интересов. Учитывая межотраслевой характер последствий нарушения и (или) прекращения

функционирования критически важных объектов информатизации, сформированы конкретные предложения по совершенствованию законодательства, направленные на повышение уровня защищенности прав субъектов персональных данных.

Ключевые слова: защита персональных данных; кибербезопасность; объекты информационной инфраструктуры; национальные интересы; утечки персональных данных.

Описывая основные тенденции современного мира авторами Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. №5, справедливо отражено, что «в условиях глобальной цифровизации кибербезопасность критической инфраструктуры и больших данных приобрела исключительное значение для обеспечения устойчивости всех сфер жизнедеятельности». В развитие данного тезиса «нарушение киберустойчивости критически важных объектов информатизации» называется одной из основных угроз национальной безопасности. В таких условиях отправным элементом, направленным на определение перечня критически важных объектов информатизации (далее – КВОИ), киберустойчивость которых должна обеспечиваться, становится элемент установления критериев, которые будут использоваться для отнесения функционирующих на территории Республики Беларусь объектов информационной инфраструктуры к критически важным. Вместе с тем в силу новизны соответствующего правового института, до настоящего времени указанный элемент не получил должного внимания от белорусских ученых-правоведов.

В Республике Беларусь порядок отнесения объектов информатизации к критически важным объектам информатизации определен в одноименном Положении, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 16 апреля 2013 г. № 196 «О некоторых мерах по совершенствованию защиты информации» (далее – Положение).

Согласно п. 3 Положения объект информатизации подлежит отнесению к критически важным при условии его соответствия исчерпывающему перечню критериев (социальной, экономической, экологической и информационной значимости), определенному в этом же Положении, и показателям уровня вероятного ущерба национальным интересам Республики Беларусь в политической, экономической, социальной, информационной, экологической и иных сферах (далее – показатели).

Указанные показатели утверждены приказом Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь (далее – ОАЦ) от 20 февраля 2020 г. № 65 (далее – приказ № 65), согласованным с государственными органами, осуществляющими государственные полномочия в соответствующих сферах (областях) государственной деятельности (далее – госорганы).

Вместе с тем структурное изложение показателей не лишено недостатков, влияющих на неоднородное формирование правоприменительной практики, в части однозначного уяснения смысла соответствующего регулирующего воздействия на общественные отношения. Дело в том, что в настоящее время, несмотря на тот факт, что название показателей носит открытый (не исчерпывающий) характер, включая упоминание «иных сфер», каждый показатель отнесен к конкретной сфере национальных интересов (политическая, экономическая, социальная, информационная и экологическая сферы). Например, показатель ущерба интересам граждан, выражающегося в несанкционированном доступе к информации о частной жизни физического лица и персональным данным, структурно относится к «социальной сфере». При этом одноименный «критерий социальной значимости» в соответствии с абзацем вторым п. 5 Положения используется в отношении объектов информатизации, обеспечивающих жизнедеятельность населения (жилищно-коммунальное хозяйство, здравоохранение, образование, труд, занятость и социальная защита).

Таким образом, в правоприменительной практике отдельных собственников (владельцев) объектов информационной инфраструктуры, функционирующих в Республике Беларусь, формируется искаженное представление о применимости упомянутого показателя лишь в отношении тех объектов информатизации, которые функционируют в исчерпывающем перечне сфер (ЖКХ, здравоохранение и т. д.), т. е. возникает заблуждение о необходимости совпадения критерия социальной значимости (определен на уровне законодательного акта) и приведенного показателя, отнесенного к социальной сфере (утвержден приказом ОАЦ по согласованию с госорганами).

В то же время значительные объемы персональных данных, которые сегодня количественно зафиксированы отметкой в 500 тыс. субъектов персональных данных, обрабатываются не только в этих сферах о чем свидетельствуют и сведения, публикуемые уполномоченным органом Республики Беларусь по защите прав субъектов персональных данных (Национальным центром защиты персональных данных), об «утечках» персональных данных.

Так, например, в 2023 г. зафиксирована «утечка» персональных данных в частном торговом унитарном предприятии «ЗападХимТорг» (сеть магазинов «Остров чистоты и вкуса») в объеме 730 тыс. записей [1], а в 2024 г. Национальный центр защиты персональных данных сообщил о нарушении системы защиты персональных данных ООО «РиэлтБай» (портал о недвижимости Realt.by), которым ориентировочно были нарушены права 900 тыс. субъектов персональных данных [2].

Необходимость защиты персональных данных базируется на одном из фундаментальных прав человека: защите от вмешательства в частную жизнь. Неспособность государства гарантировать право на защиту

персональных данных ставит под угрозу нарушение других смежных прав и свобод. В этой связи неслучайно, что Конституция Республики Беларусь по итогам проведения республиканского референдума 27 февраля 2022 г. включила положение о создании государством условий для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании (ч. 2 ст. 28 Конституции) [3, с. 68]. При этом реализация этой конституционной гарантии обеспечивается в том числе путем предъявления со стороны государства как общих требований по технической и криптографической защите такой информации ко всем операторам, обрабатывающим персональные данные, так и повышенных требований при обработке значительных объемов указанной информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено (более 500 тыс.), в рамках работы института критически важных объектов информатизации.

Следовательно, государство обязано предпринимать соответствующие меры по защите прав субъектов персональных данных независимо от сферы деятельности оператора, который обрабатывает эти персональные данные.

Следует отметить, что незаконная обработка персональных данных рассматривается в качестве вероятного ущерба в контексте критерия отнесения объектов информационной инфраструктуры к критически важным и в других странах, в том числе на территории Евразийского экономического союза. Так, например, приказом Министра цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан от 30 июня 2023 г. № 221/НК утверждены критерии отнесения объектов информационно-коммуникационной инфраструктуры к критически важным объектам информационно-коммуникационной инфраструктуры (приложение 2 к приказу). Одним из таких критериев является «Влияние объекта информационно-коммуникационной инфраструктуры на обеспечение устойчивого функционирования объекта информатизации «электронного правительства» и иных информационно-коммуникационных услуг, частичное или полное нарушение (прекращение) функционирования которых может привести к незаконному сбору и обработке персональных данных ограниченного доступа и иных сведений, содержащих охраняемую законом тайну, чрезвычайной ситуации социального характера.».

Соответствующее содержание критерия отражено и в определении критически важных объектов информационно-коммуникационной инфраструктуры Республики Казахстан, закрепленному в указанном выше приказе, согласно которому к таковым относятся «объекты информационно-коммуникационной инфраструктуры, нарушение или прекращение функционирования которых приводит к незаконному сбору и обработке персональных данных ограниченного доступа и иных сведений, содержащих охраняемую законом тайну, чрезвычайной ситуации

социального и (или) техногенного характера или значительным негативным последствиям для обороны, безопасности, международных отношений, экономики, отдельных сфер хозяйства или жизнедеятельности населения, проживающего на соответствующей территории, в том числе инфраструктуры: теплоснабжения, электроснабжения, газоснабжения, водоснабжения, промышленности, здравоохранения, связи, банковской сферы, транспорта, гидротехнических сооружений, правоохранительной деятельности, «электронного правительства».

Таким образом, принимая во внимание повсеместное проникновение информационно-коммуникационных технологий, а также межотраслевой характер последствий нарушения и (или) прекращения функционирования отдельных КВОИ, предлагается:

изложить показатели уровня вероятного ущерба национальным интересам Республики Беларусь в политической, экономической, социальной, информационной, экологической и иных сферах, утвержденные приказом ОАЦ, в новой редакции, посредством простого их перечисления, т. е. исключив отнесение тех или иных возможных опасных последствий лишь к определенной сфере национальных интересов;

инициировать внесение изменений в критерии отнесения объектов информатизации к критически важным, определенные на уровне упомянутого выше Указа Главы государства, в части перехода от закрытого перечня сфер национальных интересов, в которых могут функционировать КВОИ, к открытому перечню, в котором рассматриваемые критерии будут дифференцироваться не по сферам национальных интересов, что недостаточно для полноценного правоприменения, а по степени потенциального вреда национальным интересам в случае нарушения и (или) прекращения функционирования таких объектов информатизации, с большей детализацией данных критериев для всеобъемлющего охвата соответствующих им объектов на практике.

Представляется, что названные предложения будут способствовать повышению уровня защищенности наиболее значимых объектов национальной информационной инфраструктуры от внешних и внутренних угроз, которые в настоящее время в силу изложенных в настоящем материале проблемных аспектов не относятся к КВОИ (следовательно, в отношении которых необходимые меры по их кибербезопасности собственниками (владельцами) таковых не реализуются). Прежде всего, это позволит повысить уровень защищенности объектов информатизации, с помощью которых обрабатываются персональные данные более 500 тыс. субъектов, но которые обеспечивают автоматизацию процессов не только в социальной, но и в иных сферах (отраслях).

Список использованных источников

1. Отчет о деятельности Национального центра защиты персональных данных Республики Беларусь за 2023 год [Электронный ресурс] // Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://cpd.by/o-centre/otchety-o-deyatelnosti>. – Дата доступа: 13.11.2024.

2. Нарушена система защиты персональных данных портала «РиэлтБай», пользователям рекомендуют сменить пароли [Электронный ресурс] // Белорусское телеграфное агентство. – Режим доступа: <https://belta.by/society/view/narushena-sistema-zaschity-personalnyh-dannyh-portala-rieltbaj-polzovateljam-rekomendujut-smenit-paroli-635789-2024>. – Дата доступа: 13.11.2024.

3. Мячин, И. В. Становление института защиты персональных данных в Республике Беларусь / И. В. Мячин // Конституционное право в условиях цифровизации: проблемы науки и образования : респ. науч.-практ. конф., Минск, 27 мая 2022 г. : тез. докл. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; под ред. П. В. Гридюшко [и др.]. – Минск, 2022. – С. 68–71.

УДК 342.31

РЕГЛАМЕНТ ВСЕБЕЛОРУССКОГО НАРОДНОГО СОБРАНИЯ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ И УТВЕРЖДЕНИЯ

О. Г. Никитенко

*Главный советник управления экспертно-аналитической работы
Секретариата Всебелорусского народного собрания, преподаватель
кафедры государственного управления юридического факультета
Белорусского государственного университета,
faculty_of_law2223@mail.ru*

Аннотация. Автором раскрывается поставленная перед Временным регламентом Всебелорусского народного собрания (далее – ВНС, Собрание) основная задача. Вносятся предложения, которые в дальнейшем могут существенно расширить содержание Регламента ВНС. Кроме того, автором предлагается закрепить в решении ВНС об утверждении Регламента ВНС норму, направленную на обеспечение однозначного понимания совокупности правовых актов, регламентирующих деятельность ВНС.

Ключевые слова: Всебелорусское народное собрание; временный регламент; регламент; формирование правовой основы; обеспечение полноты регулирования.

В ст. 89¹ Конституции Республики Беларусь закреплено, что Всебелорусское народное собрание (далее – ВНС, Собрание) – это высший представительный орган народовластия Республики Беларусь, определяющий стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающий незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие.

Деятельность ВНС регламентируется Конституцией Республики Беларусь [1], Законом Республики Беларусь от 7 февраля 2023 г. № 248-З «О Всебелорусском народном собрании» (далее – Закон о ВНС) [2], иными законодательными актами, а также Временным регламентом ВНС, который был утвержден решением Всебелорусского народного собрания от 24 апреля 2024 г. № 1 [3].

Следует отметить, что Временный регламент ВНС был разработан во исполнение порученческой нормы, содержащейся в ст. 44 Закона о ВНС [2]. И именно в соответствии с Временным регламентом было проведено первое заседание Собрания в конституционном статусе.

Временный регламент ВНС призван обеспечить надлежащую организацию деятельности Собрания и его органов, в том числе реализацию ими своих конституционных полномочий, на первоначальном этапе функционирования в новом правовом (политико-правовом) формате.

Как непосредственно следует из названия Временного регламента ВНС, данный документ рассчитан на ограниченное по времени применение [3]. Об этом также свидетельствуют нормы Закона о ВНС. Например, в ст. 15, 28, 31–35, 37 Закона о ВНС речь идет именно о Регламенте Собрания [2].

Полагаем, что в Регламенте ВНС по сравнению с Временным регламентом ВНС, в частности, целесообразно:

уточнить порядок реализации конституционных полномочий Собрания, а также полномочий заместителей Председателя ВНС и Президиума ВНС;

закрепить порядок выдачи служебных удостоверений Председателю ВНС, его заместителям, иным членам Президиума с учетом положений Указа Президента Республики Беларусь от 18 марта 2008 г. № 159 «О порядке выдачи и использования служебных удостоверений» [4];

уточнить механизм избрания членов Президиума ВНС (при необходимости – доизбрания члена Президиума Собрания в случае досрочного прекращения его полномочий, например, ввиду тяжелого заболевания);

конкретизировать порядок принятия решений ВНС, в том числе по вопросам организационной деятельности;

закрепить порядок использования государственных символов на заседаниях Собрания;

предусмотреть возможность и порядок проведения закрытых заседаний ВНС, его Президиума в случаях, если этого требуют интересы государства;

установить порядок участия в заседаниях Собрания, его органов представителей средств массовой информации;

обеспечить единообразный подход к направлению принятых решений ВНС, постановлений его Президиума, распоряжений Председателя ВНС для включения в Национальный реестр правовых

актов, официального опубликования на Национальном правовом Интернет-портале, а также для обнародования (опубликования) в средствах массовой информации;

детализировать правовой статус делегатов Собрания;

регламентировать деятельность научно-консультативных и иных совещательных органов при Президиуме ВНС;

уточнить порядок деятельности Секретариата ВНС.

С учетом изложенного, на наш взгляд, Регламент ВНС обеспечит полноту и завершенность соответствующего нормативного правового регулирования, устранив имеющиеся в настоящее время некоторые вопросы по организации деятельности Собрания и его органов (например, какой пакет документов должен быть представлен для инициирования рассмотрения Президиумом ВНС того или иного вопроса, отнесенного к его компетенции).

В соответствии со ст. 2 и ст. 30 Закона о ВНС [2] Регламент ВНС подлежит утверждению Собранием путем принятия решения.

Полагаем, что в такое решение целесообразно включить норму о признании Временного регламента ВНС утратившим силу. Невключение данной нормы может повлечь неоднозначное понимание гражданами совокупности правовых актов, регламентирующих деятельность ВНС. Дополнительным аргументом является то, что ни в реквизитах Временного регламента ВНС, ни в его тексте не указан срок действия.

Утверждение Регламента ВНС позволит более основательно упорядочить деятельность ВНС и его органов, а также будет способствовать формированию надлежащей правовой основы функционирования высшего представительного органа народовластия Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : в ред. решения респ. реф. от 4 марта 2022 г. «Решение республиканского референдума 27 февраля 2022 года» // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

2. О Всебелорусском народном собрании [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 февр. 2023 г. № 248-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

3. Временный регламент Всебелорусского народного собрания [Электронный ресурс] : решение Всебелор. народн. собрания, 24 апр. 2024 г. № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

4. О порядке выдачи и использования служебных удостоверений [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 18 марта 2008 г. № 159 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь 14 марта 2024 г. № 96 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА, ОПЕРАТОРОВ И ГРАЖДАН

А. М. Сеницына

*доцент кафедры конституционного права, юридический факультет,
Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук,
sinitsyna_anna_by@mail.ru*

Аннотация. В статье исследован вопрос об основных акторах в сфере защиты персональных данных. Обращается внимание на необходимость рассмотрения граждан как субъектов, ответственных за защиту собственных персональных данных, подчеркивается целесообразность принятия комплекса организационно-правовых мер, направленных на повышение значимости персональных данных для граждан. Обосновывается предложение о закреплении в нормативных правовых актах по вопросам цифровизации принципа социально ответственного отношения граждан к собственным персональным данным и данным третьих лиц.

Ключевые слова: персональные данные; ответственность; государство; операторы; уполномоченные лица, граждане.

В условиях стремительного развития информационных технологий обработка данных приобретает беспрецедентные масштабы. При этом существенная доля обработки происходит в онлайн среде.

Практически ежедневно граждане сталкиваются с необходимостью предоставления персональных данных при совершении онлайн-покупок, регистрации в социальных сетях, создании аккаунтов в мобильных приложениях и т.п. Обыденным явлением стало осуществление видеонаблюдения не только в таких общественных местах, как площади, метрополитен, вокзалы, но и в подъездах жилых помещений, на рабочих местах. Интернет вещей, обработка больших данных, сервисы искусственного интеллекта и иные технологии способствуют росту объема обрабатываемых данных, что закономерно влечет за собой увеличение рисков, связанных с незаконными действиями в отношении персональных данных и их обладателей. При этом специалистами обращается внимание на увеличение количества утечек персональных данных и их масштабов. Так, в январе 2024 г. в СМИ были опубликованы сведения о самой крупной утечке данных, затронувшей 26 млрд учетных записей персональных данных [1].

Таким образом, в условиях стремительного развития информационно-коммуникационных технологий очевидна уязвимость права на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных.

Безусловно, обозначенная проблематика не нова. На уровне различных международных организаций, организаций регионального сотрудничества, международных форумов и отдельных государств все чаще обращается внимание на необходимость защиты персональных данных и прав граждан при осуществлении обработки данных.

Например, в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/68/167 от 2013 г. «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век» озвучен призыв для всех государств уважать и защищать право на неприкосновенность личной жизни, в т.ч. в контексте цифровой коммуникации [2]. В принятой в ее развитие Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/73/179 от 17 декабря 2018 г. «Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху» государствам рекомендуется принимать эффективные меры для предупреждения противоправного сохранения, обработки и использования персональных данных, имеющих у государственных органов и коммерческих предприятий, в свою очередь коммерческие организации призываются выполнять свою обязанность уважать права человека, включая право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху, в соответствии с «Руководящими принципами предпринимательской деятельности в аспекте прав человека: осуществление рамок ООН, касающихся защиты, соблюдения и средств правовой защиты» [3].

Государства как ответственные субъекты указаны и в Конвенции Совета Европы о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера № 109 (1981 г.). В Посланиях Форума по управлению Интернетом 2023 г. отмечается, что правительства ответственны за обеспечение практической реализации прав человека как в онлайн, так и офлайн [4].

В провозглашенной в 2023 г. Европейской декларации о цифровых правах и принципах цифрового десятилетия ЕС и государства-члены обязуются в т.ч. осуществлять защиту интересов людей, предприятий и государственных учреждений от рисков кибербезопасности и киберпреступности, включая утечки данных и кражу или манипуляцию личными данными; обеспечивать, чтобы каждый имел эффективный контроль над своими персональными и неперсональными данными в соответствии с правилами ЕС о защите данных и соответствующим законодательством ЕС [5].

В Стандартах защиты персональных данных для иберо-американских государств, принятых Иберо-американской сетью по защите данных [6], Рекомендациях Совета Организации экономического сотрудничества и развития, касающихся Руководства по защите неприкосновенности частной жизни и трансграничной передаче персональных данных [7], Модельном законе «О персональных данных», принятом Межпарламентской ассамблеей государств-участников СНГ в 2018 г. [8], Общем регламенте защиты персональных данных ЕС [9],

Докладе Верховного комиссара ООН по правам человека «Право на неприкосновенность частной жизни в цифровой век» 2018 г. [10], Записке Генерального секретаря ООН «Право на неприкосновенность частной жизни» 2023 г. [11] и иных документах также речь идет о таких ответственных субъектах, как государства, контролеры, обработчики данных, гражданское общество.

Таким образом, как правило, в качестве ответственных субъектов за реализацию целей по защите персональных данных и прав граждан при осуществлении обработки данных указываются государства в лице уполномоченных органов, компании, которые такую обработку осуществляют, реже – гражданское общество. При этом практически не акцентируется внимание на признании граждан в качестве субъектов, ответственных за защиту собственных персональных данных, тогда как наиболее заинтересованным лицом в осуществлении их защиты должен являться не кто иной, как сам субъект персональных данных. Тем самым умаляется значимость «самозащиты» персональных данных их владельцем. Преимущественно «самозащита» в указанных документах раскрывается через возможность осуществления контроля обработки со стороны гражданина, возможность реализации прав, связанных с персональными данными (отзыв согласия, отказ от дачи согласия, обжалование незаконных действий (бездействий) и решений обработчиков данных и др.).

На национальном уровне Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» предусматривает общие требования к обработке персональных данных, их же можно рассматривать как принципы обработки (законность, соразмерность, справедливость и др.), адресованные операторам и уполномоченным лицам. Глава 3 названного Закона содержит положения о правах субъектов персональных данных и обязанностях оператора. Речь об обязанностях субъектов персональных данных не идет. В Российской Федерации аналогичный подход использован в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». Таким образом при буквальном прочтении положений указанных нормативных правовых актов у субъектов персональных данных создается впечатление о том, что ответственность за сохранность и защиту их персональных данных несут все, кроме них самих. Так, по данным социологического опроса, проведенного аналитическим центром НАФИ, 81% респондентов не ощущают себя ответственными за защиту собственных персональных данных, по их мнению, это прерогатива государства, владельцев интернет-ресурсов и провайдеров сервисов [12].

Однако о косвенном закреплении ответственного отношения к собственным персональным данным в Республике Беларусь все же следует говорить. По результатам Республиканского референдума 2022 г. Конституция Республики Беларусь была дополнена нормой,

предусматривающей, что государство создает условия для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании. Тем самым, на конституционном уровне подчеркивается выделение такого права, как право на защиту персональных данных, и необходимость обеспечения приватности, в т.ч. в сети Интернет.

Обращает на себя внимание тот факт, что для формулировки конституционного положения не были использованы конструкции «государство гарантирует защиту персональных данных», «государство защищает персональные данные», а используется оборот «государство создает условия для защиты персональных данных». То есть государство принимает меры по нормативному регулированию сферы общественных отношений, связанных с обработкой персональных данных, установлению санкций за нарушение установленных им предписаний, созданию институционального механизма защиты. Однако обеспечить полную и эффективную защиту персональных данных в условиях безответственного к ним отношения самих физических лиц не представляется возможным.

Таким образом, анализ ч. 2 ст. 28 Конституции Республики Беларусь (особенностей ее формулировки) в совокупности с нормой, предусмотренной ч. 3 ст. 21 Конституции Республики Беларусь, провозглашающей, что каждый должен проявлять социальную ответственность, позволяет сделать вывод об акценте на ответственном отношении каждого к собственным персональным данным. Тем самым, конституционные положения возлагают ответственность за защиту персональных данных не только на государство, организации, осуществляющие обработку персональных данных, но и на граждан, чьи данные подлежат обработке.

Понимание необходимости «самозащиты» и ответственного отношении к персональным данным не только условие собственной безопасности, безопасности третьих лиц, но и условие реализации и защиты иных неимущественных и имущественных прав и, как следствие, сокращения издержек государства, связанных с защитой и восстановлением прав, нарушенных вследствие безразличного отношения к персональным данным самого субъекта (расследование дел о хищении денежных средств, иного имущества и т.д.).

Личная ответственность за защиту персональных данных берет свое начало в осознании значимости персональных данных. Однако результаты социологических опросов подчеркивают неоднозначное отношение граждан к персональным данным. Например, в ходе социологического опроса, проведенного в 2022 г. Национальным центром защиты персональных данных Республики Беларусь и Национальной академией наук Беларуси было установлено, что среди опрошенных присутствуют те граждане, которые рассматривают персональные данные просто как информацию о себе (12,2%), не придают им никакой значимости (3,1%), т.е. не осознают значимости защиты персональных данных [13].

Проявляя безответственное поведение по отношению к своим персональным данным, граждане иногда самостоятельно распространяют чрезмерно большой объем информации о себе, публикуя в социальных сетях изображения, содержащие реквизиты банковской карты, правоустанавливающих документов, паспортные данные, фотографии с отдыха, сопровождаемые указанием периода отъезда, локации и т.д.

В сферу ответственного поведения граждан также входит понимание, хотя бы в общих чертах, процессов, связанных с обработкой персональных данных, принципов обработки данных, последствий предоставления согласия на обработку персональных данных (если согласие выступает правовым основанием обработки) и своих прав в этой области.

Однако данные опросов свидетельствуют о нежелании отдельных субъектов вникать в детали обработки. Например, в ходе уже упомянутого социологического исследования, проведенного Национальным центром защиты персональных данных Республики Беларусь, было выявлено, что лишь 24,9% опрошенных, предоставляя на различных Интернет-ресурсах свои персональные данные, всегда ознакамливаются с текстом политики в области обработки данных, делают это время от времени – 31,6%, 26,6% – никогда не читают текст политики, обосновывая тем, что не считают целесообразным или тем, что не могут понять ее содержание. Остальные 16,9% затруднились ответить на вопрос о том, насколько часто и детально они изучают политики в области обработки персональных данных, разработанные операторами, которым они вверяют свои персональные данные [13].

Таким образом, далеко не каждый субъект персональных данных осознает свою ответственность в этой сфере. Кроме того, по данным социологического опроса, проведенного аналитическим центром НАФИ, более 60% респондентов отметили, что не обладают достаточными знаниями и навыками, необходимыми для защиты своих персональных данных в Интернете [14].

Эти обстоятельства требуют принятия комплекса мер на различных уровнях (международный, региональный, внутригосударственный, местный и т.д.), направленных на повышение значимости персональных данных для их обладателей, уровня правовой и цифровой грамотности, что будет способствовать в конечном итоге реализации глобальной цели – обеспечение и защита права на защиту персональных данных в Интернет-пространстве и офлайн среде.

Следует положительно оценить закрепление в программных и стратегических документах Республики Беларусь и зарубежных стран, принимаемых в области цифровизации в последние годы, в качестве приоритетной цели – повышение цифровой грамотности. Вместе с тем, представляется, что в актах, регулирующих анализируемую область общественных отношений, должен найти отражение принцип социально

ответственного отношения граждан к собственным персональным данным и данным третьих лиц.

Усилению и развитию конституционной нормы, изложенной в ч. 2 ст. 28 Конституции Республики Беларусь, по нашему мнению, способствовало бы закрепление на уровне Закона «О защите персональных данных» не только перечня прав, но и обязанностей субъектов персональных данных, включая обязанность соблюдать законодательство о защите персональных данных, предоставлять достоверные персональные данные, повышать цифровую культуру, заботиться о безопасности персональных данных и др.

Список использованных источников

1. Самая масштабная в истории утечка персональных данных затронула и белорусов // БЕЛТА. – URL: <https://www.belta.by/society/view/samaja-masshtabnaja-v-istorii-utechka-personalnyh-dannyh-zatronula-i-belorusov-611984-2024/> (дата обращения: 14.01.2025).

2. Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век : резолюция 68/167 Генер. Ассамблеи ООН от 18 дек. 2013 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n13/449/49/pdf/n1344949.pdf> (дата обращения: 14.01.2025).

3. Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху : резолюция 73/179 Генер. Ассамблеи от 17 дек. 2018 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n18/450/00/pdf/n1845000.pdf> (дата обращения: 14.01.2025).

4. Послания Форума по управлению Интернетом 2023 г. // Internet Governance Forum. – URL: https://www.intgovforum.org/en/filedepot_download/300/27734 (дата обращения: 14.01.2025).

5. Европейская декларация о цифровых правах и принципах цифрового десятилетия : принята Европейским парламентом, Советом и Комиссией 15 дек. 2022 г. // Official Journal of the European Union. – URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32023C0123\(01\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32023C0123(01)) (дата обращения: 14.01.2025).

6. Estándares de protección de datos personales para los estados iberoamericanos : adoptados por la Red Iberoamericana de Protección de Datos el 20 de junio de 2017. – URL: https://www.redipd.org/sites/default/files/inline-files/Estandares_Esp_Con_logos_RIPD.pdf (date of access: 14.01.2025).

7. Рекомендации, касающиеся Руководства по защите неприкосновенности частной жизни и трансграничной передаче персональных данных : приняты Советом ОЭСР 23 сент. 1980 г.: с изм. от 11 июля 2013 г. – URL: <https://legalinstruments.oecd.org/public/doc/114/114.en.pdf> (дата обращения: 14.01.2025).

8. О новой редакции модельного закона «О персональных данных» : постановление Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ от 29 ноября 2018 г. № 48-9 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 14.01.2025).

9. Общий регламент защиты персональных данных (GDPR) Европейского союза // GDPR TEXT. – URL: <https://gdpr-text.com/ru/> (дата обращения: 14.01.2025).

10. Право на неприкосновенность частной жизни в цифровой век : доклад Верховного комиссара по правам человека от 3 авг. 2018 г. // ООН. – URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g18/239/60/pdf/g1823960.pdf> (дата обращения: 14.01.2025)

11. Право на неприкосновенность частной жизни : записка Генерального секретаря от 30 авг. 2023 г. // ООН. – URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n23/242/37/pdf/n2324237.pdf> (дата обращения: 14.01.2025).

12. Отношение россиян к защите персональных данных // Аналитический центр НАФИ. – URL: <https://nafi.ru/projects/it-i-telekom/otnoshenie-rossiyan-k-zashchite-personalnykh-dannykh/> (дата обращения: 14.01.2025).

13. Защита персональных данных глазами граждан: итоги соцопроса проанализированы в Центре // Национальный центр защиты персональных данных. – URL: <https://cpd.by/zashhita-personalnyh-dannyh-glazami-grazhdan-itogi-socoproso-proanalizirovany-v-centre/> (дата обращения: 14.01.2025).

14. Отношение россиян к защите персональных данных // Аналитический центр НАФИ. – URL: <https://nafi.ru/projects/it-i-telekom/otnoshenie-rossiyan-k-zashchite-personalnykh-dannykh/> (дата обращения: 14.01.2025).

УДК 347.9(476)

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В. П. Скобелев

заместитель декана по учебной работе и образовательным инновациям юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, Skobelev@bsu.by

Аннотация. В статье проведен сравнительный анализ использования современных информационных технологий в цивилистическом процессе зарубежных государств и Республики Беларусь. Анализу подвергались такие направления применения информационных технологий в судопроизводстве по гражданским делам, как совершение процессуальных действий в дистанционном формате, фиксирование хода судебных заседаний, вынесение и обнародование судебных постановлений, международный гражданский процесс.

Ключевые слова: цивилистический процесс; современные информационные технологии; видео-конференц-связь, фиксирование хода судебного заседания; судебное постановление; искусственный интеллект; международный гражданский процесс.

В цивилистическом процессе иностранных государств современные информационные технологии применяются очень широко и для решения самых разнообразных вопросов. Изучение зарубежного опыта в указанной сфере имеет большое значение как для оценки текущего состояния уровня

цифровизации отечественного судопроизводства, так и для определения направлений дальнейшего совершенствования процессуального законодательства – действующих Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) и Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК), а в перспективе также Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС), которым с 1 января 2026 г. будут заменены ГПК и ХПК. Рассмотрим в сравнительно-правовом аспекте отдельные из направлений использования указанных технологий в цивилистическом процессе зарубежных государств и Республики Беларусь.

1. Основной информационной технологией, используемой в иностранных государствах для совершения процессуальных действий (прежде всего, судебного разбирательства дела) в дистанционном формате, выступает видео-конференц-связь [1, с. 94-97; 2, с. 514, 518; 3, с. 568]. Посредством данной технологии суд имеет возможность совершать соответствующие действия с участием лиц, находящихся, в том числе в местах лишения свободы (или под стражей) [1, с. 95; 4, с. 419-420; 5, с. 358; 6, с. 546] и за границей (в рамках оказания международной правовой помощи по гражданским делам) [1, с. 95]. Хотя в то же время к технологии видео-конференц-связи имеет место и достаточно осторожное отношение, поскольку с ее применением связаны такие проблемы, как сложность идентификации участников процесса и подтверждения их полномочий, нарушение принципа непосредственности исследования доказательств, отсутствие прямого личного контакта допрашиваемых лиц с судом присяжных (в тех странах, где институт присяжных используется) [1, с. 96; 6, с. 546;].

Для дистанционного совершения процессуальных действий может использоваться и телефонная связь. Так, в английском гражданском процессе судам предоставлено право проводить слушания по телефону [7, с. 65]. И, как отмечается в литературе, судьи все больше становятся готовыми общаться с солиситорами по телефону, чем вызывать их в суд, когда речь идет о небольших процессуальных вопросах. С использованием телефонной связи возможно проведение также промежуточного слушания [7, с. 70]. Опрос участников процесса по телефону возможен также в Германии [8, с. 34, 91-92] и Швейцарии [9, с. 162].

В цивилистическом процессе Республики Беларусь допускается проведение судебных заседаний посредством систем видео-конференц-связи (см. ст. 185-1 ГПК, ст. 176-1 ХПК). Однако использованию данной технологии сопутствует и целый комплекс проблем (на них мы уже ранее обращали внимание [10]), которые, прежде всего, обусловлены фрагментарным (очень скудным) законодательным регулированием соответствующих вопросов, в том числе и вопроса о самом понятии видео-конференц-связи – данный способ коммуникаций предполагает использование только защищенных каналов связи и специального

программно-технического оборудования судов или же еще и каких-то других технологий (в частности, технологий связи по интернету). Данное обстоятельство вкупе с дефицитом технической оснащенности судов привело на практике к распространенному использованию таких средств видеосвязи, как Skype, Viber, WhatsApp и др. (с характерными для них сложностями обеспечения в судебном заседании дисциплины, порядка, информационной безопасности и пр.) [11, с. 559-561; 12, с. 636-637]. Аналогичную тенденцию можно наблюдать и в зарубежных государствах. Например, в Казахстане помимо собственно систем видео-конференц-связи используются также программные средства TruConf, ZOOM и WhatsApp [13, с. 78].

Более того, в ч.1 п.15 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 31 марта 2021 г. №1 «О практике применения судами норм Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, регулирующих производство дел в апелляционном порядке» было закреплено следующее положение: «Разъяснить, что юридически заинтересованные в исходе дела лица, свидетели и другие участники гражданского судопроизводства могут участвовать в заседании суда апелляционной инстанции путем использования систем видеоконференцсвязи в порядке, установленном статьей 419 ГПК, если явка конкретного участника невозможна по объективным причинам. В исключительных случаях при наличии технической возможности и зафиксированного согласия юридически заинтересованных в исходе дела лиц в открытом судебном заседании также могут использоваться и другие незапрещенные программные и аппаратные средства видеосвязи, позволяющие дистанционно участвовать в судопроизводстве» (данное разъяснение уже подвергалось справедливой критике в литературе [14, с. 111]).

Не менее актуальна и проблема обеспечения непосредственности в исследовании судом доказательств. Согласно ч.4 ст.185-1 ГПК, ч.4 ст. 176-1 ХПК доказательства, представленные в судебном заседании в суде, осуществляющем организацию видеоконференцсвязи, подлежат направлению в суд, рассматривающий дело, не позднее дня, следующего за днем проведения судебного заседания. Получается, что непосредственный контакт суда с соответствующими доказательствами произойдет уже после того, как им по делу будет вынесено решения (ведь белорусское процессуальное законодательство не допускает возможность отложения вынесения решения, заседание по делу всего должно завершаться вынесением данного судебного акта).

2. Фиксирование хода судебных заседаний в зарубежных странах осуществляется с помощью аудио- и (или) видеозаписи с последующим составлением (а иногда и без) на бумажном носителе подробного или краткого протокола [1, с. 96; 2, с. 514; 3, с. 568; 5, с. 358, 359; 13, с. 78, 79]. В Республике Беларусь с 1 января 2021 г. введено обязательное

фиксирование хода судебных заседаний (отдельных процессуальных действий) с использованием средств звуко- или видеозаписи и составлением краткого бумажного протокола. Фиксирование судебного процесса традиционным способом – путем изготовления развернутого протокола в бумажном виде – осуществляется в тех случаях, когда отсутствует техническая возможность ведения звуко-, видеозаписи или когда ни один из участников судопроизводства не явился в судебное заседание. Электронный носитель информации, содержащий копию звуко- или видеозаписи (обычно это CD-ROM), приобщается к делу и является неотъемлемой частью краткого протокола. Заинтересованное лицо вправе получить копию соответствующей записи, если судебное заседание (отдельное процессуальное действие) не проводилось в закрытом режиме. В целом, новый порядок фиксирования хода судебных процессов проявил свою высокую эффективность (он дисциплинирует и судей, и участников судебных процессов). Вместе с тем само правовое регулирование данного порядка изобилует множеством (как крупных, так и менее значимых) изъянов [15; 16]. Например, процессуальные кодексы не определяют, в каких случаях должно использоваться средство звукозаписи, а в каких – средство видеозаписи процесса, и вправе ли оказывать влияние на выбор конкретного технического средства участники судопроизводства.

3. При вынесении судебных постановлений современные информационные технологии могут использоваться в разных формах. В частности, компьютерные технологии повсеместно используются судьями в зарубежных странах для изготовления (набора) текста судебных постановлений и их последующей распечатки на бумажном носителе. Информационные технологии делают возможным широкое применение электронных шаблонов судебных актов. Например, во всех российских арбитражных судах используются шаблоны судебных актов, которые в автоматизированном режиме доступны для работы в личном кабинете судьи и работника аппарата суда [5, с. 357]. С помощью информационных технологий также может происходить направление (представление) судебного постановления в электронном виде заинтересованным лицам посредством обычной электронной почты [8, с. 25-27, 180], защищенной электронной почты [1, с. 86, 92-93], сервиса «Судебный (личный) кабинет» [4, с. 419; 5, с. 357-358], специальных систем (платформы) для доставки электронных документов [9, с. 158, 168], действующей в суде системы управления движением дела [1, с. 57-58] и т.п.

Однако один из наиболее актуальных вопросов в отмеченной сфере заключается в том, возможно ли автоматизированным системам доверить непосредственное вынесение судебных актов по делу. В данном направлении информационные технологии используются, прежде всего, в ситуациях, когда результат разрешения спора имеет очевидный, заранее известный характер, т.е. используются в упрощенных, в том числе приказном, производствах. Например, в немецком приказном производстве

обоснованность требований взыскателя не проверяется по существу, поэтому сведения, указанные взыскателем в определенной форме при обращении в суд, в автоматизированном режиме переносятся в текст судебного приказа, а затем и в текст приказа об исполнении [8, с. 84-114]. В Финляндии, если ответчик не представляет в установленный срок отзыв на поданное истцом заявление о повестке, то с помощью системы TUOMAS изготавливается решение, основанное на сведениях, содержащихся в заявлении истца о повестке [1, с. 64-65]. В Российской Федерации имеется и уже используется на практике в отдельных регионах программа для подготовки судебных приказов с использованием конструктора шаблонов, при этом окончательное решение о вынесении судебного приказа оставлено за судьей [3, с. 570].

Гораздо более сложен вопрос, допустимо ли автоматизированным системам доверять вынесение судебного акта, когда результат разрешения спора не очевиден. Данная проблема связана с внедрением в судопроизводство технологий искусственного интеллекта. Вопросы применения в гражданском процессе искусственного интеллекта в настоящее время очень активно обсуждаются в литературе [3; 6, с. 547-548; 17; 19], в том числе и в белорусской [19; 20]. Вместе с тем с практической точки зрения ситуация такова: ввиду существенных рисков, сопутствующих использованию технологий искусственного интеллекта (главным из которых является риск вынесения неправильных решений), национальные правительства не спешат внедрять эту технологию для полноценного (вместо живого судьи) разрешения дел, автоматизированные системы, в которых реализованы технологии искусственного интеллекта, используются преимущественно как средства оказания содействия судье.

Например, в Китае внедрена и используется разработанная Академией наук технология машинного обучения System of Systems, которая в том числе составляет процессуальные документы и даже исправляет то, что считает ошибками в приговоре. Согласно предписанию Верховного Народного Суда КНР, каждый судья по каждому делу обязан консультироваться с системой. Если судья не согласен с ее рекомендациями, то он должен представить системе письменное объяснение для учета и проверки. Внедрение указанной системы позволило сократить среднюю нагрузку на судью более чем на 33% и сэкономить 1,7 млрд. рабочих часов в течение 2 лет [21, с. 80-81]. В Российской Федерации на 2024 год был запланирован запуск единого суперсервера «Правосудие онлайн», в котором предполагается применение технологий искусственного интеллекта. Основной задачей последних станет автоматизированное составление проектов судебных актов на основе анализа текста процессуального обращения и материалов судебного дела [3, с. 568-569].

Что касается Республики Беларусь, то для участников экономических дел на вкладке «E-COURT (Электронное судопроизводство

по экономическим делам)» Интернет-портала судов общей юрисдикции Республики предусмотрен сервис «Банк данных судебных постановлений», позволяющий знакомиться с резолютивной частью судебных постановлений. Элементы же технологий искусственного интеллекта реализованы в модуле обезличивания текстов судебных постановлений, являющемся подсистемой АИС СОЮ (работа искусственного интеллекта контролируется работником суда, который при необходимости вносит в нее корректировки) [12, с. 636].

4. Обнародование (т.е. предание гласности с возможностью ознакомления с ними абсолютно любых лиц) текстов судебных актов в зарубежных странах происходит путем формирования банков данных судебных постановлений и обеспечения доступа к ним через определенные сервисы в сети интернет [2, с. 519-520; 3, с. 567; 13, с. 79; 22, с. 31; 23]. В Республике Беларусь Национальным центром правовой информации совместно с Верховным Судом в 2020 г. был создан и с 1 января 2021 г. представлен на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь (<https://pravo.by>) общедоступный электронный банк судебных решений (доступ к нему осуществлялся по вкладке «Банк судебных решений» указанного портала) [12, с. 635-636; 35]. В банке размещались только вступившие в законную силу судебные постановления судов общей юрисдикции Республики Беларусь, за исключением судебных постановлений по отдельным категориям дел. До размещения в банке из судебных постановлений исключалась информация, позволяющая идентифицировать участников процесса. Для этого в АИС СОЮ в автоматическом режиме (но под контролем работников судов) функционировал модуль обезличивания судебных постановлений. Для удобства пользования указанным банком был предусмотрен сервис поиска, предусматривавший такие критерии отбора судебных постановлений, как форма судопроизводства, наименование суда, вид постановления, номер дела, дата вынесения и др. Существовала также возможность подписки на получение по электронной почте перечней судебных постановлений, размещенных в банке в течение дня. Статистические данные свидетельствовали о постоянном росте числа обращений к банку и, значит, о его востребованности у пользователей.

Вместе с тем с недавнего времени содержательное наполнение указанного электронного банка и возможности по использованию были значительно урезаны. Так, сам банк был переименован на банк данных «Судебная практика» и в нем остались доступны для просмотра лишь правовые акты, принимаемые следующими категориями субъектов: Конституционным Судом Республики Беларусь, Пленумом и Президиумом Верховного Суда Республики Беларусь; Судом Евразийского экономического союза; Экономическим Судом Содружества Независимых Государств; международными арбитражными (третейскими) судами;

третейскими судами. Кроме того, присутствует возможность ознакомиться с обзорами судебной практики судов общей юрисдикции.

5. В области международного гражданского процесса современные информационные технологии используются для направления запросов о правовой помощи, а также непосредственно в ходе оказания такой помощи. Например, на территории Европейского Союза функционирует система под наименованием E-Codex. Данная система трансформирует запрос, сформированный в правовой системе одной страны (на ее языке и со ссылками на ее законодательство), под правовую систему той страны, в которую запрос направляется (на языке и со ссылками на законодательство последней) [24, с. 539-540]. В Финляндии для заслушивания свидетелей, находящихся за пределами страны, на основании договоров об оказании международной правовой помощи по гражданским делам используется видео-конференц-связь [1, с. 95].

Республика Беларусь при оказании правовой помощи в сфере международного гражданского процесса связана содержанием соответствующих международных договоров, которые использование современных средств коммуникаций не предусматривают. По этой причине белорусские суды применяют электронные средства связи для указанных целей лишь в порядке исключения: когда происходит приостановка приема международных почтовых отправлений (что имело место в период пандемии COVID-19), когда требуется ускорить исполнение судебного поручения об извещении, направленного в установленном международным договором порядке, когда необходимо получить дополнительные документы при рассмотрении ходатайств о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений [12, с. 635; 25, с. 643]. Поэтому вполне закономерно, что отечественными юристами ставятся вопросы о создании системы электронного правосудия в рамках заключенных на уровне СНГ многосторонних конвенций о правовой помощи [24, с. 540-542], о разработке единой электронной системы (портала, платформы), способной обеспечить оперативный обмен между государствами – участниками СНГ необходимой правовой информацией и процессуальными документами [25, с. 642-643], о внедрении системы международного межведомственного документооборота в рамках ЕАЭС [12, с. 635].

Список использованных источников

1. Решетняк, В.И. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве (российский и зарубежный опыт) / В.И. Решетняк, Е.С. Смагина. – М. : Городец, 2017. – 304 с.

2. Ибрагимова, С.Э. Обеспечение информационно-коммуникативного сопровождения суда в рамках программы «E-sud» (опыт Республики Узбекистан) / С.Э. Ибрагимова // Информационные технологии и право: правовая информатизация – 2021: сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 28 окт. 2021 г.); Нац.

центр правовой информ. Респ. Беларусь; редкол.: В.А. Шаршун [и др.]; под общ. ред. А.Ф. Мательского. – Минск: НЦПИ, 2021. – С. 512-521.

3. Момотов, В.В. Внедрение искусственного интеллекта в судопроизводство: перспективы и риски / В.В. Момотов // Информационные технологии и право: правовая информатизация – 2021: сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 28 окт. 2021 г.); Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь; редкол.: В.А. Шаршун [и др.]; под общ. ред. А.Ф. Мательского. – Минск: НЦПИ, 2021. – С. 567-573.

4. Савчук, В.В. Проблемы и перспективы применения электронных коммуникаций и информационных ресурсов в судах общей юрисдикции Республики Беларусь / В.В. Савчук // Информационные технологии и право: правовая информатизация – 2018: сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 17 мая 2018 г.); Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь; отв. ред. Е.И. Коваленко; под общ. ред. Е.И. Коваленко. – Минск: НЦПИ, 2018. – С. 417-422.

5. Агеев, В.В. Состояние и перспективы информатизации судов и системы Судебного департамент при Верховном Суде Российской Федерации / В.В. Агеев // Информационные технологии и право: правовая информатизация – 2018: сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 17 мая 2018 г.); Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь; отв. ред. Е.И. Коваленко; под общ. ред. Е.И. Коваленко. – Минск: НЦПИ, 2018. – С. 354-359.

6. Кошечева, Е.С. Применение российскими судами цифровых технологий в гражданском и арбитражном судопроизводстве / Е.С. Кошечева // Информационные технологии и право: правовая информатизация – 2021: сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 28 окт. 2021 г.); Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь; редкол.: В.А. Шаршун [и др.]; под общ. ред. А.Ф. Мательского. – Минск: НЦПИ, 2021. – С. 543-549.

7. Кудрявцева, Е.В. Гражданское судопроизводство Англии / Е.В. Кудрявцева. – М.: Изд. Дом «Городец», 2008. – 320 с.

8. Брановицкий, К.Л. Информационные технологии в гражданском процессе Германии: сравнительно-правовой анализ / К.Л. Брановицкий. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 208 с.

9. Брановицкий, К.Л. Гражданское судопроизводство за рубежом / К.Л. Брановицкий, А.Г. Котельников, И.В. Решетникова. – М.: Инфотропик Медиа, 2013. – 248 с.

10. Скобелев, В. Видеоконференцсвязь в гражданском процессе: о проблемах и перспективах использования / В. Скобелев // Юстиция Беларуси. – 2016. – №9. – С. 46-55.

11. Лях, Н.В. Формирование и использование информационных ресурсов в рамках единой информационной инфраструктуры судов / Н.В. Лях // Информационные технологии и право: правовая информатизация – 2021: сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 28 окт. 2021 г.); Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь; редкол.: В.А. Шаршун [и др.]; под общ. ред. А.Ф. Мательского. – Минск: НЦПИ, 2021. – С. 556-562.

12. Харитонюк, К.Н. Современные тенденции электронного судопроизводства и применение электронных доказательств по экономическим делам / К.Н. Харитонюк // Информационные технологии и право: правовая информатизация – 2021: сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 28 окт. 2021 г.); Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь; редкол.: В.А. Шаршун [и др.]; под общ. ред. А.Ф. Мательского. – Минск: НЦПИ, 2021. – С. 633-638.

13. Ахметзакиров, Н. Суды Казахстана в условиях цифровой трансформации / Н. Ахметзакиров // Судовы веснік. – 2020. – №4. – С. 78-79.
14. Теоретические и практические проблемы реформирования цивилистического судопроизводства / Д.В. Гапоненко [и др.]; под ред. Т.С. Тарановой. – Минск: Колорград, 2021. – 348 с.
15. Скобелев, В. Что меняется в ГПК? / В. Скобелев // Юридический мир. – 2020. – №9. – С. 8-19; №10. – С. 8-20.
16. Скобелев, В. Что меняется в ХПК? / В. Скобелев // Юридический мир. – 2020. – №11. – С. 10-23; 2020. – №12. – С. 8-24.
17. Князькин, С.И. Идеологические и процессуальные предпосылки использования искусственного интеллекта в судопроизводстве / С.И. Князькин // Информационные технологии и право: правовая информатизация –2021: сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 28 окт. 2021 г.); Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь; редкол.: В.А. Шаршун [и др.]; под общ. ред. А.Ф. Мательского. – Минск: НЦПИ, 2021. – С. 528-533.
18. Курочкин, С.А. Искусственный интеллект и будущее гражданского процесса / С.А. Курочкин // Учение о гражданском процессе: настоящее и будущее: сб. докладов на II Междунар. науч. конф. памяти М.К. Треушникова, Москва, 9 февр. 2023 г. / Моск. гос. ун-т; под ред. В.В. Молчанова. – М.: Зерцало-М, 2023. – С. 158-162.
19. Габриянич, А.Б. Технологии искусственного интеллекта в гражданском и хозяйственном процессах / А.Б. Габриянич // Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы; редкол.: И.Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. – Вып.6 – Гродно: ГрГУ, 2021. – С. 271-279.
20. Савенок, А.Л. Правовое регулирование применения технологий искусственного интеллекта / А.Л. Савенок // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь; редкол.: Н.А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Колорград, 2021. – Вып. 16. – С. 4-10.
21. Толочко, О.Н. Правовые проблемы использования технологий машинного обучения / О.Н. Толочко // Актуальные проблемы достижения целей устойчивого развития в условиях цифровой трансформации государства и права в Республике Беларусь: материалы Респ. науч.-практ. конф., Минск, 18-19 нояб. 2022 г. / Белоус. гос. ун-т, юрид. фак., каф. конституционного права; редкол.: Г.А. Василевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2022. – С. 79-84. – Деп. в Белорус. гос. ун-те 20.01.2023 № 000920012023.
22. Любецкая, С. Судебное администрирование как одна из форм совершенствования системы судопроизводства в Республике Беларусь / С. Любецкая // Судовы веснік. – 2013. – №4. – С. 29-31.
23. Тевелева, В.Н. О системах электронного опубликования судебных решений в зарубежных странах / В.Н. Тевелева // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь; редкол.: В.И. Семенов (гл. ред.) [и др.]. – Минск: ФУ Аинформ, 2013. – Вып. 8. – С. 486-492.
24. Ковпаев, С.С. Актуальные вопросы формирования системы электронного правосудия в отношениях с иностранными судами / С.С. Ковпаев // Информационные технологии и право: правовая информатизация – 2021: сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 28 окт. 2021 г.); Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь; редкол.: В.А. Шаршун [и др.]; под общ. ред. А.Ф. Мательского. – Минск: НЦПИ, 2021. – С. 538-542.

25. Хотько, Е.П. Совершенствование правового регулирования информационных отношений в гражданском судопроизводстве / Е.П. Хотько // Информационные технологии и право: правовая информатизация – 2021: сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 28 окт. 2021 г.); Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь; редкол.: В.А. Шаршун [и др.]; под общ. ред. А.Ф. Мательского. – Минск: НЦПИ, 2021. – С. 639-643.

УДК 341; 342; 349.6

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ДЕЛЕ ОХРАНЫ И УПРАВЛЕНИЯ ВОДНЫМИ РЕСУРСАМИ

О. Н. Толочко

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления, юридический факультет, Белорусский государственный университет, o.tolochko@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам поощрения и продвижения социально ответственного поведения граждан, субъектов хозяйствования, государственных органов и должностных лиц в деле охраны и управления внутренними и трансграничными водными ресурсами Республики Беларусь. По мнению автора, добросовестное выполнение международных обязательств, а также эффективное противодействие вызовам и угрозам водным ресурсам, связанным с изменением климата, ростом потребления воды, загрязнением окружающей среды потребует, в том числе, совершенствования программных документов и стратегий по управлению водными ресурсами.

Ключевые слова: социальная ответственность, конституционный принцип, водные ресурсы, водотоки, охрана водных ресурсов, управление водными ресурсами, риски.

Необходимость социально ответственного управления водными ресурсами обусловлена растущими вызовами и угрозами в контексте ухудшающейся в связи с климатическими изменениями и антропогенным воздействием экологии, а также здоровья и благополучия населения. Неслучайно проблемы, связанные с доступностью питьевой воды и другими вопросами, связанными с охраной и использованием вод, нашли отражение в Целях устойчивого развития ООН: 6 «Обеспечение наличия и рационального использования водных ресурсов и санитарии для всех», 11 «Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов», 12 «Обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства» и др. [1].

Проблема охраны и рационального использования водных ресурсов занимает особое место в ряде вызовов и угроз современности. Увеличение расходования воды в связи с засухами и волнами жары, использование её в

промышленном производстве, сброс сточных вод и отходов позволяют рассматривать охрану вод как одну из глобальных современных проблем человечества.

Многие регионы планеты испытывают дефицит пресной воды. По данным Всемирной метеорологической организации, в настоящее время 3,6 млрд. человек сталкиваются с недостаточным доступом к воде, по крайней мере, один месяц в году, и ожидается, что к 2050 г. это число увеличится до более чем 5 млрд. Более 70% всех стихийных бедствий связаны с водой [2]. Научный руководитель Института водных проблем РАН В.И. Данилов-Данильян отмечает, что к 2030–2035 гг. с глобальным кризисом питьевой воды столкнётся и Россия, прежде всего, в европейской её части, – и это несмотря на то, что в России много рек и озёр. Исследователь подчёркивает, что вода в России есть, но чистой воды – недостаточно [3]. Данный тезис имеет значение и для Беларуси, где значительный объем воды используется на нужды промышленного производства и сельского хозяйства, а также на водоснабжение населённых пунктов. Всё это обуславливает высокую значимость продвижения социально ответственного поведения граждан, субъектов хозяйствования, государственных органов и должностных лиц в процессе охраны и управления водными ресурсами.

Охрана вод, как и окружающей среды, в целом, давно перестала быть внутренним делом отдельного государства. В настоящее время принят целый ряд различных международных документов – от международных договоров до рекомендательных актов международных межправительственных и неправительственных организаций, – направленных на охрану трансграничных вод и регулирование экологически небезопасной деятельности в связи с водопользованием.

Основной идеей международного сотрудничества в рассматриваемой области является принцип, согласно которому каждое государство должно использовать свои водные ресурсы таким образом, чтобы не нанести ущерб интересам других государств. Прибрежные страны имеют взаимные права и обязанности в использовании их международных водотоков, и каждая имеет право на справедливую часть имеющихся выгод. Трансграничный водный объект рассматривается как единая система под общим управлением. Каждое государство имеет право предпринимать действия в отношении любого другого государства бассейна, если это государство оказывает воздействие на водный объект без сотрудничества и разрешения соседей. Государства обязаны также обмениваться информацией, сообщать о планируемых мерах, способных оказать значительный ущерб водному ресурсу, справедливо и разумно его использовать и цивилизованно разрешать возникающие международные споры. Этот подход, являясь социально ответственным по своей сути, отвечает общим принципам и нормам международного права, в силу чего нашел отражение в ряде доктринальных международных документов ООН,

ЕЭК ООН, Всемирного банка и др. по правовым проблемам трансграничного использования вод [4].

Республика Беларусь, будучи полноценным членом международного сообщества, выполняет свои международные обязательства по охране и использованию водотоков. В 2022 г. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь была утверждена Национальная стратегия управления водными ресурсами в условиях изменения климата на период до 2030 года [5]. Вместе с тем, анализ поставленных Национальной стратегией целей и задач показывает, что в ряде случаев поставленные цели недостаточно амбициозны или отражают уже достигнутые цели. Так, ожидаемым результатом выполнения Национальной стратегии заявлена обеспеченность населения централизованными системами водоснабжения и водоотведения (канализации) – не менее 93,2% и 79,3% соответственно к 2025 году, 95% и 85% соответственно к 2030 году. Однако по данным Национального статистического комитета удельный вес домашних хозяйств, проживающих в квартирах (домах), оборудованных водопроводом, в общем числе домашних хозяйств на начало 2024 года уже составил 98% [6]. Очевидно, что надо ставить новые задачи, нацеленные на предотвращение будущих угроз и минимизацию возможных негативных последствий в будущем.

В условиях климатических рисков и общих угроз недостатка питьевой и/или технической воды, снижения ее качества, техногенных, эпидемиологических и иных чрезвычайных ситуаций, настоятельно необходимо формирование обширных и доступных баз данных, на основе которых могут приниматься оперативные управленческие решения. Для этого в Национальную стратегию целесообразно включить задачу по разработке унифицированной системы управления водными ресурсами, объединяющей сети коммуникаций, стандартное компьютерное оборудование, централизованно разработанные и поддерживаемые программы, гидрологические и гидравлические модели и др., как это сделано, например, в США, где силами Инженерного корпуса армии США (COE) сформирована «COE Система управления водой» (CWMS).

По информации разработчиков, CWMS включает прием, преобразование, проверку, хранение, распечатку, анализ и распространение информации для поддержания миссии COE по контролю воды в реальном времени. Входящие данные в режиме реального времени включают гидрологическую информацию (состояние реки, оценка водохранилища), метеорологическую информацию (наблюденные и прогнозные осадки) и другую гидрометеорологическую информацию, например, данные по качеству воды. Данные мониторинга используются для оценки текущего состояния бассейна; программы моделирования бассейна используются для прогноза стока, реакции и режима работы водохранилищ, состояния рек, затопленные территории, воздействие на нижнее течение, количество будущих осадков, сценарии работы

водохранилищ и др. Интерфейс CWMS основывается на картах и дает пространственные ссылки на данные и модели бассейна. Система действует постоянно, обеспечивая постоянную поддержку в как в обычный рутинный период, так и в периоды низкого и высокого стока и в критических ситуациях. CWMS спроектирована как сетевая система обслуживания клиентов. Сервер принимает, обрабатывает и сохраняет данные, а также производит имитационное моделирование [7]. Создание либо приобретение такой системы, как представляется, существенно улучшит управление и использование водных ресурсов. Система мониторинга сможет прогнозировать климатологические и гидрологические изменения, делать предупреждения и рекомендации по принятию мер для защиты запасов пресных вод, окружающей среды и населения. В целом цифровизация является безальтернативным средством сохранения и развития водных ресурсов.

Создание такого продукта, разумеется, потребует значительных объемов финансирования для поддержания серверов, управляющих большим массивом данных, обширной сети пунктов полевых наблюдений, формирования точных гидрографических и топографических карт для графического отображения затопленных площадей, подготовки системных администраторов и других специалистов по поддержке программ и оборудования. Первоначальные инвестиции в такую систему могут быть значительными, но окупаемость затрат вероятно уже в краткосрочный период, не говоря о позитивных социальных эффектах такого решения. Финансирование может осуществляться с привлечением профильных международных структур (ЮНЕП, ФАО и др.), в сотрудничестве с государствами общих трансграничных водотоков, а также с привлечением частных инвесторов.

В рамках Протокола по проблемам воды и здоровья к Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 года Республика Беларусь приняла Комплекс мер по реализации своих обязательств [8]. При всей важности данного документа, он тоже в ряде случаев устанавливает в качестве целевых уже достигнутые показатели. Значительным продвижением, как представляется, было бы включение в Комплекс мер количественных параметров частотности сбросов необработанных сточных вод (раздел IX Протокола) и качества сточных вод, используемых для орошения (раздел XIII). Обоснованной и эффективной мерой представляется также введение системы обложения сброса сточных вод в окружающую среду на основе определённых критериев, например, фактического содержания (массы) загрязняющих веществ в составе сбрасываемых сточных вод.

Социально ответственное поведение субъекта международного права предполагает также активизацию сотрудничества с сопредельными государствами речных бассейнов и вовлечение их в процесс управления и

охраны таких трансграничных рек как Днепр, Западная Двина, Неман, Западный Буг, Припять.

Климатические проблемы, обусловленные как природными, так и социально-экономическими факторами, приводят к экстраординарному изменению водных ресурсов и ряду связанных с ним последствий. К основным рискам относятся частота, синхронность, тяжесть климатических явлений и их разрушительные последствия в виде ливней, снежных и ледовых бурь, засух. Эти катаклизмы влияют на социальные и экономические условия жизни населения, нарушают привычный уклад жизни. Изменения в погоде, связанные с изменениями климата, становятся все заметнее. При этом теряют свою эффективность прежние формы и методы контроля за безопасностью вод, а водное хозяйство не всегда в состоянии обеспечивать нормальный доступ к чистой воде в достаточных количествах. Обычными явлениями становятся наводнения и засуха, которые зачастую невозможно спрогнозировать. Такие явления часто сопровождаются проблемами, связанными с неготовностью населения и властей, неспособностью быстро и эффективно справляться с последствиями и др.

Кроме того, росту потребности в пресных водах в перспективе также может способствовать экспорт продукции сельского хозяйства. Усиление конкуренции и связанное с ним ухудшение экономических условий может негативно сказаться на контроле над загрязнением и очистке сточных вод вследствие стремления снизить себестоимость экспортируемой продукции.

Также потенциальным риском может стать превращение пока что значительных запасов пресной воды в экспортный товар, что в будущем может негативно сказаться на экономической и экологической безопасности страны.

Совершенствование управления этими рисками, как представляется, потребует разработки и принятия долгосрочных интегрированных планов по смягчению последствий водных катаклизмов и социально ответственному использованию водных ресурсов с указанием алгоритма действий местных и центральных властей, источников финансирования, привлечения иностранной помощи, информирования населения и др.

Все эти обстоятельства, требующие повышения социальной ответственности в сфере охраны, управления и использования водных ресурсов, актуализируют широкое общественное обсуждение, что может быть реализовано, в частности, в форме проведения регулярных международных научно-практических конференций по внутренним и трансграничным водным ресурсам Беларуси в условиях современных вызовов и угроз.

Список использованных источников

1. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: резолюция, принятая ГА ООН 25 сентября 2015 года

A/RES/70/1 // ООН. – URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n15/291/92/pdf/n1529192.pdf> (дата обращения 20.02.2025).

2. State of Global Water Resources 2021 // World Meteorological Organization. – URL: <https://wmo.int/events/state-of-global-water-resources-2021> (дата обращения 20.02.2025).

3. Россию может ждать дефицит питьевой воды уже с 2030 года // Парламентская газета. – URL: <https://www.pnp.ru/economics/rossiyu-mozhet-zhdet-deficit-pitevoy-vody-uzhe-s-2030-goda.html> (дата обращения 20.02.2025).

4. Руководства различных организаций в области водных ресурсов // CAWater-Info. Научно-информационный центр Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии Центральной Азии (НИЦ МКБК). – URL: http://www.cawater-info.net/bk/water_law/guidelines-on-water-related-issues.htm (дата обращения 20.02.2025).

5. Национальная стратегия управления водными ресурсами в условиях изменения климата на период до 2030 года: утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 91 от 22.02.2022 // Водные ресурсы Республики Беларусь. – URL: <https://rivers.by/dopolnitelnaya-informatsiya/zakonodatelstvo/natsionalnaya-strategiya-upravleniya-vodnymi-resursami-do-2030-goda> (дата обращения 20.02.2025).

6. Доступ населения к централизованному водоснабжению // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/okruzhayushchaya-sreda/sovместnaya-sistema-ekologicheskoi-informatsii2/c-vodnye-resursy/s-6-dostup-naseleniya-k-tsentralizovannomu-vodosnabzheniyu/> (дата обращения 20.02.2025).

7. CWMS // Гидрологический инженерный центр Инженерного корпуса армии США. – URL: <https://www.hes.usace.army.mil/cwms/> (дата обращения 20.02.2025).

8. Комплекс мер по реализации обязательств, принятых Республикой Беларусь по Протоколу по проблемам воды и здоровья к Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 года, до 2030 года // РУП «Научно-практический центр гигиены». – URL: https://rspch.by/Docs/complex%20measures_17-03-2021_rus.pdf (дата обращения 20.02.2025).

УДК 342.9

ЦИФРОВИЗАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА: ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В. Ю. Чешко

*доцент кафедры конституционного права, юридический факультет,
Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук,
доцент, vladimir_cheshko@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления цифровизации административного процесса. На основании проведенного анализа формулируются предложения по совершенствованию норм Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях.

Ключевые слова: административный процесс; цифровизация; электронные доказательства; электронное дело об административном правонарушении.

Развитие цифровизации в различных сферах является актуальным направлением в настоящее время. Не является исключением административный процесс, порядок привлечения к административной ответственности и исполнения административных взысканий. Несмотря на придание многими авторами данному процессу – цифровизации, безусловной необходимости, полагаем целесообразным отметить, что, по нашему мнению, следует взвешенно подходить к этому и интегрировать в процессуально-исполнительное законодательство по делам об административных правонарушениях только те нормы, которые будут способствовать повышению эффективности административного процесса, его прозрачности и надлежащему обеспечению прав всех участников.

Как справедливо отмечает Г. А. Василевич, «информационные технологии обеспечивают реализацию принципа информационной открытости (транспарентности), что влияет на характер отношений между различными субъектами права. С этих же позиций в юридической науке рассматривается информационная открытость (транспарентность) государственного управления в качестве общего принципа публичного права» [1, с. 235].

При исследовании цифровизации административного судопроизводства в Российской Федерации ученые выделяют следующие направления: развитие безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры цифрового судопроизводства с внедрением защищенных сетей связи и передачи данных; разработка кодирования судебной информации; создание каталогов унифицированных систем электронных документов [2, с. 192].

Как видно из приведенных выше направлений авторы в большей степени, по нашему мнению, уделяют внимание технической составляющей цифровизации административного судопроизводства без предложения современных организационно-правовых форм развития этого направления.

Отдельные авторы предлагают «разумную» цифровизацию, т.е. развитие на основе искусственного интеллекта сервиса «Правосудие онлайн», обеспечения возможности дистанционного обращения в суд в электронном формате, дистанционного направления извещений и доступа к материалам электронных дел, получения судебных актов и их копий в электронном виде, дистанционного участия в процессе [3, с. 16-17].

Подчеркивая актуальность цифровизации, авторы не всегда конкретизируют свои предложения с приведением конкретных предложений по совершенствованию нормативных правовых актов с анализом существующего и предлагаемого правового регулирования, устранения возможных противоречий и конкуренции норм. В связи с чем, нами всесторонне оцениваются различные предложения с учетом целесообразности и обоснованности необходимости их введения.

По результатам анализа, проведенного автором, выделены следующие направления цифровизации административного процесса и порядка исполнения административных взысканий: совершенствование порядка взаимодействия органов, ведущих административный процесс при наложении и учете административных взысканий; цифровизация административного процесса, включающая порядок использование электронных доказательств, проведение процессуальных действий и мер обеспечения административного процесса с использованием информационных технологий, порядок ведения процесса, электронное дело об административном правонарушении; цифровизация порядка исполнения административных взысканий, включая особенности использования информационных технологий в ходе исполнения различных видов административных взысканий.

1. Цифровизация взаимодействия органов, ведущих административный процесс.

Регистрационный номер для административных правонарушений правонарушению присваивается органами, ведущими административный процесс, и судами.

Конечный учет правонарушений осуществляется органами внутренних дел. Следует учитывать, что при создании новых информационных ресурсов (систем), предназначенных для передачи сведений о правонарушениях в органы внутренних дел в автоматическом режиме, такие сведения передаются посредством общегосударственной автоматизированной информационной системы.

Таким образом, дальнейшую цифровизацию порядка взаимодействия органов, ведущих административный процесс, следует проводить с использованием общегосударственной автоматизированной информационной системы путем создания единой платформы регистрации и учета административных правонарушений с учетом обеспечения их конфиденциальности и защиты информации.

2. Цифровизация административного процесса.

В ходе проведенного на первом этапе исследования автором выделены следующие направления цифровизации административного процесса: использование электронных доказательств; цифровизация процессуальных действий и мер обеспечения административного процесса; цифровизация административного процесса.

Использование электронных доказательств. Подход, закрепленный в ПИКоАП, позволяет использовать электронные (цифровые) доказательства, полученные в порядке, определенном не только ПИКоАП, но и иными законодательными актами. Основными требованиями к электронным (цифровым) являются соответствие критериям относимости, допустимости и достоверности.

В настоящее время в ПИКоАП подход к определению доказательств позволяют применять их в электронной (цифровой форме), но без учета

непосредственно электронных доказательств [5]. На основании изложенного предлагается в ч. 2 ст. 6.3 ПИКоАП после слов «иной документ и другой носитель информации» дополнить словами: «электронные доказательства, полученные в порядке, определенном настоящим Кодексом и иными законодательными актами».

Цифровизация процессуальных действий и мер обеспечения административного процесса.

В ходе анализа данного вопроса следует изначально определить – какие процессуальные действия и меры обеспечения административного процесса могут осуществляться с использованием цифровых технологий. Перед рассмотрением направлений цифровизации необходимо отметить, что положения ч. 2 ст. 6.12 ПИКоАП позволяют при производстве процессуальных действий могут применять технические средства по решению должностного лица органа, ведущего административный процесс, однако это не является препятствием для совершенствования самого порядка осуществления процессуальных действий.

К процессуальным действиям, закрепленным в ПИКоАП, следует отнести:

опрос. К источникам доказательств относятся объяснения лица, в отношении которого ведется административный процесс, потерпевшего, свидетеля, в том числе полученные путем использования систем видеоконференцсвязи. В связи с чем, норму о применении видеоконференцсвязи следует закрепить в ч. 1 ст. 11.7 ПИКоАП «Порядок опроса лиц, участвующих в административном процессе» после слов «если признает это необходимым, произвести опрос по месту нахождения опрашиваемого» дополнить словами «или с помощью видеоконференцсвязи»;

осмотр. Данное действие часто применяется на практике и применение информационных технологий в ходе его проведения уже закреплено в ст. 11.10 ПИКоАП. Дополнительно можно предусмотреть, что в протоколе отражаются сведения о примененных цифровых средствах;

освидетельствование. Применение цифровых средств при проведении освидетельствования может быть обосновано, но с соблюдением условий конфиденциальности и не унижения чести и достоинства лица;

экспертиза представляет собой использование специальных знаний для получения новых данных по поставленным вопросам. Многообразие экспертиз не позволяет нам сформулировать универсальное правило использования электронных средств при ее проведении, однако это не умаляет актуальность данного направления;

получение образцов для сравнительного исследования. При проведении данного процессуального действия также возможно применение цифровых средств.

Меры обеспечения закреплены в 8 главе ПИК_оАП, однако применение технических средств нашло отражения только при проведении изъятия вещей и документов. Полагаем целесообразным дополнить ст. 8.1 ПИК_оАП следующей нормой: «При применении мер процессуального обеспечения допускается использование технических средств по решению должностного лица органа, ведущего административный процесс».

Цифровизация административного процесса. По результатам анализа, проведенного на первом этапе исследования, автором определены следующие актуальные направления цифровизации административного процесса: использование электронной цифровой подписи (далее – ЭЦП); внедрение электронного помощника судьи (должностного лица органа, ведущего административный процесс); электронное дело об административном правонарушении.

Электронная цифровая подпись. ЭЦП является одним из фундаментальных начал, которое способствует цифровизации административного процесса, поскольку ее внедрение позволит использовать различные материалы в электронном виде. Обеспечит прозрачность и контролируемость хода административного процесса, а также облегчит надзор. Предлагается закрепить возможность подписи всех материалов (протоколов процессуальных действий и мер обеспечения административного процесса и т.д.) во всех нормах ПИК_оАП.

Электронное дело об административном правонарушении. Концепция электронного дела об административном правонарушении (далее – электронное дело), следует изначально определить возможные направления по закреплению данного понятия в ПИК_оАП.

В соответствии со ст. 1.4 ПИК_оАП делом об административном правонарушении является обособленное производство, которое включает в себя заявление, сообщение об административном правонарушении, протокол об административном правонарушении, постановление по делу об административном правонарушении и иные материалы, относящиеся к административному правонарушению.

Данное направление следует признать недостаточно разработанным в научном плане, поскольку авторами зачастую исследуются только вопросы электронного уголовного дела. В связи с этим на начальном этапе считаем, что отправной точкой развития данного явления будет определение его сущности. В связи с этим полагаем, что целесообразно закрепить в п. 4 ст. 1.4 ПИК_оАП следующую норму: «дело об административном правонарушении – обособленное производство, в том числе в электронном виде, которое включает в себя заявление, сообщение об административном правонарушении, протокол об административном правонарушении, постановление по делу об административном правонарушении и иные материалы, относящиеся к административному правонарушению».

3. Цифровизация порядка исполнения административных взысканий.

Порядок исполнения административных взысканий закреплен в Разделе IV «Исполнение административных взысканий» ПИКоАП [5].

Законодательство об исполнении административных взысканий состоит из ПИКоАП и иных актов законодательства, определяющих порядок и условия исполнения административных взысканий. В своем исследовании внимание было уделено только нормативным предписаниям ПИКоАП, поскольку иные акты законодательства относятся к сфере исполнительного производства и требуют исследования с учетом своей методологии и подходов.

При совершенствовании цифровизации процесса исполнения административных взысканий следует учитывать, что различные виды взысканий исполняются уполномоченными на то государственными органами. Например, административный арест приводится в исполнение органами внутренних дел, а взыскание в виде штрафа может быть исполнено должностным лицом органа, исполняющего административное взыскание, или органом принудительного исполнения.

Контроль за правильным и своевременным исполнением постановления о наложении административного взыскания возлагается на судью, должностное лицо органа, ведущего административный процесс, вынесших постановление, за исключением случаев, нахождения его на исполнении в органе принудительного исполнения.

Процесс взаимодействия в ПИКоАП предусмотрен только в отношении штрафа.

Отметим, что постановление о наложении административного взыскания, вступившее в законную силу, обязательно для исполнения государственными органами, иными организациями и физическими лицами. Постановление о наложении административного взыскания в части имущественных взысканий является исполнительным документом.

Постановление о наложении административного взыскания обращается к исполнению судом, органом, ведущим административный процесс, вынесшими это постановление.

Зачастую при составлении протокола об административном правонарушении и вынесении решений по ускоренному порядку ведения административного процесса должностные лица органов, ведущих административный процесс не обладают сведениями о наличии исполненных или неисполненных взысканий, а также не могут отследить срок, предусмотренный ч. 6 ст. 6.4 КоАП, что при наложении штрафа на физическое лицо в порядке, установленном ст. 10.3 ПИКоАП, применяется нижний предел штрафа, предусмотренный за совершенное правонарушение, а в случае его неустановления в санкции – не более пяти десятых базовой величины. В случае неуплаты такого штрафа в установленные сроки примененный размер штрафа увеличивается на две базовые величины.

На основании изложенного целесообразным представляется включение сведений об исполнении административных взысканий в Единую платформу взаимодействия органов, ведущих административный процесс, вместе с регистрацией и учетом административных правонарушений, рассмотренных выше, а также предоставление доступа к ней всем должностным лицам органов, ведущих административный процесс.

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

цифровизацию административного процесса в настоящее время следует осуществлять в сферах совершенствования порядка обмена информацией об административных правонарушениях и процессуальных действиях, непосредственно совершенствованию порядка ведения административного процесса при его начале, подготовке и рассмотрении дела об административном правонарушении, а также в ходе исполнения наложенных административных взысканий;

цифровизацию порядка взаимодействия органов, ведущих административный процесс, по регистрации и учету административных правонарушений следует проводить с использованием общегосударственной автоматизированной информационной системы путем создания единой платформы регистрации и учета административных правонарушений с учетом обеспечения их конфиденциальности и защиты информации. Кроме того, для повышения персональной ответственности за своевременность регистрации и учета административных правонарушений необходимо предусмотреть возможность их совершения только с использованием электронной цифровой подписи;

основными направлениями цифровизации административного процесса выступают: интеграция понятия электронного дела об административном правонарушении, использование электронных доказательств; электронная цифровая подпись, цифровизация процессуальных действий и мер обеспечения административного процесса; цифровизация порядка ведения процесса;

совершенствование и цифровизация порядка исполнения административных взысканий может быть осуществлена путем создания Единой платформы взаимодействия органов, ведущих административный процесс, будет осуществляться регистрации и учет сведений об административных правонарушениях, а также сведений об исполнении административных взысканий. Доступ к данной платформе целесообразно предоставить для всех должностных лиц органов, ведущих административный процесс, а также органов, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях.

Список использованных источников

1. Василевич, Г. А. Цифровые технологии как фактор эффективного и устойчивого развития общества / Г. А. Василевич // ВесціНацыянальнайакадэміінавуkBеларусі. Серыягуманітарныхнаук. – 2022. – Т. 67, № 2. – С. 234–239. URL: <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-234-239>.
2. Морозова, Г. А. Цифровые технологии в административном судопроизводстве / Г. А. Морозова, Э. Х. Губайдуллина // Юридические науки. – 2020. – № 4-2(43). – С. 188–192.
3. Махина, С. Н. Цифровизация административного судопроизводства как фактор повышения результативности и эффективности реализации государственных функций: российский и зарубежный опыт / С. Н. Махина, И. С. Завьялова // Журнал административного судопроизводства. – 2020. – № 4. – С. 13–17.
4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.04.2024 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
5. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.04.2024 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

УДК 342.843.5

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ И ВНЕДРЕНИЯ ИКТ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. В. Шавцова

*доцент кафедры конституционного права,
юридический факультет, Белорусский государственный университет,
кандидат юридических наук, доцент, varf01012000@gmail.com*

Аннотация: В статье проводится исследование содержания научного и легального определений «электронное», «дистанционное электронное», «электронное предварительное (тестовое)» голосование, особенности их реализации, обосновывается необходимость внесения изменений и дополнений в Избирательный кодекс, приводятся положительные и отрицательные доводы внедрения IT-технологий (информационных технологий) в процесс голосования и подсчета голосов.

Ключевые слова: электронное голосование, дистанционное электронное голосование, IT-технологии, Избирательный кодекс, избиратели, бюллетень.

Одним из направлений расширения форм электронной демократии является внедрения в ближайшей перспективе в избирательном, референдарном процессах IT-технологий (информационных технологий). Это обуславливает необходимость разработки правовой наукой и

законодателем конструктивных научно обоснованных, политически и экономически целесообразных предложений по внесению изменений и дополнений в избирательное законодательство.

Об этом пишут как в правовой науке, так и других областях научных исследований многие отечественные и российские ученые, например, С. В. Абламейко, М. С. Абламейко, С. М. Братченя, В. Ю. Липень, Я. В. Антонов, В. Ф. Гигин, Д. А. Давыдов, К. А. Дрожжин, Т. М. Киселева, Я. Е. Комарова, К. Ю. Матрёнина, Ю. В. Митяева, М. Ю. Павлютенкова, Т. М. Пехота, К. Б. Пилиджанян, Э. Т. Прохоров, Т. М. Чернышова, Т. З. Шалаева, А. А. Шафалович и др.

Использование IT-технологий в избирательном и референдарном процессах, безусловно, повлияет на политико-правовые институты демократии. Существенному изменению в условиях информатизации подвергается такие институты демократии, как выборы и референдум. С политической точки зрения, это будет способствовать численному увеличению электорального корпуса, прежде всего, за счет молодого поколения, наиболее активно использующего и предпочитающего IT-технологии, граждан, по объективным причинам не имеющих возможности прийти на участок для голосования, также расширятся формы, способы участия граждан в голосовании. Так, в частности, К. Б. Пилиджанян пишет, что у граждан «расширились возможности для участия, например, в референдумах, избирательных компаниях исключительно благодаря телекоммуникационным системам, обладающим техническими возможностями для проведения электронных голосований и опросов на различных уровнях, включая национальный. Потенциальные возможности информационных технологий в сфере влияния на политическое поведение граждан очень значительны и на современном этапе развития общества проявляются через меру осознанности поведения индивида в политической сфере и степень его активности» [1].

В этой связи для Республики Беларусь важное значение имеет изучение опыта других государств в данной области, подтверждающий, что внедрение электронного голосования свидетельствует о поступательной положительной динамике увеличения числа голосующих. Так, например, в одной из лидирующих стран в этой сфере – Эстонии, «в 2005 году такой системой воспользовались менее 10 тысяч избирателей, что составило 1,9 %, от общего числа избирателей. Постепенно, к 2014 году, эта цифра возросла до 31,3 %» [2, с. 17]. На прошедших парламентских выборах в Рийгикогу 2023 года в Эстонии через интернет были поданы рекордные 313 510 голосов, то есть 51,1 % от общего числа избирателей.

В результате проведения выборов 17–19 сентября 2021 года депутатов Государственной думы РФ на основе Постановления ЦИК России от 20.07.2021 N 26/225–8 дистанционное электронное голосование

было реализовано в 7 субъектах России: Курской, Мурманской, Нижегородской, Ростовской и Ярославской области, а также Москвы и Севастополя, в «онлайн-голосовании приняли участие 587 249 человек, явка составила 92,4 %. Всего в 6 регионах, где была доступна опция дистанционного голосования, зарегистрировано порядка 8,52 млн. избирателей» [3]. За время использования ГАС «Выборы» в Российской Федерации было проведено более 7000 избирательных кампаний различного уровня. Система использовалась при проведении всех выборов федерального уровня, в 95 % выборов регионального уровня и в более 60 % выборов местного уровня [4].

Не останавливаясь подробно на практике внедрения электронного голосования другими государствами, можно, тем не менее, однозначно сказать, что она существенно влияет на значительное увеличение числа голосующих, что в свою очередь делает голосование результативным и свидетельствует о повышении политической активности граждан, стремлении участвовать в политически значимых государственных и общественных процессах принятия решений.

В Республике Беларусь перспектива электронного голосования и более широкий формат использования IT-технологий в избирательном и референдарном процессах рассматривались не только в политико-правовой науке, но и руководством страны еще до официального заявления об этом. Так, в феврале 2023 года перед Центральной избирательной комиссией была поставлена задача разработать Концепцию цифровизации избирательной системы: «В стране должна быть создана разветвленная система электронных услуг, электронное правительство и прочие платформы, которые могут лежать в основе электронного голосования» [5]

По заявлению главы ЦИК Республики Беларусь И. В. Карпенко «электронное голосование – это долгосрочная перспектива, и Единый день голосования 25 февраля 2024 года и президентская кампания 2025 года в Беларуси пройдут традиционно, без применения электронного голосования» [5]. В качестве важных условий он отметил необходимость создания безопасных платформ электронного голосования, единой системы регистра населения и на его основе - создание регистра избирателей, который в настоящее время прорабатывается совместно с Министерством внутренних дел.

Состоявшиеся 25.02.2024 г. выборы депутатов Палаты представителей Национального собрания и местных Советов депутатов, а также 26.01.2025 г. выборы Президента Республики Беларусь актуализировали целесообразность рассмотрения ряда политико-правовых аспектов института электронного голосования. В июне 2024 года Председатель ЦИК И. В. Карпенко официально заявил, что Концепция разработана и с одобрения Президента представлена к обсуждению [6].

Основным направлением в сфере внедрения информационных технологий в референдарные и избирательные процессы является развитие *электронного голосования*. «Блокчейн – система для надежного голосования и почти идеальный метод проведения самых демократических выборов – великое изобретение человечества в сфере информационных технологий. Электронное голосование невозможно практически фальсифицировать, если все проведено по всем правилам и электронная система работает исправно» [7, с. 12].

В научной литературе встречаются различные подходы к определению понятия «электронное голосование». Как правило, под термином «электронное голосование» понимается несколько взаимосвязанных аспектов путем использования различных электронных устройств и технических средств: процесс подачи избирателем голоса, подсчета голосов, подведения итогов голосования.

В многообразии научных исследований относительно понятия «электронное голосование» имеет место расхождение во взглядах. При этом заслуживают внимания, прежде всего, научные трактовки, охватывающие весь комплекс применения IT-технологий в избирательном или референдарном процессах на различных стадиях их проведения. Так, например, в узком и широком смысле трактует «электронное голосование» Я. В. Антонов, понимая под ним в первом случае «процесс *голосования* с использованием современных технологий, а во втором – комплексное информационно обусловленное *направление электронной демократии*, подразумевающее *реализацию народовластия*, выражение власти народа путем принятия важных для общества и государства решений посредством процедуры выборов» [8, с. 43]. Данное определение представляется наиболее широким и охватывает значительные возможности и способы использования электронного голосования.

Также комплексный подход к понятию «электронное голосование» отражен в определении К. Ю. Матрёниной, которая в контексте опыта Российской Федерации рассматривает электронное голосование как «*голосование* без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием комплекса средств автоматизации ГАС «Выборы», а также голосование с использованием бумажного избирательного бюллетеня, но с *применением автоматизированного приема, обработки бюллетеней и подсчета голосов*» [2, с. 23].

Выделяя техническую сторону, Д. А. Давыдов предлагает рассматривать «электронное голосование» в двух аспектах: во-первых, как «процедуру использования электронных средств (автоматических ящиков), которые сканируют избирательные бюллетени и обеспечивают *подсчет голосов* избирателей; во-вторых, как *голосование*, осуществляемое с помощью телекоммуникационных средств, таких как Интернет или мобильная связь» [9, с. 59].

Однако отдельные ученые преимущественно сосредотачиваются только на одном из аспектов анализируемого понятия: способе голосования либо подсчете голосов. Приведем несколько примеров. Спорным, на наш взгляд, является определение В. И. Федорова, который рассматривает электронное голосование как «совокупность различных способов волеизъявления избирателя, каждый из которых предполагает *подсчет голосов без участия человека, с помощью специальных программно-технических устройств*» [10, с. 170]. Хотя автор и указывает на различный способ подачи голоса, в данном подходе к определению в качестве особенности прослеживается, в первую очередь, именно *электронный подсчет голосов*, в то время как электронное голосование предполагает также электронный способ подачи голоса. С этой точки зрения данное автором понятие видится ограниченным.

В ином ключе рассматривает анализируемое понятие Ю. В. Митяева, отмечая, что «*электронное* голосование фактически отождествляется с *дистанционным* голосованием, позволяющим не привязывать волеизъявление граждан к фактическому месту нахождения» [11, с. 13]. Во-первых, не упоминая о процедуре подсчета голосов. Во-вторых, полагаем, что понятие «электронное голосование» более широкое и предполагает возможность проголосовать как на участке для голосования, так и дистанционно с использованием ИКТ. Потому, считаем, что понятие «дистанционное голосование» является элементом, частью понятия «электронное голосование».

Отчасти этим подходам корреспондируется определение, данное в Федеральном закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ в п. 62 ст. 2 «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: «электронное голосование – голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием комплекса средств автоматизации ГАС «Выборы» [12]. В настоящее время это определение оценивается критически, поскольку, как выше уже отмечалось, оно носит ограниченный характер и не включает еще два аспекта: возможность голосовать с помощью бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, но с использованием автоматизированных устройств для подачи/приема бюллетеней, а также применение электронного способа обработки бюллетеней и подсчета голосов. По мнению Я. В. Антонова согласно определению, данному в российском законе, электронное голосование «сводится лишь к автоматизации на избирательном участке процедуры подачи голосов и обработки электронных бюллетеней избирателей, с целью сокращения времени на подсчет голосов и исключения субъективного фактора, влияющего на подведение итогов» [13; 14].

Таким образом, в научной литературе не сложилось пока однозначное понимание содержания понятия «электронное голосование».

По нашему мнению следует согласиться со сложившейся в юридической доктрине позицией ученых, согласно которой электронное голосование включает в себя: 1) способ подачи избирателем своего голоса как на избирательном участке, так и дистанционно; 2) в электронной форме с помощью электронного бюллетеня, либо с помощью бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе; 3) электронный способ подсчета голосов и подведения итогов голосования.

Использование в процессе голосования и подсчета голосов IT-технологий имеет не только важное практическое, но и формально юридическое значение. В настоящее время перед национальным законодательством стоит задача по модернизации нормативных правовых актов, которые позволят легализовать ресурсы в области IT-технологий для обеспечения и расширения политико-правовых возможностей участия граждан в голосовании. В связи с этим перед правовой наукой стоит задача по разработке и внесению предложений по совершенствованию законодательства

В Конституции Республики Беларусь и Избирательном кодексе в настоящее время право на участие в голосовании не конкретизирует способ, хотя при этом подробно регулирует процедуру с помощью бумажного бюллетеня. Это означает возможность использования как традиционного, так и электронного голосования. В настоящее время ведется активная работа над внесением изменений и дополнений в избирательное законодательство, регламентирующих оба способа голосования.

В связи с этим предлагаем в белорусском законодательстве, в частности в Избирательном кодексе, путем внесения соответствующих изменений и дополнений сформулировать следующее определение: «электронное голосование – это избирательная либо референдарная процедура подачи голоса, реализуемая как на избирательном участке с помощью программно-технических средств, так и вне его (участка) с использованием возможностей сети Интернет (дистанционное электронное голосование) и применяемая в целях выявления политической воли избирателей и определения результатов голосования путем обработки электронных и бумажных бюллетеней, подсчета голосов и подведения итогов голосования». Кроме того, целесообразно также закрепить самостоятельное понятие «дистанционное электронное голосование» (ДЭГ) в рамках избирательного / референдарного процесса.

Анализ доктринальных определений электронного голосования показывает, что существующие подходы не обладают универсальностью и в ряде случаев носят противоречивый характер. В перспективе представляется целесообразным разграничение и закрепление в Избирательном кодексе Республики Беларусь наряду с традиционной процедурой голосования с помощью бумажных бюллетеней также понятий

«электронное», «электронное дистанционное» и «электронное предварительное (тестовое)» голосование с детальным последовательным урегулированием соответствующих данным понятиям процедур голосования, подсчета голосов, подведения итогов голосования. Немаловажным представляется необходимость приведения в соответствие с изменениями и дополнениям Избирательного кодекса норм Уголовного и Административного кодексов.

Таким образом, обобщая существующие в правовой науке и правоприменительной практике мнения, можно сделать следующие выводы об *основных достоинствах* голосования с использованием ИКТ:

- предоставление избирателям возможности голосовать как на избирательном участке своего избирательного округа, так и в ином месте;
- исключение административного и иного влияния, контроля за волеизъявлением и обеспечение подачи голоса самим избирателем;
- максимальное обеспечение права граждан на участие в выборах и референдумах, вовлечение граждан, обладающих активным избирательным правом в процесс принятия общественно и государственно значимых решений, управление делами государства и общества;
- расширение доступа к избирательному процессу избирателей с ограниченными физическими возможностями или тех, кто по каким-либо причинам не может присутствовать на избирательном участке либо использовать имеющиеся там средства;
- снижение уровня абсентеизма, повышение явки избирателей путем предоставления дополнительных каналов для голосования;
- внедрение информационных технологий в процесс голосования в соответствие с новыми потребностями общества, повышение уровня использования новых технологий в качестве средства связи;
- сокращение расходов на проведение выборов или референдумов;
- повышение оперативности и надежности результатов голосования.

Однако наряду с достоинствами внедрения ИКТ имеют место и *недостатки*. Обобщая практику проведения электронного голосования, среди наиболее значимых недостатков в научной литературе отмечаются следующие:

- техническая сложность процедуры Интернет-голосования; в настоящее время во многих странах механизм дистанционного голосования несовершенен, так как, в случае если избиратель осуществил вход на портал для электронного голосования, но испытал проблемы, вызванные, например, техническими неполадками с его стороны, сервер при повторной попытке проголосовать запрещает доступ, так как вход на него уже ранее был осуществлён по индивидуальному токenu;
- сложность либо невозможность обеспечения всеобщего доступа к каналам для дистанционного и электронного голосования;

- возможность подачи избирателем голоса посредством более чем одного канала для голосования;
- несовершенства системы, обеспечивающей безопасность электронного голосования, которое должно проводиться с учётом принципа тайнства голосования и точности передачи данных о волеизъявлении избирателя;
- возможность установления связи между поданным голосом и конкретным избирателем; недостатки, связанные с шифрованием, подмены голоса во время голосования на устройстве избирателя, удостоверением личности голосующего;
- трудность или невозможность повторного пересчета голосов;
- возможность фальсификации данных и/или несанкционированного вмешательства в работу системы; содержание голосования может деформироваться через PR-технологии, которые используют разрешенные законом формы в собственных политических интересах (дистанционное голосование, голосование по открепительным удостоверениям и т. п.).
- попытки блокирования извне доступа к услугам системы;
- наличие вероятности технических неисправностей, поломок, сбоев, хакерских атак, взломов цифровых сервисов и устройств, из-за которых результаты выборов могут не соответствовать реально поданным избирателями голосам за соответствующих кандидатов.
- сложность контроля и наблюдения со стороны общественности.

Таким образом, электронное голосование – это значительный шаг к расширению возможностей активного избирательного права граждан без территориальной привязки, упрощению процедуры голосования в условиях информационного общества, вовлечению политически малоактивных граждан (особенно молодежи) к участию в управлении государственными и общественными делами как на местном, так и на общегосударственном уровне и, как следствие, понижению уровня абсентеизма среди избирателей. Однако внедрение IT-технологий в процесс голосования должен сопровождаться глубоким и всесторонним анализом как технических, так и правовых аспектов, дабы избежать негативных последствий.

Список использованных источников

1. Пилиджанян, К. Б. Информатизация общества как фактор его демократизации: социально-философский анализ. [Электронный ресурс] / К. Б. Пилиджанян. URL: <https://www.dissercat.com/content/informatizatsiya-obshchestvakak-faktor-ego-demokratizatsii-sotsialno-filosofskii-analiz/> (дата обращения 29.12.2024).
2. Матрёнина, К. Ю. Становление электронного голосования на выборах в Российской Федерации и перспективы его развития: конституционно-правовое исследование: специальность 12.00.02 «Конституционное право, конституционный судебный процесс, муниципальное право»: диссертация на соискание ученой степени

кандидата юридических наук / Матрёнина Ксения Юрьевна; Институт государства и права Тюменского государственного университета. – Тюмень, 2016. – 224 с.

3. Наумова, Н. В. Дистанционное электронное голосование в Российской Федерации / Н. В. Наумова, А. М. Арутюнян, М. К. Балыгин, П. Д. Помиркованый // Новый юридический вестник. — 2021. — № 9 (33). — С. 4-7. — [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/th/9/archive/210/6831/> (дата обращения: 01.02.2025).

4. Цифровизация избирательного процесса [Электронный ресурс]. – URL: <https://vesty.spb.ru/2024/02/07/cifrovizaciya-izbiratel'nogo-processa-27613?ysclid=m7qr2ihlsi128674854> (дата обращения: 01.02.2025).

5. В Беларуси работают над концепцией развития цифровизации избирательной системы [Электронный ресурс]. URL: <https://voronovo.gov.by/ru/republic-ru/view/v-belarusi-rabotajut-nad-kontseptsiej-razvitija-tsifrovizatsii-izbiratelnoj-sistemy-23961-2023/> (дата обращения 29.12.2024).

6. ЦИК разработал Концепцию цифровизации избирательного процесса и обсудит ее с заинтересованными» / БелТА [https // belta.by](https://belta.by) (от 11.06.2024); (дата обращения 29.12.2024);

ЦИК разработал концепцию «цифровых выборов», но пока применять ее не будет [Электронный ресурс]. URL: https://tochka.by/articles/policy/tsik_razrabotal_kontseptsiju_tsifrovyykh_vyborov_no_poka_primenyat_ee_ne_budet/ (дата обращения 29.12.2024).

7. Прохоров, Э. Т. Блокчейн-технологии в политике и перспективы их применения в демократическом государстве / Э. Т. Прохоров. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 50 (392). – С. 399-402. – URL: <https://moluch.ru/archive/392/86440/> (дата обращения 29.12.2024).

8. Антонов, Я. В. Международный опыт электронного голосования: к вопросу о поиске источников / Я. В. Антонов, В. А. Овчинников // Время и право. – 2011. – № 1. – С. 43–45.

9. Давыдов, Д. А. Интернет-голосование как электоральная политическая технология / Д. А. Давыдов // Вестник Пермского университета. – 2010. – № 1 (9). – С. 59–63.

10. Федоров, В. И. Электронное голосование: идея фикс или основа демократии будущего? / В. И. Федоров // Гражданин. Выборы. Власть. – 2017. – № 1–2. – С. 170–185.

11. Митяева, Ю. В. Опыт проведения Интернет-голосования на выборах и референдумах в России и за рубежом / Ю. В. Митяева // Выборы: теория и практика. – 2013. – № 2 (26). – С. 13–18.

12. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ: Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ // Российская газета – Федеральный выпуск от 15.06.2002 г. № 2974 (0). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (дата обращения 29.12.2024).

13. Антонов, Я. В. Электронная демократия как политико-правовой механизм согласования частных и публичных интересов / Я. В. Антонов // Российская юстиция. – 2017. – № 12. – С. 38–41.

14. Антонов, Я. В. К вопросу о необходимости совершенствования правового регулирования электронной демократии в России / Я. В. Антонов // Государственная власть и местное самоуправление. – 2017. – № 7. – С. 3–7.

ПРАВО НА ЦИФРОВУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ В СИСТЕМЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В. А. Шаршун

*доцент кафедры конституционного права, юридический факультет,
Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук,
доцент, sharsh1970@gmail.com*

Аннотация. Развитие информационных технологий приводит к появлению новых цифровых прав человека и гражданина, среди которых можно выделить право на цифровую неприкосновенность человека. Новые цифровые права человека и, в частности, право на цифровую неприкосновенность требуют своего нормативного закрепления, как на конституционном, так и на международном уровнях, что будет способствовать реализации указанных прав и свобод в цифровом пространстве.

Ключевые слова: права человека; информационные технологии; цифровая неприкосновенность; защита персональных данных; кибербезопасность.

Применение информационных технологий обусловило процессы кардинальных преобразований в современном обществе – цифровую трансформацию общественных отношений, которая выражается в применении современных цифровых технологий в разных сферах деятельности человека. Как фактор динамичного развития эти процессы привели к созданию цифровой экономики, формированию цифровых отношений, включая новую конфигурацию социальных отношений на основе использования сети Интернет, социальных сетей и других информационно-коммуникационных технологий. Это повлекло определенную трансформацию традиционных прав человека, а также появление новых среди них. Одним из таких новых прав и является право на цифровую неприкосновенность человека.

В современных условиях цифровизация является не просто очередным технологическим этапом в развитии человеческого общества, но и качественными изменениями, которые меняют образ жизни и мысли людей. Трудовая деятельность и досуг человека, в основном (а для некоторых людей целиком) протекают теперь «в компьютере» или «в смартфоне», «в Интернете», «в социальных сетях» и т.д. Человек разумный (*homo sapiens*) все больше погружается в виртуальную реальность, оцифровывается, некоторые ученые говорят о появлении «цифрового человека» (*homo digitalis*) [1, с. 3]. В связи с этим актуализируются вопросы, связанные с обеспечением информационной безопасности человека, а также его неприкосновенности в цифровой среде.

В научной литературе отсутствует определение понятия «право на цифровую неприкосновенность человека». Вместе с тем, есть некоторые

интересные попытки законодателей нормативно урегулировать данное право. Так, в 2023 г. в Конституцию Республики и кантона Женева 2012 г. были включены положения относительно нового основного права человека, сформулированного как «право на цифровую неприкосновенность». Указанная Конституция была дополнена ст. 21А, включающей следующие положения:

каждый человек имеет право на охрану своей цифровой неприкосновенности;

цифровая неприкосновенность включает, в частности, право на защиту от неправомерной обработки данных, касающихся цифровой жизни человека, право на безопасность в цифровом пространстве, право на жизнь в автономном режиме и право на забвение;

обработка персональных данных, за которую несет ответственность государство, может осуществляться за рубежом только при условии, что гарантируется адекватная защита;

государство способствует цифровой интеграции и информирует население о цифровых проблемах. Оно обязуется содействовать развитию цифрового суверенитета Швейцарии и сотрудничает в его реализации [2].

На референдуме 18 июня 2023 г. данную поправку одобрили 94,21 % проголосовавших граждан [3].

Исходя из указанных норм, право на цифровую неприкосновенность включает, в частности, право на защиту персональных данных, право на обеспечение информационной безопасности в цифровой среде, право на жизнь вне цифрового пространства, право на забвение, право знать информацию о рисках и угрозах, связанных с применением цифровых технологий. Вместе с тем, указанными правами право на цифровую неприкосновенность не исчерпывается, оно охватывает, в том числе, и различные аспекты реализации в цифровой среде традиционного права человека на защиту от незаконного вмешательства в его частную жизнь (посягательств на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство). Как справедливо отмечает Г. Е. Волкова «право на неприкосновенность частной жизни в цифровой среде охватывает огромное множество различных аспектов жизни человека, исчерпывающим образом определить которые не получится» [4, с. 176].

Кроме того, в п. 2 ст. 21А Конституции Республики и кантона Женева речь идет и о специальном праве – право на жизнь в автономном режиме или же его можно назвать «право на жизнь офлайн». Данное право является одним из элементов в содержании права на цифровую неприкосновенность. Повсеместное распространение цифровых технологий не должно вести к превращению человека из самостоятельно мыслящего и действующего существа в приложение к компьютеру, а недопущение цифрового рабства – такая же важная задача, как и цифровизация.

Традиционно конституционные положения, закрепляющие основные права и свободы человека и гражданина, как и другие правовые нормы, являются технологически нейтральными и обеспечивают адаптацию своего содержания к любым изменениям, в том числе связанным с появлением новых цифровых технологий.

В то же время глобальные процессы изменяют статус человека как субъекта правовых отношений. В основе таких изменений лежат представления о необходимости активной деятельности человека в направлении самореализации в разных сферах частной и общественной жизни. Особо значимым является развитие сферы прав и свобод человека и гражданина, круг которых расширяется, а содержание – углубляется. Кроме того, необходимо учитывать, что современная глобализационная эпоха определяет основные тенденции обращения с информацией. Последняя преимущественно распространяется через сеть Интернет, которая является безграничной. Все это активно влияет на сферу ценностей, которые в значительной степени начинают все больше транслируются через СМИ, Интернет-ресурсы и т.д. Максимальная включенность современного человека в сеть Интернет содействует расширению виртуального пространства, которое существует параллельно с объективной реальностью. При этом виртуальная реальность становится все более доминирующей. Вследствие такого активного распространения информации активно развивается особая отрасль права – информационное право, которое предусматривает, среди прочего, защиту персональных данных личности.

Соответственно стремительное развитие современного информационного общества способствует появлению новых цифровых прав, которые не существовали до появления сети Интернет и которые ученые относят к числу четвертого поколения прав человека. Среди них, в частности, право на доступ в сеть Интернет, право на свободу слова в сети Интернет, право на забвение, право на цифровую смерть и др. Например, право на цифровую смерть закреплено французским Законом о цифровой республике 2016 г. По аналогии с завещанием лицо имеет право на исполнение его воли о последующей судьбе своей персональной информации, которая опубликована онлайн после смерти поставщиками соответствующих услуг. Таким образом, права лица в некоторой степени «продолжаются» [5, с. 8].

В связи с этим возникает вопрос относительно необходимости выделения новых прав человека, которые вытекают из уже существующих в связи с применением новых цифровых технологий. Особое закрепление в конституциях цифровых прав, входящих в состав «права на цифровую неприкосновенность», порождает также проблему их взаимосвязи с другими основными правами и свободами человека и гражданина.

В то же время, по нашему мнению, нормативное закрепление новых цифровых прав человека, пусть даже и в обобщенном виде, будет

способствовать совершенствованию их правового регулирования. Кроме того, нормативное закрепление права на цифровую неприкосновенность, других цифровых прав однозначно указывает государственным органам на необходимость повышенного внимания к ним, включая необходимость постоянно совершенствовать инструменты противодействия различным посягательствам на человека в цифровом пространстве.

Закрепление новых цифровых прав человека также целесообразно осуществлять и на уровне международного права. Развитие международного права прав человека начиналось со Всеобщей декларации прав человека 1948 г., ставшей основой для подготовки международных соглашений на региональных и глобальном уровнях (Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., международные пакты ООН о гражданских и политических, экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека 1995 г. и др.).

Как справедливо отмечает О. А. Четвериков, по аналогичному сценарию совместное движение государств в сторону цифрового конституционализма позднее выразится во включении права на цифровую неприкосновенность, других основных прав в цифровой среде в вышеуказанные международные билли о правах, а может быть и в подготовке отдельных конвенций о цифровых правах [6, с. 23].

Таким образом, развитие информационных технологий приводит к появлению новых цифровых прав человека и гражданина. Одним из таких прав является право на цифровую неприкосновенность человека, которое включает в себя право на защиту персональных данных, право на обеспечение информационной безопасности в цифровой среде, право на жизнь вне цифрового пространства, право на забвение, право знать информацию о рисках и угрозах, связанных с применением цифровых технологий. Новые цифровые права человека и, в частности, право на цифровую неприкосновенность требуют своего нормативного закрепления, как на конституционном, так и на международном уровнях в рамках соответствующих межгосударственных актов. Это будет способствовать более полной защите прав и свобод человека и гражданина, их реализации в цифровой среде.

Список использованных источников

1. Рягузова, Е. В. Homo Digitalis: запрос на новую конфигурацию индивидуальности / Е. В. Рягузова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2021. Т. 21. Вып. 3. – С. 320–325.
2. Verfassung der Republik und des Kantons Genf // Fedlex Die Publikationsplattform des Bundesrechts. – URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/2013/1846_fga/de#art_21_A (date of access: 10.12.2024).

3. #10 Nach der Abstimmung in Genf: Was das Recht auf digitale Unversehrtheit bedeutet // Digitale Verwaltung Schweiz. – URL: <https://www.digitale-verwaltung-schweiz.ch/blog/10-was-bedeutet-das-recht-auf-digitale-unversehrtheit> (date of access: 10.12.2024).

4. Волкова, Г. Е. Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху / Г. Е. Волкова // Философия права. – 2022. – № 4 (103). – С. 174–180.

5. Талапина, Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы / Э. В. Талапина // Журнал российского права. – 2018. – № 2. – С. 5–17.

6. Четвериков, А. О. Право на цифровую неприкосновенность — новое основное право человека? Pro et contra / А. О. Четвериков // Юридические исследования. – 2024. – № 5. – С. 8–28.

АСПИРАНТЫ, МАГИСТРАНТЫ, СТУДЕНТЫ

УДК 342.72

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

К. А. Баженова

*Секретарь судебного заседания – помощник судьи суда Минского
района, ks.bazhenova02@gmail.com*

Аннотация. В работе рассматриваются теоретические основы и правовое регулирование цифровых аватаров и пределов обработки общедоступных персональных данных в Республике Беларусь. Анализируется национальная судебная практика, а также приводятся практические примеры проблем обработки персональных данных и вносятся предложения по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: персональные данные, цифровой аватар, искусственный интеллект, судебная практика, общедоступные персональные данные.

В ст. 12 Всеобщей декларации прав человека, принятой 10 декабря 1948 года, закреплено, что никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств. Указанное право тесно коррелирует с защитой персональных данных личности, ведь само понятие персональных данных достаточно широкое, к ним относятся любые сведения, которые позволяют идентифицировать конкретного человека из массы общества. К данным сведениям можно отнести фамилию, имя отчество, дату рождения, номер телефона, адрес электронной почты, фотоизображение субъекта персональных данных и др. Сведения о личной жизни человека тесно связаны с персональными данными, ввиду чего можно констатировать отражение в указанной Декларации права на защиту, в том числе, и персональных данных.

В современном мире реализация всех прав и свобод находится под влиянием процессов цифровизации, так как цифровые технологии становятся привычным атрибутом жизни каждого человека. Невозможно представить жизнь в современном мире без функционирования социальных сетей и сети Интернет. Деятельность личности в цифровом пространстве тесно связана с распространением персональных данных о себе. Однако не всегда распространение персональных данных в цифровом мире характеризуется полезностью и удобством, часто находящиеся во

Всемирной сети персональные данные могут быть использованы против субъекта-носителя таких сведений.

Популярным направлением в недавнее время в сети Интернет и социальных сетях стало понятие «цифрового аватара». Среди учёных в сфере юриспруденции существует большое количество трактовок данного понятия. К примеру, В. В. Архипов понимает под цифровым аватаром цифровой образ, посредством которого пользователей взаимодействует с виртуальным миром [1, с. 221]. Э. Кастронов полагает, что под цифровым аватаром необходимо определять проявление рационального «я» в виртуальной или реальной среде [2, с. 32]. В свою очередь В. О. Пучков использует категорию аккаунта для обозначения цифрового образа пользователя в виртуальном мире [3, с. 27]. Хотим обратить внимание на наиболее актуальное определение данного понятия к поднимаемой нами проблеме. Д. С. Четвергов отмечает, что аватар может включать в себя, например, имя, внешность или иные персональные данные лица [4, с. 222]. Следовательно, если цифровой аватар будет содержать персональные данные субъекта, то данный феномен также можно причислить к категории информации, которая будет относиться к персональным данным личности. Особое внимание заслуживают цифровые аватары, которые создаются при помощи искусственного интеллекта и нейросетей, позволяющие с идеальной точностью воспроизвести фотоизображение или видеоизображение субъекта персональных данных в любых заданных искусственному интеллекту условиях. Предлагаем следующее понятие: цифровой аватар в современном мире является виртуальным представлением (видеоизображением) человека, созданным при использовании искусственного интеллекта, который может как живой человек в режиме реального времени отвечать на вопросы, комментировать презентации, рассуждать на любые темы и вопросы в рамках цифрового пространства. Наиболее популярными в практике является создание видео с цифровыми аватарами умерших лиц и распространение данного продукта в социальных сетях родственниками умерших. Ярким примером такого случая является цифровой аватар Настя, который был создан родственниками погибшей в автокатастрофе девушке и распространён в социальной сети TikTok [5].

В соответствии с ч. 9 ст. 5 Закона Республики Беларусь от 07.05.2021 № 99-З «О защите персональных данных» в случае смерти субъекта персональных данных, объявления его умершим согласие на обработку его персональных данных дают один из наследников, близких родственников, усыновителей (удочерителей), усыновленных (удочеренных) либо супруг (супруга) субъекта персональных данных, если такое согласие не было дано субъектом персональных данных при его жизни.

Однако далеко не всегда создание родственниками цифрового аватара умершего коррелирует с желанием субъекта персональных данных, чьи данные послужили основой создания цифрового аватара, на

разработку искусственным интеллектом его копии и популяризации его видеозображения в сети Интернет. Смерть человека зачастую является внезапным событием, ввиду чего часто субъекты персональных данных не успевают определить свое волеизъявление относительно вопроса дачи согласия при жизни. Соответственно, отказаться от такой обработки они также не в состоянии, и в связи с наличием текущей нормы в национальном законодательстве всё зависит от добропорядочности и степени здравомыслия родственников.

По нашему мнению, нельзя говорить о праве на дачу согласия наследниками, близкими родственниками, усыновителями (удочерителями), усыновленными (удочеренными), супругом или супругой субъектом персональных данных, который умер, если персональные данные относятся к праву на неприкосновенность тайны частной жизни, неотъемлемого от личности. В п. 2 ст. 1033 Гражданского кодекса Республики Беларусь чётко установлено, что в состав наследства не входят личные неимущественные права, не связанные с имущественными. Считаем, что невозможно корректно распорядиться волей умершего человека даже родственникам, что нарушает право частной жизни лица.

Таким образом, полагаем, необходимо усовершенствовать правовое регулирование в рамках вопроса использования персональных данных умершего родственниками, разработать уполномоченному органу по защите персональных данных рекомендации в рамках поднимаемого вопроса.

Часто персональные данные становятся достоянием социальных сетей, и относятся к категории общедоступных персональных данных при соблюдении условий, установленных национальным законодательством. В соответствии с абзацем седьмым ст. 1 Закона Республики Беларусь «О защите персональных данных» под общедоступными персональными данными понимаются персональные данные, распространенные самим субъектом персональных данных либо с его согласия или распространенные в соответствии с требованиями законодательных актов. Согласно абзацу девятнадцатому 19 ч. 1 ст. 6 указанного Закона согласие субъекта персональных данных на обработку персональных данных не требуется в отношении распространенных ранее персональных данных до момента заявления субъектом персональных данных требований о прекращении обработки распространенных персональных данных, а также об их удалении при отсутствии иных оснований для обработки персональных данных, предусмотренных Законом и иными законодательными актами. Также в ч. 2 ст. 8 Закона отмечается, что не требуется согласие субъекта персональных данных при обработке специальных персональных данных, если такие данные были сделаны общедоступными самим субъектом персональных данных.

В Постатейном комментарии к Закону Республики Беларусь «О защите персональных данных», разработанном Национальным центром

защиты персональных данных Республики Беларусь, указано, что основной проблематикой в отнесении персональных данных к общедоступным является второй признак: подтверждение факта распространения персональных данных самим субъектом персональных данных или с его согласия. В качестве примера приводится информация о личности, которая может находиться в сети Интернет: не всегда те данные, которые там могут быть распространены о человеке, легитимно попали в всемирную сеть. К примеру, можно отнести информацию об опубликованных без согласия субъектов баз персональных данных. Закон Республики Беларусь «О защите персональных данных» устанавливает возможность облегченного механизма обработки общедоступных персональных данных без получения на то согласия субъекта персональных данных, однако оператору необходимо с использованием риск-ориентированного подхода оценить общедоступные персональные данные: действительно ли они были распространены самим субъектом персональных данных или с его согласия [6].

Также необходимо обратиться к одному из ведущих принципов обработки персональных данных, закрепленному в ч. 2 ст. 4 Закона Республики Беларусь «О защите персональных данных»: обработка персональных данных должна быть соразмерна заявленным целям обработки и обеспечивать на всех этапах такой обработки справедливое соотношение интересов всех заинтересованных лиц.

В качестве пределов обработки общедоступных персональных данных в Беларуси можно выделить несколько критериев: достоверный факт распространения таких данных законным образом (самим субъектом персональных данных, с его согласия или в соответствии с требованиями законодательных актов); использование общедоступных персональных данных согласно их первоначальной цели распространения.

Наличие проблем в регулировании указанных отношений подтверждается судебной практикой. Так, в 2024 году в суд Х. района Х. области Республики Беларусь поступило дело об административном правонарушении в отношении гражданки С., которая, согласно фабуле дела, в своем открытом аккаунте в социальной сети TikTok распространила общедоступные персональные данные своего соседа А. (место работы и должность в государственном органе, фамилию, имя и отчество (далее — ФИО, дату рождения) со сведениями о том, что он отказывается давать согласие на проведение канализации в своей квартире с просьбой посодействовать ситуации. В ходе судебного разбирательства гражданка С. объяснила свои действия тем, что с соседом А. давно имеет конфликтные отношения и распространила такую информацию на неограниченную аудиторию с целью получения помощи для разрешения сложившейся ситуации. Суд при вынесении окончательного процессуального решения руководствовался ч. 1 ст. 8.2 КоАП и прекратил

дело об административном правонарушении в отношении гражданки С. в связи с малозначительностью.

На наш взгляд, такие действия могут повлечь серьезные последствия в зависимости от количества просмотров среди аудитории и её лояльности: начиная от травли в социальных сетях, заканчивая издевательствами в реальной жизни, в том числе с потенциальной временной дестабилизацией работы государственного учреждения, куда данному субъекту персональных данных могли поступать звонки на рабочий номер далеко не по рабочим вопросам.

Кроме того, нами были проанализированы дела об административных правонарушениях по ч. 1 ст. 23.7 КоАП за 2024 год, где в делах были незаконным образом использованы общедоступные персональные данные. Всего в Республике Беларусь было таких 32 дела. Только по 37,5% (12 дел) было применено к лицам, в отношении которых велся административный процесс, административное взыскание; 40,6% (13 дел) были прекращены по причинам недоказанности виновности лица в совершении административного правонарушения, малозначительности совершенного правонарушения и отсутствия состава правонарушения; по 21,9% (7 дел) дела вернулись обратно на доработку в орган внутренних дел для устранения недостатков в протоколе об административном правонарушении, а позднее большинство возвращенных дел были прекращены по истечении сроков наложения административного взыскания. Всего за 2024 год 62,5% (по 20 делам) правонарушители избежали ответственности без возможности достичь цели наложения административного взыскания — предупредить совершение новых административных правонарушений.

Полагаем, что данный количественный показатель можно изменить при расширении круга органов, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях по ст. 27.3 КоАП, добавив туда Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь, а также при проведении обязательных программ повышения квалификации по темам защиты персональных данных среди работников органов внутренних дел и судебной системы.

Таким образом, существуют вопросы защиты персональных данных в условиях цифровизации в сфере распоряжения персональными данными умершего родственниками, к примеру, создание цифровых аватаров, а также вопрос защиты общедоступных персональных данных, которые могли быть распространены субъектом персональных данных в сети Интернет для одних целей, а использованы злоумышленниками в абсолютно других. Полагаем, что данные вопросы подлежат совершенствованию в сфере правового регулирования.

Список использованных источников

1. Архипов, В.В. Персонажи (аватары) в многопользовательских компьютерных играх: вопросы правовой квалификации в свете междисциплинарных исследований / В.В. Архипов // Закон. – 2020. – №3 – С. 207-222.
2. Кастронов, Э. Теория аватара / Э. Кастронов // CESifo. – 2022. – №86. – С. 17
3. Пучков, В. О. Основные проблемы цифрового образа субъекта гражданского права в цивилистической доктрине и судебной практике / В.О. Пучков // Арбитражные споры. – 2020. – №3. – С. 22-35.
4. Четвергов, Д.С. Правовой режим аватара: регулирование оборота цифрового образа в метавселенной / Д.С. Четвергов // Юридическая наука. – 2023. – №7. – С. 217-223.
5. «Я — Настя, и меня уже нет в живых»: в TikTok появился блогер с того света : [сайт] – Новосибирск, 2024. – URL: <https://ngs.ru/text/entertainment/2024/09/03/74038847/> (дата обращения 29.11.2024).
6. Постатейный комментарий к Закону Республики Беларусь «О защите персональных данных» : [сайт] – Минск, 2024. – URL: <https://cpd.by/pravovaya-osnova/metodologicheskiye-dokumenty-rekomendatsii/postatejnyj-kommentarij-k-zakonu-respubliki-belarus-o-zashhite-personalnyh-dannyh/> (дата обращения 29.11.2024).

УДК 342.25

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ

Т. М. Балакирева

*студентка 5 курса Белорусского государственного университета,
г. Минск, Беларусь, tmbalakireva@gmail.com*

*Научный руководитель: старший преподаватель кафедры
конституционного права Белорусского государственного университета
Артёмьев С. Ю.*

Аннотация. В статье рассматривается важное значение информационно-коммуникационных технологий в работе местных Советов депутатов. Автор определяет особую роль органов местного самоуправления в жизни общества. Рассматривается необходимость усовершенствования законодательства в области местного самоуправления для быстроты и эффективности реализации полномочий в контексте построения электронного правительства.

Ключевые слова: органы местного самоуправления; компетенция; информационно-коммуникационные технологии; электронное правительство.

Основными приоритетами белорусского государства являются обеспечение стабильности в обществе, рост благосостояния граждан за счет модернизации экономики и разумного распределения средств,

создание комфортных условий для проживания в каждом регионе страны. Работа по этим направлениям в современных реалиях проходит в условиях цифровой трансформации. В связи с этим можно утверждать, что потребность граждан в свободном доступе к государственным услугам и сервисам в цифровом формате предполагает новый уровень взаимоотношений между органами власти на местах и заявителями.

Цифровая трансформация в деятельности местных Советов депутатов проявляется в работе с электронными обращениями граждан, использовании электронной почты, поиске информации в сети Internet, необходимости повышения профессиональной подготовки, проведении видеоконференций, телефонных переговоров, получении доступа к электронным базам данных.

Научное осмысление цифрового перехода касательно деятельности местных Советов депутатов в Беларуси осуществляется с помощью такого понятия, как «электронный муниципалитет». Полагаем, что сущностным в понимании концепции электронного муниципалитета является более широкая реализация принципов гласности, открытости и транспарентности в процессе деятельности органов местного самоуправления, активное привлечение общественности к решению вопросов местного значения.

Считаем нужным отметить, что по мнению доцента Т. М. Киселевой создание Единого портала местного самоуправления (и как следствие, включение его в совокупность государственных информационных систем) имеет важное значение для развития электронного муниципалитета [1].

В системе механизма реализации конституционных положений особое значение имеют государственные программы как документы планирования, направленные на достижение государственно-значимых целей и задач. Важное место в данной системе занимает действующая на данный момент Программа социально-экономического развития на 2021–2025 гг.

В соответствии с указанной Программой региональная политика в Беларуси должна быть направлена на повышение привлекательности для бизнеса территорий, расположенных за пределами столицы и областных центров, на развитие человеческого потенциала и комфортного проживания граждан на всей территории страны [2].

Также запланирована работа по внедрению технологий электронного правительства для повышения качества государственного управления на местном уровне. Поскольку в данной программе нет разъяснения терминов «государственное управление» и «государственное управление на местном уровне», полагаем, что данные термины используются в максимально широком смысле, и, таким образом, речь не идет исключительно о деятельности органов в системе исполнительной власти.

Следует заметить, что составители Программы социально-экономического развития на 2021–2025 гг. увязали проблему повышения качества государственного управления, и, следовательно, по нашему

мнению, цифровой трансформации деятельности местных Советов депутатов с такими базовыми понятиями как «электронное правительство» и «цифровое участие».

Многоплановый термин «электронное правительство» может быть справедливо пояснен как система государственного управления, основанная на автоматизации управленческих процессов в масштабах страны [3].

Однако следует с осторожностью подходить к минимизации традиционного физического взаимодействия между государственными органами и личностью, к переводу взаимодействия в электронный формат, в том числе при помощи внедрения электронного документооборота, т. к. прямое общение между гражданами и органами власти должно быть на первом месте, а инструменты цифровизации лишь вспомогательными элементами.

В свое время Республика Беларусь планировала войти до 2015 г. в тридцатку ведущих стран мира в рейтинге государств по развитию электронного правительства.

Один раз в два года Департаментом экономического и социального развития ООН составляется Индекс развития электронного правительства (Electronic Government Development Index). В 2022 г. Республика Беларусь заняла в данном рейтинге 58 место из 193 стран, а в 2024 г. – 77 место [4].

Термин «цифровое участие» представляет собой прямое влияние на партисипативную демократию, что, в свою очередь, напрямую связано с деятельностью представительных органов власти – Советами депутатов, поскольку при формировании их статуса принцип демократии получает наиболее полное воплощение.

Таким образом, справедливым представляется подход авторов Программы, которые связали вопросы цифровой трансформации белорусского государства, электронного правительства, цифрового участия и государственного управления на местах. Полагаем необходимым отметить тот факт, что, рассматривая данные понятия, ключевым является проблематика информационных технологий или, в более конкретизированном употреблении, информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ). Полагаем, что использование ИКТ в деятельности местных Советов депутатов имеет большое значение для их эффективной работы.

Соглашаемся с Г. Г. Куневичем, который акцентирует свое внимание на необходимости совершенствования нормативной регламентации применения ИКТ местными Советами депутатов [5].

В целях обеспечения внедрения ИКТ в данной связи необходимо отметить, что в Республике Беларусь существует конкретный документ планирования государственной деятельности в области цифровизации, который служит механизмом для реализации этой государственно-значимой задачи – это Государственная программа «Цифровое развитие

Беларуси» на 2021–2025 годы. Оценку эффективности хода выполнения и реализации данной государственной программы еще предстоит выполнить. Тем не менее уже можно говорить о хороших перспективах применения цифровых технологий в области местного самоуправления, а также об их потенциальной пользе для реализации прав граждан и интересов государства.

В 2022 г. Президент Беларуси Александр Лукашенко подписал Указ № 188 «О расширении использования государственными организациями информационно-коммуникационных технологий». Документ направлен на внедрение в деятельность государственных организаций новейших сервисов и технологий при осуществлении ими административных процедур в электронной форме и оказании электронных услуг [6].

С точки зрения используемой терминологии упомянутый выше акт представляет собой нормативно-правовой элемент механизма реализации Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг., поскольку при планировании государственной деятельности в качестве одного из направлений указывалось на необходимость перевода административных процедур в электронный формат и оказание электронных услуг.

В Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года (НСУР–2030) сказано, что главной целью развития IT-услуг является обеспечение растущих информационно-коммуникационных потребностей граждан, бизнеса и государства.

В пункте 8.1.7 НСУР–2030 говорится о расширении полномочий и ответственности органов местного управления и самоуправления за результаты устойчивого развития региона посредством передачи им части функций и полномочий от вышестоящих органов государственного управления. На региональный уровень планируется передача полномочий в области охраны общественного порядка, коммунального обслуживания, строительства дорог, благоустройства и охраны окружающей среды, поддержки малого и среднего бизнеса, полномочия в социальной сфере [7].

Планируемое в соответствии с НСУР–2030 расширение полномочий и усиление ответственности местных органов власти за устойчивое развитие своих территорий и рост благосостояния граждан придает новый импульс деятельности местных Советов депутатов.

Передача полномочий и повышение информационно-коммуникативных потребностей граждан и бизнеса неизбежно сделают актуальным вопрос о реформировании информационно-коммуникационного взаимодействия между гражданами и местными Советами депутатов, его правовыми основами. Также полагаем, что в условиях перехода государственного управления на новые методы работы требуется повышать уровень защиты от цифровых угроз, в этом контексте

актуальным становится совершенствование законодательства в области цифровых прав, поскольку речь идет о цифровой безопасности.

Обращаем внимание, что в белорусском законодательстве термин «муниципальная услуга» на данный момент юридически не закреплен. Полагаем, что применение данного термина целесообразно в рамках проведения цифрового перехода. В этом контексте термин «электронная муниципальная услуга» представляет собой осуществляемую с помощью ИКТ деятельность местных Советов депутатов в пределах их компетенции, предоставляемую по запросам заявителей. В настоящий момент количество административных процедур, которые могут осуществляться местными Советами депутатов минимально, но перспективное расширение компетенции местных Советов депутатов и специфика их взаимодействия с гражданами неизбежно ставит вопрос о необходимости введения новых терминов и путей трансформации деятельности данных Советов.

Таким образом, полагаем, что использование ИКТ в деятельности местных Советов депутатов – это уникальный ключ к поиску новых решений и увеличению их эффективности.

Список использованных источников

1. Киселева, Т. М. Электронный муниципалитет в Республике Беларусь: сущность, состояние и перспективы развития / Т. М. Киселева // Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=u02100372> (дата обращения: 07.02.2025).

2. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы : Указ Президента Респ. Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32100292> (дата обращения: 10.01.2025).

3. Электронное правительство // Национальный центр электронных услуг. – URL: <https://nces.by/e-government/> (дата обращения: 28.01.2025).

4. Индекс развития электронного правительства 2024 г. // Департамент по экономическим и социальным вопросам. – URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Data-Center> (дата обращения: 05.02.2025).

5. Куневич, Г. Г. Использование ИКТ для предоставления муниципальных услуг / Г. Г. Куневич // Актуальные проблемы достижения целей устойчивого развития в условиях цифровой трансформации государства и права в Республике Беларусь : материалы Респ. науч.-практ. конф., Минск, 18–19 нояб. 2022 г. / БГУ, Юрид. фак., Каф. конституционного права ; [редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.) и др.]. – Минск, 2022. – С. 232–238.

6. О расширении использования государственными организациями информационно-коммуникационных технологий : Указ Президента Респ. Беларусь от 31 мая 2022 г. № 188 // Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=P32200188> (дата обращения: 08.01.2025).

7. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года // Министерство экономики Республики Беларусь: офиц. сайт. – URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf> (дата обращения: 12.01.2025).

О ПРОБЛЕМАХ УКРЕПЛЕНИЯ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

О. Ю. Буйко

*студент 4 курса юридического факультета Белорусского
государственного университета, bujko@bk.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблемам становления местного самоуправления в Республике Беларусь, основным препятствием для которого являются экономические факторы, включая недостаток финансовых ресурсов и неурегулированность взаимоотношений между органами власти и субъектами хозяйствования. Подчеркивается важность коммунальной собственности как экономической основы местного самоуправления и предлагается законодательное закрепление ее статуса, расширив тем самым полномочия местных органов власти. Особое внимание уделено вопросам финансирования, налоговой политики и подготовки кадров. Результаты исследования имеют практическое значение для совершенствования законодательства и повышения эффективности местного самоуправления в Беларуси.

Ключевые слова: местное самоуправление; коммунальная собственность; финансовые ресурсы; основы местного самоуправления.

В Республике Беларусь процесс становления местного самоуправления сдерживается, прежде всего, причинами экономического характера, отсутствием необходимых финансовых средств для ответственного осуществления всего комплекса местных задач, недостаточной урегулированностью взаимоотношений органов местной власти с субъектами хозяйствования и налогоплательщиками. Экономическая основа является гарантией права населения на самоуправление. Материально-финансовые средства выступают главным фактором функционирования коммунального хозяйства, социально-культурного, жилищно-бытового, медицинского и иного обслуживания населения административно-территориальной единицы. Представительным и исполнительным органам власти на местном уровне сложно проявлять активность и инициативу, так как часто для этого нет соответствующих финансовых ресурсов.

Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 года «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» одной из составляющих экономической основы местного самоуправления определяет коммунальную собственность. В коммунальной собственности могут находиться имущество государственных органов соответствующей административно-территориальной единицы, средства местного бюджета, жилищный фонд и жилищно-коммунальное хозяйство подведомственной территории, а также промышленные, строительные, сельскохозяйственные

предприятия, организации, учреждения здравоохранения, образования, культуры. В Беларуси в состав коммунальной собственности не входят такие важнейшие элементы как земля и другие природные ресурсы. Статья 13 Конституции Республики Беларусь (принята 15 марта 1994 года) определяет исключительную собственность государства на недра, воды, леса. Земли сельскохозяйственного назначения также находятся в собственности государства.

Кодекс Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 года определяет, что собственность на землю может выступать в государственной или частной формах. Исходя из этого, административно-территориальная единица не может выступать в качестве собственника земельных участков. Здесь важно отметить, что Конституция Республики Беларусь не содержит понятия коммунальной собственности, которая считается разновидностью государственной.

Следует в целом говорить о законодательном закреплении значительно более широких, чем имеются в настоящее время, основ самоуправления. В данном случае имеются основания для принятия закона о коммунальной (муниципальной) собственности, в котором следовало бы: дать развернутое понятие права коммунальной собственности, зафиксировать ее существенные черты и целевую направленность, закрепить особый порядок передачи объектов коммунальной собственности в оперативное управление и хозяйственное ведение, подробно регламентировать права и обязанности субъектов по передаче, контролю и использованию коммунального имущества. В таком контексте стоит упомянуть и о принципе судебной защиты коммунальной собственности, который в данный момент законом не установлен.

Коммунальные предприятия часто решают потенциально бесприбыльные социальные задачи, снижающие экономические показатели, в подобных случаях предпочтительной будет сдача коммунальной собственности в долгосрочную аренду. Это позволит развивать малый бизнес, формировать благоприятную экономическую среду, а арендная плата сможет стать стабильным источником доходов. Негативно на хозяйственной деятельности отражается работа некоторых так называемых казенных предприятий, очевидным недостатком которых является бюрократическая неповоротливость, вытекающая из тесной связи с администрацией. Приватизация в подобных случаях должна проводиться таким образом, чтобы она не препятствовала становлению муниципальной собственности [1, с. 69].

В сфере местных финансов складывается определенное противоречие, когда административно-территориальные единицы несут основное бремя расходов, связанных с жизнеобеспечением, хотя располагают ограниченной финансовой основой. Основная причина такого

противоречия заключается в отсутствии четкого регулирования межбюджетных отношений на общегосударственном и региональном уровнях. Отсюда вытекает и крайне ограниченный масштаб участия субъектов местной власти в общих налоговых доходах, что не позволяет обеспечить самостоятельное выполнение их задач [2, с. 133].

По нашему мнению, значительную часть бюджета должны занимать налоговые поступления от предприятий, работающих на территории данного района. Описанными методами может решаться и важнейшая проблема местных бюджетов – их дефицит. В качестве возможного совершенствования структуры расходов можно рассматривать поэтапную передачу средств, направляемых на содержание бюджетных организаций, в качестве адресной социальной помощи гражданам.

На наш взгляд, важной проблемой является отсутствие в законодательстве четких норм об источниках и порядке финансирования деятельности органов территориального общественного самоуправления. В Законе Республики Беларусь от 4 января 2010 года «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» содержится лишь положение, позволяющее исполкомам поощрять органы территориального общественного самоуправления за активное участие в решении вопросов местного значения. Потенциально возможными источниками финансирования деятельности данных органов (в особенности коллегиальных органов территориального общественного самоуправления с образованием юридического лица) могут стать пожертвования граждан, финансирование из местных бюджетов, доходы от предпринимательской деятельности (касательно органов территориального общественного самоуправления со статусом юридического лица), спонсорская помощь, а также самообложение граждан.

Еще одной очень актуальной проблемой для Республики Беларусь является подготовка кадров в сфере местного самоуправления. В силу многих причин у белорусских специалистов иногда нет достаточной аналитической информации о содержании, сути, принципах и нормах Европейской Хартии и об иных международных документах в сфере местного самоуправления, а также о соответствующем законодательстве зарубежных стран. Поэтому актуальность подготовки и повышения квалификации кадров в сфере местного самоуправления на основе современных знаний крайне высока и требует особого внимания, а также внесения соответствующих корректив.

В завершение стоит сказать, что для разрешения вопросов финансового обеспечения местного самоуправления важно следовать нормам таких правовых документов, как Европейская Хартия местного самоуправления от 15 октября 1985 года, а также Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи СНГ «Об общих принципах организации

местного самоуправления» от 6 декабря 1997 года. Определение и урегулирование проблем местного самоуправления должны стать стратегическими направлениями развития белорусской государственности. Поэтому вполне обоснованным видится выделение коммунальной (а скорее муниципальной) собственности как отдельного ее вида и закрепление такого положения в Конституции страны. Это позволит не только более точно определить ее политико-правовую сущность, но и повысить экономическую эффективность. Правовой статус коммунальной (муниципальной) собственности является ядром экономической основы местной власти. Это обуславливается, прежде всего, задачами местного самоуправления, поскольку собственность предназначена для обеспечения их надлежащего решения.

Вопрос же об устранении недостатков коммунальной финансовой системы представляется решать путем установления более высокого налогового обеспечения местных органов власти, повышением доли отчислений от уже существующих налогов. Важно в таком случае заметить, что будет оправданным передать на места налоги, имеющие достаточное финансовое наполнение и максимально широкое распространение, не подверженные кризисным и конъюнктурным воздействиям. К местным налогам правомерно отнести налог на недвижимость, налог на землю. Предлагаться могут и другие базовые варианты регулирования налогов и нормативов их закрепления за местными бюджетами (к примеру, 100 % подоходного налога, 50 % налога на имущество, 5 % налога на недвижимость и т.д.).

Считаем, что в связи с конституционными преобразованиями, платформой для выработки и утверждения решения данных проблем может стать Всебелорусское народное собрание, которое утвердит концептуальные основы и задаст направление подобных стратегических реформ системы местного самоуправления в стране, а также будет являться координатором их разработки.

Список использованных источников

1. Сидорчук, В. К. Правовое положение коммунального хозяйства : монография / В. К. Сидорчук. – Минск: Изд. центр БГУ, 2019. – 308 с.

2. Сидорчук, В. К. Организационно-правовые основы экономического обеспечения местного самоуправления / В.К. Сидорчук. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Тесей, 2007. – 280 с.

СООПЕРАТОРСТВО КАК НЕТИПИЧНАЯ МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАБОТКИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

А. И. Гавриленко

*аспирант кафедры конституционного права, юридический факультет,
Белорусский государственный университет, aliaksei.haurylenka@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные вопросы феномена сооператорства в рамках отечественной правовой системы, его регулирование в Европейском союзе. В результате предлагается внесение изменений в законодательство о персональных данных.

Ключевые слова: сооператорство; совместная обработка; персональные данные; оператор; уполномоченное лицо; защита персональных данных.

В условиях глобальной цифровизации государства и общества вопросы защиты персональных данных приобретают все более актуальное значение. Кроме того, все чаще обработка персональных данных выходит за границы контура одного юридического лица и осуществляется его контрагентами (партнерами, аутсорсерами и т.п.). Указанные обстоятельства создают потребность детальной правовой регламентации статуса лиц, осуществляющих обработку персональных данных.

Из прямого анализа норм Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон) можно выделить два вида лиц, осуществляющих обработку персональных данных:

оператор (государственный орган, юридическое лицо Республики Беларусь, иная организация, физическое лицо, в том числе индивидуальный предприниматель, самостоятельно или совместно с иными указанными лицами организующие и (или) осуществляющие обработку персональных данных);

уполномоченное лицо (государственный орган, юридическое лицо Республики Беларусь, иная организация, физическое лицо, которые в соответствии с актом законодательства, решением государственного органа, являющегося оператором, либо на основании договора с оператором осуществляют обработку персональных данных от имени оператора или в его интересах).

Вместе с тем на практике возникают ситуации, которые не в полной мере охватываются рамками традиционной модели «оператор-уполномоченное лицо», которая является наиболее распространенной на

практике (например, при ведении общей базы данных несколькими операторами и т.п.).

В связи с этим в отечественной литературе выделяют такую форму взаимодействия лиц, обрабатывающих персональные данные, как сооператорство [1; 2]. Аналогичный подход находит свое отражение в российской юридической науке [3]. Кроме того, на сооператорство как самостоятельную форму взаимодействия операторов указано в рекомендациях Национального центра защиты персональных данных Республики Беларусь о взаимоотношениях операторов и уполномоченных лиц при обработке персональных данных [4].

Примечательно, что в Общем регламенте защиты персональных данных Европейского союза от 27 апреля 2016 г. № 2016/679 (далее – GDPR) прямо поименована и закреплена возможность сооператорства. Так, согласно статье 26 GDPR, если два или более оператора совместно определяют цели и средства обработки, они должны рассматриваться как сооператоры [5]. Европейский совет по защите персональных данных в Руководстве 07/2020 разъясняет положения GDPR и указывает на то, что важным критерием сооператорства является факт невозможности обработки персональных данных без участия обеих сторон в том смысле, что обработка каждой из сторон неотделима, то есть неразрывно связана. Совместное участие должно включать в себя определение целей, с одной стороны, и средств – с другой [6].

В целом, проанализировав имеющиеся подходы к описанию сооператорства и его признаки можно предложить следующее определение, которое целесообразно включить в статью 1 Закона:

«Сооператоры (совместные операторы) – это операторы, которые совместно организуют и (или) осуществляют обработку персональных данных.».

Кроме того, в отличие от взаимоотношений по модели «оператор – уполномоченное лицо», Закон не регламентирует правовые основания обработки персональных данных сооператорами.

Вместе с тем Законом установлены общие требования к обработке персональных данных, в частности:

о соразмерности обработки персональных данных заявленным целям и обеспечении на всех этапах такой обработки справедливого соотношения интересов всех заинтересованных лиц;

о необходимости обеспечения прозрачного характера обработки персональных данных.

С учетом указанных требований, полагаем оправданным определение правовых оснований обработки персональных данных сооператорами по аналогии с правовыми основаниями передачи

персональных данных уполномоченному лицу. Так, сооператорство может иметь место на основании:

- договора между сооператорами;
- акта законодательства;
- решения государственного органа.

Весьма интересна практика Европейского союза, где на уровне GDPR решен вопрос правовых оснований обработки персональных данных сооператорами. Так, статья 26 GDPR указывает на необходимость заключения соглашения между сооператорами [5]. При этом указанное соглашение должно надлежащим образом отражать соответствующие функции и отношения сооператоров с субъектами персональных данных, а также к основному содержанию соглашения должен быть предоставлен доступ субъекту персональных данных.

По нашему мнению, закрепление аналогичных норм в Законе не является актуальным, поскольку на отечественных операторов возложена обязанность по составлению документов, определяющих их политику в отношении обработки персональных данных и обеспечении неограниченного доступа к ним, в том числе с использованием глобальной компьютерной сети Интернет. Следовательно, особенности обработки персональных данных сооператорами необходимо отражать в их документах, определяющих политику обработки персональных данных.

При наличии сооператорства также возникает вопрос о реализации права субъекта персональных данных на отзыв согласия: кому из сооператоров следует направлять заявление о реализации указанного права. На наш взгляд, с учетом характера модели сооператорства, субъект персональных данных должен иметь возможность отозвать свое согласие путем обращения к любому из сооператоров вне зависимости от того, кому из них оно было предоставлено.

Указанный подход находит свое отражение в GDPR, согласно которому независимо от условий соглашения, заключенного между сооператорами, субъект персональных данных может осуществлять свои права в отношении каждого из операторов [5].

В этой связи предлагаем дополнить пункт 1 статьи 10 Закона и изложить его в следующей редакции: «Субъект персональных данных вправе в любое время без объяснения причин отозвать свое согласие посредством подачи оператору заявления в порядке, установленном статьей 14 настоящего Закона, либо в форме, посредством которой получено его согласие. Отзыв согласия, данного сооператорам, может быть осуществлен только в отношении всех сооператоров одновременно, в том числе путем подачи соответствующего заявления любому из сооператоров».

Следует также отметить, что несмотря на наличие факта совместной обработки персональных данных, на каждого из сооператоров возлагаются все обязанности, предусмотренные Законом в отношении операторов, и каждый из них самостоятельно несет полную ответственность за несоблюдение его требований.

Таким образом, сооператорство является самостоятельной моделью взаимодействия операторов совместно организующих и (или) осуществляющих обработку персональных данных. Регламентация указанного вопроса не находит своего детального отражения в отечественном законодательстве о персональных данных. В этой связи предлагаются дополнения в положения Закона, которые позволят устранить имеющуюся пробельность в регулировании указанного вопроса. Видится также целесообразным дополнительное разъяснение статуса сооператоров и особенностей их взаимодействия на уровне соответствующих рекомендаций Национального центра защиты персональных данных Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Шакель, Н. В. Проблемы определения статуса сооператоров в праве Республики Беларусь / Н. В. Шакель // Юстиция Беларуси. – 2024. – № 3. – С. 23–26.

2. Постатейный комментарий к Закону Республики Беларусь «О защите персональных данных» от 7 мая 2021 г. № 99-3 [Электронный ресурс] // Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://cpd.by/pravovaya-osnova/metodologicheskiye-dokumenty-rekomendatsii/postatejnyj-kommentarij-k-zakonu-respubliki-belarus-o-zashhite-personalnyh-dannyh/>. – Дата доступа: 09.12.2024.

3. Савельев, А. И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных» // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2024.

4. Рекомендации о взаимоотношениях операторов и уполномоченных лиц при обработке персональных данных [Электронный ресурс] // Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=u02202440&q_id=6354165. – Дата доступа: 09.12.2024.

5. Общий регламент защиты персональных данных Европейского союза // Онлайн-портал законодательства Европейского союза [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj>. – Дата доступа: 09.12.2024.

6. Guidelines 07/2020 on the concepts of controller and processor in the GDPR [Электронный ресурс]. // European Data Protection Board. – Режим доступа: https://www.edpb.europa.eu/system/files/2023-10/EDPB_guidelines_202007_controllerprocessor_final_en.pdf. – Дата доступа: 09.12.2024.

ВОПРОСЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ КАК НЕОБХОДИМОГО СОСТАВЛЯЮЩЕГО ЭЛЕМЕНТА САМОСОЗНАНИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ПЕРИОДЕ

С. С. Галалюк

магистр права, магистр педагогических наук, slavagalaliuk@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются ключевые аспекты и предложения патриотического воспитания молодежи в современном обществе.

Ключевые слова: патриотическое воспитание; молодежь.

Во все времена и эпохи, этапы развития человечества в той или иной форме перед управленческими структурами ставился вопрос о патриотическом воспитании подрастающего поколения. Ведь от этого во многом зависела и зависит стабильность существования того или иного государства, его долговечность и прочность.

Не менее актуальным вопрос патриотического воспитания молодёжи становится и сейчас – в эпоху формирования многополярного мира, который приходит на смену монополярному и диктата одной отдельно взятой страны над множеством других.

Знаменитые мыслители, учёные и просто педагоги-практики сходятся в одном, что патриотическое самосознание молодого человека формируется, прежде всего, в семье, в окружающем его социуме буквально с рождения.

С развитием глобальной сети Интернет, возможности доступа к различным средствам массовой информации у молодых людей может быть сформировано то или иное мировоззрение, в зависимости от того, достоверны ли эти источники, либо сведения сознательно искажались и подтасовывались и тем самым воздействовали на неокрепшие умы.

Во избежание таких отрицательных последствий формирования личности, необходимо, чтобы в период обучения, получения базового начального образования вводились также элементы патриотического воспитания. В частности, в школах, гимназиях, колледжах и других учебных заведениях необходимо вводить определённое количество учебных часов, посвящённых истории становления Конституции Республики Беларусь, формированию символики нашего государства, а именно: герба, флага, гимна и других составляющих. Чем больше будет изучаться положительных, героических примеров из нашей истории, тем более вероятен успех в деле формирования и воспитания патриотического мировоззрения.

Несомненно, обогатят, помогут сформировать молодого патриота – участие в исторических олимпиадах, посещение различных музеев и тематических экспозиций, основанных на местном историческом материале. Также будет эффективным коллективный просмотр фильмов и обсуждение художественных фильмов, посвящённых данной тематике, то есть здесь необходим комплексный подход.

Как мне представляется, именно такие подходы и методы помогут противостоять геобаллистическим поползновениям отдельно взятых государств завладеть умами подрастающего поколения. Именно от введения элементов базового патриотического воспитания в учебном процессе, в комплексном подходе изучения зависит успех патриотического воспитания.

УДК 342

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

Т. А. Голынец

*магистрант юридического факультета Белорусского государственного
университета, tanya.golynets@bk.ru*

Аннотация. В статье исследуются цифровые права в контексте современного понимания цифрового права как отрасли права. Рассматривается отраслевая принадлежность цифровых прав. Анализируются современные направления развития цифровых прав и связанные с ними возможные риски для прав и свобод человека.

Ключевые слова. Цифровые права, цифровое право, права человека, информационные технологии, интернет, частная жизнь.

В настоящее время процесс перехода жизни общества в цифровую среду является как никогда актуальным. Данное явление вызвано развитием цифровых технологий, информационно-коммуникационных технологий, переходом осуществления различных действий и процедур, в том числе осуществляемых государственными органами, в электронный формат.

В связи с этим необходимо рассмотреть такое актуальное понятие как «цифровые права», а также определить место цифровых прав и свобод в современной системе прав человека.

Как отмечают М. С. Абламейко и Н. В. Шакель, к настоящему времени еще не сложились четкое определение и рамки понятия «цифровые права человека». Они, как представляется, должны охватывать все права человека в условиях цифровизации и развития современных

информационно-коммуникационных технологий. Можно считать, что это сфера информационного права, которая регулирует права человека, связанные с применением информационных технологий. Сюда можно отнести регулирование отношений в области обработки персональных данных, публикации информации в сети, обработку больших данных, применение искусственного интеллекта и др. [1, с. 21].

В данном контексте следует упомянуть, что в законодательстве Республики Беларусь нет дефиниции цифрового права, вследствие чего понимание природы цифровых прав остается достаточно абстрактным и неопределенным.

В отличие от этого, ст. 128 Гражданского кодекса РФ цифровые права отнесены к объектам гражданских прав. Частью первой статьи 141.1 Гражданского кодекса РФ законодателем также определено понятие цифровых прав. Так, цифровыми правами признаются обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы.

Е. В. Киричек в качестве основы категории цифровых прав рассматривает фундаментальное конституционное право на свободу информации в его многообразном проявлении, детализирующими его другими конституционными правами и свободами. Другими словами, цифровые права гарантируются международным правом и конституциями государств [2, с. 35].

Согласно коллективному мнению В.С. Белых и М.А. Егоровой, с точки зрения системного подхода цифровое право сегодня – это комплексный институт права, объединяющий правовые нормы, регулирующие отношения, возникающие в связи с приобретением, осуществлением и отчуждением цифровых прав, а также с применением цифровых технологий физическими и юридическими лицами [3].

По мнению О. А. Городова, цифровое право как подотрасль информационного права следует отличать от цифрового права как объекта гражданских прав, а также цифрового права как субъективного права [4].

В. Э. Волковым рассматривается цифровое право в широком и узком смысле. В широком смысле цифровое право не предполагает выделение новой отрасли права или правового института, а представляет собой новое направление государственного регулирования цифровой реальности. В узком смысле, цифровое право – комплексный межотраслевой правовой институт, состоящий из действующих правовых норм, регулирующих отношения, связанные с поиском, получением, передачей, производством и распространением цифровых данных, а также с применением цифровых информационных технологий [5, с. 8–9].

В современном обществе с помощью цифровых сервисов и технологий может быть обеспечено строгое и неуклонное соблюдение сложившихся естественным образом или установленных властными структурами эквивалентных начал как в экономических отношениях, так и в других сферах бытия социума [6, с. 38].

Согласно определению «Словаря тактической реальности» Конрада Беккера: «Цифровые права человека – это расширение и применение универсальных прав человека к потребностям общества, основанного на информации» [7].

Также цифровые права человека основаны на концепции коммуникации. Коммуникация является движущим механизмом цивилизации и имеет одинаковое значение для отдельных людей и общества в целом.

Основные цифровые права человека включают право доступа к электронным сетям, право свободно общаться и выражать свое мнение в сети, а также право на неприкосновенность частной жизни. Цифровой разрыв между теми, кто имеет доступ к новейшим каналам электронных и цифровых коммуникаций, и теми, кто не имеет доступа, нарушает право на образование и получение квалификации на основе новых информационных технологий, а также блокирует доступ к базовой информации.

Свобода выражения мнений в интернете прямо или косвенно не ограничивается системой цензуры, которая запрещает правительствам или частным лицам проверять программное или аппаратное обеспечение, телекоммуникационную инфраструктуру или другие компоненты электронных и цифровых сетей, за исключением случаев нарушения законодательства.

Право на неприкосновенность частной жизни, анонимность и безопасность включает в себя право избегать произвольного наблюдения за данными или сообщениями в сети и право использовать иммунные технологии, такие как криптография, для защиты сообщений. Попытки создать инфраструктуру связи, которая позволяет отслеживать, собирать данные для одного пользователя, отслеживать источники данных или осуществлять сетевую связь для коммерческих или надзорных целей через интернет, нарушают это право [8, с. 406].

По мнению Г. Е. Волковой, обеспокоенность с точки зрения гарантированности конституционного права на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху вызывает и не имеющее жесткой правовой регламентации право на конфиденциальность пользователей «Интернета вещей». «Интернет вещей» позволяет осуществлять поиск людей, их идентификацию, контролировать действия и передвижения

объектов контроля, давать их точную психологическую характеристику и многое другое [9, с. 20].

Особый интерес в свете развития информационных технологий представляет трансформация «права на анонимность» и «права на конфиденциальность», представляющих собой право субъекта самостоятельно определять порядок раскрытия своей личности при реализации данных свобод, предъявлять требования сохранения тайны личности к лицам, которым данные сведения стали известны, а также требование воздержаться от сбора такой информации [10, с. 34]. Стремительно растущая популярность технологий «умного дома» позволяет передавать в Сеть огромные потоки информации личного характера.

Одним из направлений цифровой трансформации системы образования является использование технологий искусственного интеллекта для оказания медицинских услуг, что влечет за собой возникновение новых рисков обеспечения информационной безопасности в этой сфере. Использование «умных устройств» медицинского сегмента, которые предназначены для мониторинга, контроля и поддержания состояния здоровья (аппараты искусственного дыхания, кардиографы, кардиостимуляторы и т. д., а также фитнес-браслеты), ставит под угрозу возможность сохранения врачебной тайны как одного из элементов частной жизни. Ожидается, что медицинские устройства и приложения будут иметь дело с жизненно важной частной информацией, такой как персональные медицинские данные, включая генетическую информацию [11, с. 110].

Вместе тем в литературе справедливо обращается внимание на то, что с помощью тех же самых сервисов и технологий может быть установлен тотальный контроль за частной жизнью граждан. В этом случае возникает проблема предоставления соответствующих гарантий защиты от обработки персональных данных без согласия лица, а также поднимается вопрос о праве граждан на проживание в среде, свободной от цифры [6, с. 38].

Таким образом, на данный момент отсутствует единство в понимании категории цифровых прав учеными. Цифровые права рассматривают как сферу информационного права, как конституционное право на свободу информации, как субъективное право, как комплексный правовой институт. В Российской Федерации цифровые права законодательно отнесены к области регулирования гражданского права. В Республике Беларусь отраслевая принадлежность цифровых прав не определена. В этой связи определение правовой природы, места цифрового права и категории цифровых прав остаются актуальными направлениями

научных исследований. Современные вопросы правового регулирования цифровых прав человека в контексте обеспечения неприкосновенности частной жизни, безопасности, защиты персональных данных требуют научного анализа и определения баланса между развитием технологий и обеспечением прав и свобод человека.

Список использованных источников

1. Абламейко, М. С. Цифровые права человека и перспективы их введения в законодательство / М. С. Абламейко, Н. В. Шакель // Журнал Белорус. гос. ун-та, Право. – 2022. – № 2. – С. 19–26.
2. Киричек, Е. В. Цифровизация в конституционно-правовом измерении / Е. В. Киричек // Вестн. Вост.-Сибир. ин-та МВД России. – 2020. – № 4. – С. 29–40.
3. Информационное право : учебник / под ред. М. А. Федотова. – М. : Юрайт, 2019. – 497 с.
4. Городов, О. А. Цифровое право как подотрасль информационного права / О. А. Городов // Право и цифровая экономика. – 2021. – № 1 (11). – С. 36–43.
5. Цифровое право. Общая часть : учеб. пособие / В. Э. Волков. – Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2022. – 111 с.
6. Сильченко, Н. В. О сфере действия, сущностных началах и развитии права в цифровую эпоху / Н. В. Сильченко // Философия права. – 2022. – № 1 (100). – С. 34–39.
7. Беккер, К. Словарь тактической реальности. Культурная интеллигенция и социальный контроль / К. Беккер. – URL: <https://itexts.net/avtor-konrad-bekker/154158-slovar-takticheskoy-realnosti-kulturnaya-intelligenciya-i-socialnyy-kontrol-konrad-bekker/read/page-8.html> (дата обращения: 20.11.2024).
8. Савина, И. А. Информационные и цифровые права человека в современных условиях развития общества на этапе цифровизации / И. А. Савина // Корпоративные стратегические коммуникации: тренды в профессиональной деятельности : материалы Третьей Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 8–9 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: О. М. Самусевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2020. – С. 404–407.
9. Волкова, Г. Е. К вопросу об обеспечении цифровых прав человека в системе российского законодательства / Г. Е. Волкова // Актуальные проблемы частноправового регулирования общественных отношений : сб. материалов Всерос. науч.-теор. конф., 17 нояб. 2022 г. / отв. ред. В. И. Фатхи, С. Ю. Наточий. – Ростов-н/Д : Ростов. юрид. ин-т МВД России, 2022. – Электрон. дан. (899 КБ). – С. 18–22.
10. Кузнецова, С. С. Право на анонимность в сети Интернет: актуальные вопросы реализации и защиты / С. С. Кузнецова // Российское право. – 2020. – № 5. – С. 33–41.
11. Аксенова, Е. И. Применение технологий интернета вещей в здравоохранении / Е. И. Аксенова, С. Ю. Горбатов // Здоровье мегаполиса. – 2021. – № 4. – С. 101–113.

ПЕРСПЕКТИВЫ ВВЕДЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

М. Д. Дятко

*студентка 4 курса юридического факультета Белорусского
государственного университета, datkomasa@gmail.com*

*Научный руководитель: доцент кафедры конституционного права
юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент
А. В. Шавцова*

Электронное голосование представляет собой новую, с точки зрения эффективности, область избирательного процесса и в этой связи имеет огромную актуальность. Это связано с тем, что электронное голосование – это не только новые формы учета волеизъявления избирателей, но и качественный рывок в развитии демократии.

В современной научной литературе понятие электронного голосования является многоаспектным и рассматривается в двух смыслах: *широком и узком*. Электронное голосование в *широком* понимании определяется как «совокупность информационно-коммуникационных технологий, обеспечивающих процесс волеизъявления граждан, основанных на принципах электронного управления», а также как «средство для осуществления (правовая форма реализации) демократии в электронной форме» [2]. В *узком* смысле электронное голосование рассматривается как «средство или способ проведения голосования на выборах» [1].

Вместе с тем в научной литературе в зависимости от места проведения различают два вида электронного голосования: «удаленное (дистанционное) электронное голосование (онлайн-голосование), а также не удалённое (стационарное) электронное голосование» [4], которое характеризуется тем, что выборы проводятся в помещении для голосования, как и при традиционном голосовании, но с использованием технических средств – без использования бумажных бюллетеней.

Страны, стремящиеся к использованию электронного голосования на выборах, должны заблаговременно решить ряд правовых, организационных и технических вопросов, некоторые из них нашли отражение в Рекомендации «О правилах электронного голосования», принятой на 1289-м заседании Комитета Министров Совета Европы (14.07.2017 г.). В документе признаются утратившими силу Рекомендации 2004 г., в ряде случаев по-новому регулируются вопросы организации и проведения электронного голосования избирателей на выборах в

государствах – членах СЕ; содержатся ссылки на положения Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках Содружества Независимых Государств (07.10.2002 г.). В названной рекомендации электронное голосование определяется как «использование электронных средств для подачи и/или подсчета голосов», также указывается, что «электронное голосование, являющееся безопасным, достоверным, эффективным, технически оснащенным, открытым для независимой проверки и доступным, может укрепить доверие общества» к органам, проводящим выборы, которое, в свою очередь, «является предпосылкой для проведения электронного голосования» [3].

Говоря о ряде проблем связанных с нормативно-правовым регулированием электронного голосования, то по сути, все предложения и проблемы электронного голосования могут быть обобщены в двух основных вопросах:

1) Каковы должны быть объем и предмет нормативно-правового регулирования?

Этот вопрос имеет ключевое значение. Это обусловлено тем, что в отличие от традиционного голосования с помощью бюллетеней, голосование электронное не имеет единых стандартов внедрения, поскольку электронные урны или машины для голосования от разных поставщиков всегда будут иметь отличия программного и технологического характера. Законодатель сам объективно не сможет не только предусмотреть все нюансы, все возможные проблемы и пути их разрешения, но и определить те аспекты, которые требуют правового регулирования и те, которым это не требуется. Такие моменты могут определить только разработчики подобных технологических решений.

2) Какую модель (вариант) нормативно-правового регулирования следует выбрать?

Здесь отметим, что в общемировой практике сложились два основных варианта нормативного правового регулирования электронного голосования в различных государствах: централизованное законодательное регулирование электронного голосования и так называемая конкретизация рамочных законов. Проанализировав отдельные нормативные правовые акты, которые введены в странах с электронным голосованием, можно сделать вывод о том, что в основном используется централизованное законодательное регулирование. Например, в Бельгии специально принят общегосударственный закон: «Об организации автоматизированного (электронного) голосования». Централизованное законодательное регулирование характерно также и для целого ряда других стран, таких как Финляндия, Нидерланды, Германия, Бразилия, Австралия и Филиппины.

Рассматривая белорусский опыт внедрения новых технологий голосования, рассуждает о преимуществах созданной отечественными учеными экспериментальной системы интернет-голосования «Гарант».

Отсутствию специфических требований по отношению к участникам того или иного мероприятия (например, ID-карт у избирателей, специальных терминалов, считывателей и т. п.); сетевом аудите процесса формирования итогов мероприятия; возможности проверки избирателями персональных результатов голосования.

Экспериментальная система интернет-голосования «Гарант» предоставляет возможность оказывать электоральные услуги территориальным администрациям различных уровней, чья деятельность направлена на проведение мероприятий по сбору персонализированных данных, в том числе выборов в органы государственной власти и управления, референдумов. При этом организация, проводящая подобные мероприятия, должна располагать «сетью станций голосования, которые оснащены компьютерами и имеют защищенные коммуникации (выделенные линии или VPN-каналы)» [5, с. 68].

Как правило, интернет-голосование осуществляется в неконтролируемой среде, что подразумевает, что избиратель может голосовать в любом месте посредством использования современных компьютерных средств или средств мобильной связи. Однако особенность экспериментальной системы интернет-голосования «Гарант» заключается в том, что она наряду с применением в неконтролируемых условиях (с помощью смартфонов или «домашних» сетевых компьютеров избирателей) может применяться и в контролируемых условиях, для чего избирателям следует посетить временные станции голосования, «в которых для выполнения процедур аутентификации, регистрации и голосования используются заимствуемые на дни выборов обычные компьютеры» [5, с. 68].

В последнем случае к оборудованию и серверам системы голосования невозможен доступ из публичной среды, что повышает степень защиты от различного рода сетевых и криптоатак.

Следующая важная особенность системы интернет-голосования «Гарант» состоит в том, что каждый избиратель при удаленном электронном голосовании получает уникальный идентификационный код; каждому индивидуальному результату голосования, в свою очередь, присваивается случайный номер, который сообщается исключительно избирателю; после завершения удаленного голосования избиратель может проверить свой идентификационный код и номер голосования, обратившись к соответствующему веб-порталу или посредством СМС-запроса, и тем самым точно удостовериться в том, что его волеизъявление учтено верно (голос засчитан в пользу того кандидата, политической партии, вопроса на референдуме и т. п., за который он голосовал).

Таким образом, в современных условиях гражданин сам и посредством объединения с другими гражданами должен иметь возможность контролировать не только процесс голосования, например, как наблюдатель, но и иметь возможность контролировать результаты

выборов, что, в свою очередь, будет свидетельствовать о реальной и неоспоримой легитимности лиц и партий, получивших право на замещение выборных постов. Прозрачность системы голосования позволит вернуть доверие граждан к выборам и их результатам, укрепит власть и создаст хорошую основу для развития правосознания.

При традиционном голосовании с использованием бумажного бюллетеня, предполагается, что человеку выдаётся бумажный бюллетень с заполнением одного из квадратов напротив избираемого кандидата. Далее бюллетень опускается в ящик для голосования, и именно в этот момент теряется связь с избирателем. Чтобы избиратель мог отследить свой голос, можно добавить в избирательный документ элемент идентификации, тогда проследить судьбу своего голоса становится значительно легче. Так можно, например, добавить индивидуальный номер бюллетеня. Чтобы номер не был известен членам избирательной комиссии и третьим лицам, он размещается на бланке бюллетеня под защитным слоем фольги. Этот номер устанавливает программа, которая в режиме запрограммированного свободного перемешивания номеров назначает уникальный номер для каждого бюллетеня. Чтобы избиратель не забыл свой индивидуальный номер, и сохранялся принцип тайны голосования индивидуальный номер под защитной пленкой будет выдаваться с бюллетенем на отдельном листе.

Голосование по такому бюллетеню должно происходить следующим образом: получив бюллетень и отдельно индивидуальный номер под защитной фольгой у членов избирательной комиссии, избиратель идёт в кабинку для голосования, где стирает защитный слой на бланке и отдельном листе и сверяет номера, в случае их несовпадения избиратель обязан предоставить этот бюллетень выдавшему его члену избирательной комиссии с целью получить взамен новый. У бракованного бюллетеня списываются номера, с подписью избирателя и членов избирательной комиссии он отправляется в архив, а его данные фиксируются в итоговом отчете участковой избирательной комиссии (это крайняя мера, современные технологии позволяют избежать таких ошибок). Если номера совпадают, то избиратель ставит галочку за желаемого кандидата на бланке, затем избиратель опускает бюллетень в избирательную урну для голосования, а лист с индивидуальным номером оставляет у себя.

В процессе подсчета голосов члены избирательной комиссии обязаны составить списки с идентификационными номерами с учетом распределения голосов по кандидатам. Также подсчет голосов можно осуществлять при помощи специального технического устройства, которое считывает индивидуальный номер и голос избирателя за конкретного кандидата. Данные устройства упростят механизм подсчета и сократят время для подведения итогов голосования. После подсчета голосов автоматически составляется таблица, в которой фиксируются результаты всех кандидатов, а также указываются номера бюллетеней,

проголосовавших за конкретного кандидата, при этом сохраняется и соблюдается принцип тайного голосования. Например, за Петрова проголосовали номера: 126487670; 987545345 и т.д. В этой же таблице фиксируются и выбракованные бюллетени.

По итогам подсчетов голосов как при помощи специально технических устройств, так и при помощи членов избирательной комиссии таблица с каждого участка голосования отправится в вышестоящую комиссию, а по всем итогам будет формироваться единая таблица голосования. Так, используя систему «Гарант» предлагается создать единую цифровую таблицу, куда будут помещаться данные со всех избирательных комиссий, где любой гражданин, зайдя через специально созданный для этого интернет-портал, сможет по своему идентификационному номеру определить, правильно или нет был засчитан его голос.

Таким образом, при введении электронного голосования в Республике Беларусь, целесообразно:

1. Применить централизованное законодательное регулирование и закрепить в Избирательном кодексе понятие: *«Электронное голосование – способ проведения голосования, с использованием специально технических устройств для подачи и (или) подсчета голосов и (или) с использованием информационной системы «Гарант», а также иных государственных информационных систем, установленным Центральной избирательной комиссией Республики Беларусь».*

2. *Ввести механизм защиты и контроля избирателем своего голоса.* Прозрачность системы голосования позволит вернуть доверие граждан к выборам и их результатам, укрепит власть и создаст хорошую основу для развития правосознания. Для этого предлагаем ввести бюллетени с индивидуальными номерами под защитной фольгой. Этот номер устанавливает программа, которая в режиме запрограммированного свободного перемешивания номеров назначает уникальный номер для каждого бюллетеня.

Предлагаем, через систему «Гарант» для обеспечения контроля избирателем своего голоса создать единую цифровую таблицу, куда будут помещаться данные со всех избирательных комиссий, где любой гражданин, зайдя через специально созданный для этого интернет-портал, сможет по индивидуальному номеру определить, верно ли был засчитан его голос.

3. Для механизма защиты голосов и эффективности их подсчета использовать *урну/ящик для голосования с техническим устройством*, которое считывает индивидуальный номер и голос избирателя. Данные технические устройства упростят механизм подсчета, сэкономят время и нагрузку на членов избирательной комиссии.

Таким образом, несмотря на то, что в Республике Беларусь в ближайшей перспективе не планируется переход к электронному

голосованию, ИКТ и информатизация в нашей стране развиваются стремительными темпами, что влечет за собой необходимость разработки различных технологий и систем электронного голосования.

Список использованных источников

1. Антонов Я.В. Электронное голосование и электронная демократия: правовые основы развития и взаимодействия [Электронный ресурс]. – https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3290558 – Дата доступа: 27.01.2025
2. Антонов Я.В. Конституционно-правовые перспективы развития электронной демократии в современной России // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 9.
3. Лысенко В. Новые рекомендации Совета Европы о правилах электронного голосования на выборах // Российский фонд свободных выборов [Электронный ресурс]. – <http://www.rfsv.ru/law/pravovye-innovatsii/novye-rekomendatsii-soveta-evropy-o-pravilakh-elektronnogo-golosovaniia-na-vyborak> – Дата доступа: 29.01.2025.
4. Матренина К.Ю. Проблемы сопровождения электронного голосования на выборах: российский и зарубежный опыт // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 1 – С. 10-15.
5. Абламейко, С. В. Развитие технологий электронного голосования и представление новой версии системы «Гарант» / С. В. Абламейко, С. М. Братченя, Н. И. Калоша, В. Ю. Липень // Развитие информатизации и государственной системы научно-технической информации : доклады XI междунар. конф. РИНТИ-2012, Минск, 15 нояб. 2012 г. / ОИПИ НАН Беларуси. – Минск, 2012. – С. 67–71.

УДК 340.1

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Д. А. Зубрик

*аспирант кафедры конституционного права, Белорусский
государственный университет,
старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права,
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
dianazubrik@mail.ru*

Аннотация: в статье рассматривается влияние технологий искусственного интеллекта на права человека. Автор анализирует потенциал, возможные риски и угрозы, которые искусственный интеллект может нести для таких прав, как право на жизнь, неприкосновенность частной жизни, свободу слова и др. Также подчеркивается необходимость разработки эффективных механизмов регулирования искусственного интеллекта, которые гарантировали бы соблюдение прав человека на всех этапах создания и использования указанной технологии.

Ключевые слова: искусственный интеллект, права человека, этика, регулирование, технологии.

Внедрение искусственного интеллекта положительно повлияло на развитие общественных отношений. Однако, в силу появления множества перспектив, связанных с использованием данных технологий, нельзя не указать о потенциальных рисках и новых угрозах. В частности, вопросы касательно обеспечения принципа конфиденциальности данных, алгоритмической дискриминации и безопасности использования искусственного интеллекта становятся все более актуальными. Из этого следует, что остро стоит вопрос относительно определения и разработки механизма защиты прав человека в условиях цифровой трансформации общества. Но в то же время возникает вопрос: как права человека будут коррелироваться с искусственным интеллектом? Возможно ли будет развивать технологии искусственного интеллекта, но при этом не нарушать права человека? Не ограничим ли мы развитие искусственного интеллекта, если всегда будет ставиться приоритет защиты прав человека?

В феврале 2024 г. Фолькер Тюрк, Верховный комиссар ООН по правам человека, при выступлении в Стэнфордском университете отметил, что при регулировании искусственного интеллекта государства должны в первую очередь учитывать права человека. Это позволит определять проектирование и разработку систем искусственного интеллекта, обеспечивая соблюдение прав человека на протяжении всего цикла работы искусственного интеллекта [1].

Также Советом Европы был подготовлен документ, где указывается порядок защиты прав человека при использовании искусственного интеллекта [2]. В этом документе определяется, что необходимо информировать человека, если в отношении него используются системы искусственного интеллекта. Более того, если системы используются в отношении человека для оказания государственных услуг, то человек должен быть информирован об этом, а также должны быть предоставлены средства связи со специалистами, использующие искусственный интеллект в своей работе, в случае необходимости. Ко всему этому, в документе указано, что информация о методах использования искусственного интеллекта в отношении людей должна быть прозрачной и доступной для всех [2].

Рассмотрим, как соотносятся искусственный интеллект и основные права человека, закрепленные во Всеобщей декларации прав человека, принятой 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций.

1. Право на жизнь. Относительно влияния искусственного интеллекта на право на жизнь высказались С. Ю. Кашкин и А. В. Покровский. Авторы указывают, что использование искусственного интеллекта в военном деле само по себе нарушает указанное право. Свою позицию авторы аргументируют тем, что право на жизнь включает в себя обязанность государства на создание безопасных условий для проживания. И в случае, если во время военных действий искусственный интеллект

нанесет ущерб мирному населению, то возникает вопрос касательно субъектов ответственности [3, с. 69]. Мы согласны позицией авторов. С нашей точки зрения, в силу того, что искусственный интеллект могут использовать в качестве оружия массового поражения, необходимо ввести ограничения в использовании данной технологии в время военных действий либо же ограничить территории, на которой может применяться искусственный интеллект.

Отметим, что в работе Х. А. Казеян и Г. Э. Арутюнян также подчеркивается риск относительно возможного причинения вреда искусственным интеллектом мирному населению во время военных действий. Однако авторы считают, что такой риск можно уменьшить, если будет принята законодательная база, где будет регламентирован порядок безопасного использования технологией [4, с. 42]. Не совсем понятно, что авторы подразумевают под безопасным использованием технологией. По нашему мнению, правила безопасного использования технологии искусственного интеллекта во время военных действий должно включать в себя ограничение в использовании и полный контроль над технологией со стороны человека. Также в своей работе Р. А. Атабек подчеркивает, что необходимо разработать универсальные правила использования искусственного интеллекта, которые позволят однозначно трактовать и маркировать ситуации, возникающие в ходе военного применения автономных систем [5, с. 112].

Следует рассмотреть этот вопрос с позиции репродуктивной медицины. Несомненно, внедрение технологий искусственного интеллекта привело к повышению эффективности оказания медицинских услуг, увеличению рождаемости и сокращению числа неудачного экстракорпорального оплодотворения. Однако существует риск дискриминации при отборе эмбрионов на основе генетических характеристик. И это как раз подразумевает, что искусственный интеллект будет определять, кому даровать право на жизнь, а кому нет. Кроме того, использование искусственного интеллекта в репродуктивной медицине может привести к коммерциализации человеческой жизни и нарушению принципа неприкосновенности человеческого генофонда.

2. Право на неприкосновенность личной и семейной жизни. Уже сейчас искусственный интеллект как технология используется большим количеством людей в обычной жизни. Более того, в ряде переносных устройств внедрены системы искусственного интеллекта по сбору и обработке информации. Но можем ли мы говорить, что это нарушает право на неприкосновенность личной и семейной жизни? Если речь идет о сборе информации в целом, то такое обстоятельство не является нарушением. Однако, если будет осуществляться сбор персональных данных без согласия субъекта, то можно сказать, что право на неприкосновенность личной и семейной жизни нарушается. В случае, если такое согласие было получено, возникает потребность в обеспечении принципа

конфиденциальности информации. Из этого следует вопрос: кто будет нести ответственность, если произойдет утечка информации? По нашему мнению, необходимо определить, по чьей вине произошла утечка и тем самым установить ответственность.

Также отдельно следует выделить системы видеонаблюдения. Конечно же, такие системы устанавливаются для обеспечения правопорядка. Однако это не исключает того факта, что такие камеры могут собирать информацию о передвижении без согласия лица.

3. Право на свободу слова. С нашей точки зрения, системы искусственного интеллекта не могут ограничивать свободу слова. Однако, различные веб-сайты и онлайн-платформы оснащены технологиями по поиску запрещенных слов, при использовании которых происходит блокировка пользователя. Это позволяет поддерживать безопасное поведение пользователей и пресечение правонарушений. Но такое введение не должно включать в себя ограничение в высказывании мнений. То есть, владелец веб-сайта или онлайн-платформы не должен ограничивать публикацию негативных комментариев, если это идет вразрез с его интересами (например, удаление негативных отзывов о товаре или о предоставляемой услуге).

4. Право на защиту частной собственности. В своей работе С. Юйпэн и Н. Ю. Чернусь отмечают, что использование искусственного интеллекта в качестве орудия совершения правонарушения является негативным примером нарушения прав и свобод [6]. Мы согласны с данной позицией авторов. В силу цифровизации общественных отношений частная собственность может быть приобретена в электронном виде. В таком случае, искусственный интеллект может быть использован в качестве средства совершения преступления (например, кража). Также технологии искусственного интеллекта могут использоваться для уничтожения, блокировки или модификации компьютерной информации.

Следует отметить такую технологию как умный дом, оснащенный искусственным интеллектом. Действительно, данная технология позволяет обеспечивать безопасность имущества. Однако, система может быть подвержена преступной модификации для получения доступа к частной собственности.

5. Право на образование. Необходимо отметить, что искусственный интеллект используется студентами для решения учебных задач. Ко всему этому, уже сейчас некоторые школы и университеты переходят на формат обучения, где материал разъясняет не преподаватель, а искусственный интеллект. Однако искусственный интеллект как технология базирует свою работу исключительно только на том материале, на основе которого проводилось обучение. В связи с этим возникает вопрос: будет ли нарушаться право на образование, если студенты, обучаясь на искусственном интеллекте, получают некачественное образование? С нашей точки зрения, обучаясь на основе технологий искусственного интеллекта,

студенты реализуют свое право на образование. Если же искусственный интеллект предоставил некачественные образовательные услуги, то ответственность должна лежать на тех лицах, которые занимались обучением данной технологии и которые проверяли качество предоставляемого искусственным интеллектом материала.

6. Право на охрану здоровья. Искусственный интеллект в медицине используется для диагностики и лечения заболеваний. Необходимо отметить, что уже сейчас технологии искусственного интеллекта позволяют проводить сложные операции, выявлять и прогнозировать появления серьезных заболеваний. С нашей точки зрения, такое внедрение позволяет реализовать данное право в полной мере. Однако, не исключен риск выставления искусственным интеллектом неверного диагноза, что может привести к негативным последствиям.

7. Право на достоверную информацию. В силу того, что искусственный интеллект может создавать фейковые новости или deepfake-видео, можно сказать, что таким образом подрывается право на достоверную информацию. Это, в свою очередь, влечет за собой появление таких угроз, как дестабилизация общества и отсутствие доверия к традиционным СМИ. Более того, в информационном массиве достаточно сложно отделить, какая информация является верной. Такое обстоятельство создает возможность для манипулирования информацией в корыстных целях.

8. Право на труд. Внедрение искусственного интеллекта в трудовую деятельность повлекло за собой появление новых специальностей, требующих наличие навыков работы с данной технологией. Но наряду с этим возникла проблема касательно сокращения числа штатных сотрудников и переход на автоматизацию. Более того, ряд компаний ставят в приоритет замены сотрудников на искусственных интеллект. В связи с этим возникает необходимость принятия государственных мер, способствующих предотвратить массовую безработицу, а именно: 1) создание новых специальностей; 2) переподготовка работников, в чьи обязанности будет входить использование искусственного интеллекта; 3) разработка системы государственной поддержки лиц, потерявших работу в связи с переходом на автоматизацию.

9. Право на достойный уровень жизни. Право на достойный уровень жизни предполагает право каждого человека на достаточный жизненный уровень для себя и своей семьи, включая питание, одежду, жилище, медицинское обслуживание и необходимые социальные услуги. Развитие искусственного интеллекта может способствовать повышению уровня жизни, но при этом создает риск усиления социального неравенства. Социальное неравенство может выражаться: 1) в монополизации компаний, обладающих передовыми технологиями в области искусственного интеллекта, что может привести к доминированию на рынке и неравномерному распределению ресурсов; 2) неравном доступе к

информационно-коммуникационным технологиям и различном уровне цифровых навыков у разных групп населения; 3) дискриминации и манипулированием над людьми.

Таким образом, можно сделать вывод, что развитие искусственного интеллекта представляет собой сложный вызов для современного общества. Можно сказать, что внедрение искусственного интеллекта создает не только широкие возможности, но и потенциальные риски для реализации прав человека. Для того чтобы извлечь максимум пользы из этой технологии, необходимо найти баланс между инновациями и защитой фундаментальных прав человека. По нашему мнению, для минимизации негативных последствий искусственного интеллекта необходимо разработать эффективные механизмы регулирования, которые будут отражаться в: 1) принятии нормативных правовых актов, где закрепляется порядок проведения каждого этапа создания и применения искусственного интеллекта; 2) подписании международных договоров и соглашений для гармонизации и унификации законодательства в области создания и применения искусственного интеллекта; 3) ограничении в использовании искусственного интеллекта в тех сферах, требующих повышенного внимания со стороны человека.

Список использованных источников

1. Türk, V. Human rights must be at the core of generative AI technologies, says Türk / V. Türk // The Office of the High Commissioner for Human Rights. – URL: <https://www.ohchr.org/en/statements-and-speeches/2024/02/human-rights-must-be-core-generative-ai-technologies-says-turk>. (дата обращения: 27.12.2024)..

2. Раскрытие искусственного интеллекта: 10 шагов для защиты прав человека // Комиссар Совета Европы по правам человека. – URL: <https://rm.coe.int/-/16809a42e4> (дата обращения: 27.12.2024).

3. Кашкин, С.Ю. Искусственный интеллект, робототехника и защита прав человека в Европейском союзе / С.Ю. Кашкин, А.В. Покровский // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – №4. – С. 64–90.

4. Казеян, Х.А. Проблемы применения искусственного интеллекта в военном управлении / Х.А. Казеян, Г.Э. Арутюнян Г. // Управленческое консультирование. – 2023. – № 6. – С. 34–45.

5. Атабеков А.Р. Применение искусственного интеллекта в военных целях: проблемы теоретизации и правового регулирования / А.Р. Атабеков // Общество: политика, экономика, право. – 2023. – № 4. – С. 107–114.

6. Юйпэн, С. Трансформация форм защиты прав человека и гражданина под влиянием технологий искусственного интеллекта на примере России и Китая / С. Юйпэн, Н. Ю. Чернущ // Юридический мир. – 2024. – № 04. – URL: <https://lawinfo.ru/articles/6291/transformaciya-form-zashhity-prav-celoveka-i-grazdanina-pod-vliyanem-texnologii-iskusstvennogo-intellekta-na-primere-rossii-i-kitaya> (дата обращения: 27.12.2024).

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРЛАМЕНТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

О. М. Кандыбо

*аспирант кафедры конституционного права, юридический факультет,
Белорусский государственный университет, nirkap@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется роль и значимость интернет-ресурсов парламентов в обеспечении прозрачности и доступности информации о деятельности законодательных органов власти. По результатам проведенного исследования предлагаются рекомендации по совершенствованию интернет-ресурсов Палаты представителей и Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь с целью улучшения взаимодействия с гражданами и обеспечения условий для их активного участия в управлении делами государства

Ключевые слова: парламент, представительная демократия, информационно-коммуникационные технологии, право на управление делами государства, электронный парламент, электронная демократия, инновации.

Стремительный рост информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) меняет не только политический, экономический и социальный ландшафт во всем мире, но и условия парламентской работы, развивая новые формы деятельности парламентариев [1, с. 106]. Активное внедрение информационных технологий в деятельности представительных органов способствует достижению более высокой степени прозрачности и доступности информации. Во многих государствах в настоящее время активно исследуются возможности применения новейших цифровых технологий в представительных органах власти в целях укрепления демократических основ их деятельности.

Одним из важнейших инструментов обеспечения этой открытости является интернет-сайт парламента, который предоставляет гражданам доступ к информации о деятельности представительного органа власти. В цифровую эпоху роль парламентских интернет-ресурсов возрастает, так как они становятся основной площадкой для коммуникации и взаимодействия между гражданами и их избранными представителями.

Парламент является центральным органом государственной власти, осуществляющий важнейшие функции, такие как разработка и принятие законов, представление интересов населения, контроль за действиями органов исполнительной ветви власти и гарантирование реализации гражданских прав и свобод. Парламент играет ключевую роль в поддержании законности и соблюдении принципов, закрепленных в основном законе страны. Его значимость выражается в том, что он

считается одним из фундаментальных элементов демократического государства.

Одним из основополагающих принципов деятельности представительных органов власти является их информационная открытость, реализация которого в настоящее время преимущественно осуществляется с помощью ИКТ. В этом контексте в юридической доктрине развивается концепция электронного парламента, особенностью которого является использование современных ИКТ для «предоставления гражданам более широкого доступа к парламенту и парламентариям» [2, с. 8–9]. Данная концепция не является изобретением одного человека или организации, а возникла как результат развития информационных технологий и необходимости повышения эффективности и прозрачности работы законодательных и представительных органов власти. Импульсом для активного внедрения ИКТ в парламентскую работу следует считать 109 Ассамблею Межпарламентского союза, прошедшую 3 октября 2003 г. в городе Женева, в рамках которой была принята Резолюция, призывающая использовать ИКТ для повышения эффективности, результативности и прозрачности деятельности парламента и для лучшего взаимодействия с гражданами [3]. Однако еще до этого, в 1990-е годы, различные парламента, например, Германии и Дании, уже экспериментировали с использованием цифровых технологий, таких как электронный документооборот и системы голосования, что постепенно привело к формированию концепции электронного парламента [4, с. 18].

На наш взгляд, электронный парламента следует рассматривать как инновационную организацию законодательной и представительной власти, основывающуюся на активном внедрении и использовании ИКТ как трансформационного инструмента, помогающего более эффективно осуществлять основные функции парламента, содействуя развитию справедливого и инклюзивного информационного общества.

Ключевым элементом системы электронного парламента является официальный интернет-сайт представительного органа власти, поскольку он служит фундаментом, на котором строится цифровая инфраструктура парламента в работе с населением. Официальные парламентские порталы позволяют «обеспечивать достаточный уровень транспарентности их деятельности и процесса принятия решений, являются доступными для неограниченного числа граждан без значительных затрат, что упрощает обмен информацией и взаимодействие с населением» [5, с. 193]. Как справедливо отмечает С. Н. Косарецкий, «официальный сайт законодательного органа власти – это не просто атрибут современной политики, а наиболее эффективное средство распространения официальной информации о деятельности государственной власти» [6, с. 58].

В настоящее время 98 % парламента в мире имеют собственные интернет-порталы [7, с. 58], не исключением является и Республика

Беларусь, где у каждой из палат Национального собрания Республики Беларусь (Совета Республики и Палаты представителей) есть отдельные интернет-сайты, действующие на основании Указа Президента Республики Беларусь 1 февраля 2010 г. № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет». Данным Указом, а также принятым в его исполнении постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 апреля 2010 г. № 645 «О порядке функционирования интернет-сайтов государственных органов и организаций», установлены требования о размещении информации о деятельности государственных органов и организаций на своих официальных сайтах, а также определено, что такие интернет-сайты должны содержать, в частности, общую информацию о государственном органе или организации, о работе с обращениями граждан и юридических лиц, новости, связанные с их деятельностью, о формах обратной связи, а также иную информация, определяемую Президентом Республики Беларусь либо Советом Министров Республики Беларусь или размещаемую по решению руководителя государственного органа и организации. Анализ сайтов палат парламента Республики Беларусь показывает, что кроме указанной информации в отдельных рубриках размещены сведения об их структуре и составе, об осуществлении отдельных видов деятельности (законодательная, международная, контрольная и т.д.), а также иные материалы, связанные с выступлением депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики в средствах массовой информации. В целом, такие разделы есть более чем в 83 процентах парламентских порталов мира [7, с. 61], при этом на интернет-сайтах палат Национального собрания нет иных разделов, позволяющих нам утверждать об активном внедрении цифровых инструментов в парламентскую работу в Республике Беларусь, особенно в части работы с гражданами.

На наш взгляд, парламентские интернет-сайты представляют собой эффективный инструмент взаимодействия между гражданами и государством, предоставляя возможность быстрого и доступного получения информации о деятельности представительного органа власти. Такие цифровые ресурсы делают парламентскую деятельность более открытой и понятной для широкой общественности. В. А. Попов, Председатель Палаты представителей второго и третьего созывов, еще в 2002 году отмечал, что «совершенствование сайта палат парламента должно будет направлено на обеспечение прямых аудио- и видеотрансляций заседаний парламента, возможности обращаться в интерактивном режиме к внутрипарламентским базам данных, интеграции, что расширит возможности граждан реализовать свои конституционные права на получение полноценной информации о деятельности парламента Беларуси» [8, с. 21].

Проведенный в рамках данного исследования опрос должностных лиц государственных органов и иных государственных организаций показал, что 39,2 % опрошенных полагают возможным размещение на информационных ресурсах Палаты представителей и Совета Республики информацию о результатах голосования по внесенным законопроектам. Размещение данной информации способно повысить прозрачность деятельности законодательных органов власти. В то же время такие сведения могут нести потенциальную угрозу для членов парламента, поскольку это может привести к давлению на них со стороны заинтересованных групп и отдельных граждан, что способно ограничить свободу депутатов на принятие решений на основе собственных убеждений. В связи с этим считаем нецелесообразным размещение такой информации на информационных ресурсах палат парламента.

28,1 % респондентов видят перспективным опубликование на интернет-сайтах Палаты представителей и Совета Республики видео и стенограмм проведенных заседаний. Считаем, что наличие видеотрансляций в свободном доступе обеспечивает прозрачность работы парламента, предоставляя гражданам возможность увидеть законотворческий процесс, а также иную работу, осуществляемую парламентом, в том числе непосредственно работу своего избранного представителя. Текстовые стенограммы позволяют быстро находить необходимую информацию через функцию поиска. Это особенно полезно для журналистов, исследователей и граждан, интересующихся подробностями парламентских обсуждений. Стенограммы делают процесс анализа и обработки информации более доступным и эффективным. Следует согласиться с Е. Г. Стребковой, что «это позволяет создать новый уровень доверия к представительной власти, поскольку избиратель хочет знать, что делает в парламенте его представитель» [5, с. 193]. Официальные ресурсы обеспечивают более высокий уровень прозрачности в работе парламента, что способствует доверию к политическим институтам. В этом контексте полагаем возможным дополнить ст. 77 Закона Республики Беларусь Республики от 8 июля 2008 г. № 370-З «О Национальном собрании Республики Беларусь» (далее – Закон о Национальном собрании) соответствующей нормой, предусматривающей обязанность размещения на интернет-ресурсах Палаты представителей и Совета Республики видеотрансляций и стенограмм их заседаний.

Следует отметить, что 56,1 % опрошенных полагают, что проекты законов, внесенных в Палату представителей размещены на официальных парламентских интернет-сайтах, и только 31,2 % ответили на представленный вопрос верно. В настоящее время тексты законопроектов на основании Указа Президента Республики Беларусь от 24 февраля 2012 г. № 105 «О банке данных проектов законов Республики Беларусь» размещаются на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь. Указанный портал является основным государственным

информационным ресурсом, специализирующимся на праве и правовой информатизации. Полагаем, что он в первую очередь предназначен для публикации уже принятых нормативных правовых актов. Законопроекты являются частью законотворческого процесса, а размещение на одном портале как принятых законов, так и еще находящихся еще на стадии принятия проектов может вызвать определенную путаницу, поскольку пользователи не всегда способны различить их. На наш взгляд, интернет-сайт парламента является прямым отражением его деятельности, в том числе и законодательной, вследствие этого тексты проектов законов должны публиковаться именно на парламентском цифровом ресурсе, что необходимо отразить в ст. 50 Закона о Национальном собрании.

На наш взгляд, предложенные меры по усовершенствованию парламентских интернет-ресурсов направлены на повышение прозрачности, улучшение информированности граждан и обеспечение их активного участия в управление делами государства.

Список использованных источников

1. Подупейко, А. А. Роль Парламента – Национального собрания Республики Беларусь в обеспечении стабильного развития белорусского общества / А. А. Подупейко // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2023. – № 1. – С. 102–107.

2. Абраменко, Е. Г. Цифровой парламент: опыт и перспективы / Е. Г. Абраменко // Трансформация государственного управления и местного самоуправления в условиях развития информационного общества : сб. ст. Межд. круг. стола, Новополоцк, 16 апр. 2021 г. / редкол. : И. В. Шахновская, П. В. Соловьев. – Новополоцк : Полоц. гос. ун-т, 2021. – С. 6–9.

3. Inter-Parliamentary Union – Resolutions, Decisions and Votes of the 109th Assembly [Electronic resource] // Inter-Parliamentary Union. – Mode of access: <http://archive.ipu.org/conf-e/109.pdf>. – Date of access: 01.09.2024.

4. Kinghman, T. e-Parliaments: The Use of Information and Communication Technologies to Improve Parliamentary Process / T. Kinghman. – Washington, D.C. : / The World Bank, 2003. – 34 p.

5. Стребкова, Е. Г. Модернизация законодательной власти в условиях информационного общества и государства / Е. Г. Стребкова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 4 (93). – С. 191–194.

6. Косарецкий, С. Н. Информационная открытость сайтов законодательных органов государственной власти субъектов РФ / С. Н. Косарецкий // Среднерусский вестник общественных наук. – 2010. – № 2. – С. 57–61.

7. World e-Parliament Report 2020 / Inter-Parliamentary Union. – New York, 2021. – 82 p.

8. Попов, В. А. Информационные технологии и право: Правовая информатизация – 2004 : материалы II междунар. науч.-практ. конф., Минск, 28-29 окт. 2004 г. / под ред. Ю. И. Кашинского. – Минск : НЦПИ, 2004. – С. 19–21.

ОБЩИЕ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ОБРАБОТКИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

И. В. Насонова

старший преподаватель кафедры конституционного и административного права, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, магистр права, irina.nasonova@list.ru

Аннотация. Основной темой настоящей статьи являются основания для обработки персональных данных физических лиц в соответствии с требованиями законодательства и международными обязательствами Республики Беларусь. В статье анализируются предусмотренные законодательством требования к общим и специальным основаниям для обработки персональных данных и сделаны выводы о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства в области защиты информации в Республике Беларусь.

Ключевые слова: персональные данные, обработка персональных данных, субъекты персональных данных, оператор, согласие на обработку персональных данных.

Вопросы, связанные с правовым регулированием условий и оснований для обработки персональных данных, приобрели научную и практическую актуальность не так давно, в основном, после вступления в силу Закона Республики Беларусь от 7.05.2021 № 99-З «О защите персональных данных». В настоящее время существует целый комплекс нормативных правовых документов, регламентирующих правоотношения, связанные со сбором, хранением, систематизацией, использованием, распространением и другими видами обработки персональных данных.

Следует отметить, что в других государствах на постсоветском пространстве проблемы, связанные с правовым регулированием обработки персональных данных, стали предметом изучения как со стороны ученых, так и со стороны практиков, значительно раньше. Например, в Российской Федерации уже с 27.07.2006 действует Федеральный Закон № 152-ФЗ «О персональных данных». Закон № 94-V «О персональных данных и их защите» в Республике Казахстан действует с 25.11.2013. Однако отечественный законодатель, творчески переработав подходы ко всем проблемным вопросам в данной области, предложенные соседями, создал уникальный комплекс правовых норм, на основе которых и осуществляется в настоящее время регулирование правоотношений, связанных с обработкой персональных данных, в Республике Беларусь.

Среди этих правоотношений особое место занимает вопрос об основаниях для обработки персональных данных. Его актуальность связана, в первую очередь, с постоянным развитием цифровых технологий, которые сегодня уже прочно вошли в жизнь общества и стали его

неотъемлемой частью. Ввиду этого целые комплексы общественных отношений, например, в сфере услуг, в значительной степени перешли в онлайн-формат, что в той или степени влечет за собой необходимость обработки большого комплекса персональных данных физических лиц, выступающих в качестве покупателей, контрагентов по различным договорам, потребителей рекламных акций и т.д. Таким образом, доступ к сведениям о личностях всех этих лиц становится практически неограниченным, и в связи с этим возникла необходимость регламентировать в законодательстве те условия, при которых такой доступ становится оправданным и необходимым.

Однако прежде всего, как мы полагаем, следует определиться с понятием персональных данных, подлежащих защите. В литературе имеются различные мнения по данному вопросу. Так, по мнению Н. В. Бугеля и А. В. Никулина, персональные данные представляют собой средство идентификации конкретного человека, выделяющие его из множества других на основе комплекса достоверно установленных идентификационных признаков [1, с. 2]. О. В. Давыдова полагает, что персональными данными является «любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (ФИО, дата рождения, серия и номер паспорта, номер телефона, адрес регистрации (проживания), адрес электронной почты, политические и религиозные убеждения и т.д.)» [2, с. 3]. А. Аскерко [3] и Д. Черных [4] указывают на несогласованность рассматриваемого понятия в тексте различных нормативных правовых актов, действующих в настоящее время в Республике Беларусь.

Как указано в ч.3 ст. 4 Закона Республики Беларусь от 7.05.2021 № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон), любая обработка персональных данных осуществляется с согласия субъекта персональных данных (то есть, физического лица, которому эти данные принадлежат), за исключением случаев, предусмотренных Законом и другими нормативными правовыми актами.

Таким образом, согласие физического лица на обработку своих персональных данных является базовым основанием для такой обработки. При этом законодательство (ч. 1 ст. 5 Закона) требует, чтобы такое согласие представляло собой свободное, однозначное и информированное выражение воли лица, которым оно разрешает обработку своих персональных данных.

Свободным согласие на обработку персональных данных считается в том случае, если оно основано на результатах самостоятельного анализа субъектом персональных данных всех обстоятельств, связанных с предлагаемой или предстоящей обработкой этих данных, и при этом согласие на такую обработку дается субъектом только и исключительно исходя из его внутреннего убеждения, без какого бы то ни было давления извне. Из этого следует, что любое согласие на обработку персональных

данных, полученное обманом или под угрозой, либо в отсутствие свободного выбора принятия решения, не может считаться законным.

В качестве практического примера можно привести ситуацию, в которой при заключении гражданско-правового договора (например, договора купли-продажи) одна из сторон включает в договор ряд предложений, которые не относятся к предмету договора и на которые другая сторона не давала своего согласия. Случаи, когда выполнение стороной своих обязательств по такому договору обуславливается обязательным согласием другой стороны на предложения, не относящиеся к предмету договора (например, согласием на получение рекламных рассылок), не могут служить законным основанием для обработки персональных данных.

Согласие на обработку данных является однозначным лишь в том случае, когда оно выражено в форме конкретного действия субъекта персональных данных, не допускающего двойного или множественного толкований. Умолчание или бездействие субъекта не может приравниваться к его однозначному согласию на обработку своих персональных данных. В связи с этим представляется недопустимой такая обработка персональных данных, которая основана лишь на предполагаемом согласии субъекта, например, в случае, если работа какого-либо интернет-ресурса осуществляется по умолчанию и лишь в том случае, когда его пользователь не дает прямого согласия на обработку своих персональных данных, в том числе и при работе так называемых «cookie-файлов».

Кроме того, согласие на обработку персональных данных должно быть информированным. Это означает, что даже физическим лицом согласия на обработку своих персональных данных должно предшествовать предоставление этому лицу всей необходимой информации о целях обработки его персональных данных, о необходимом и исчерпывающем перечне этих данных, о лицах, которые будут осуществлять обработку персональных данных, а также о сроках этой обработки, включая сроки хранения оператором персональных данных субъекта. Общий перечень такой информации содержится в части пятой статьи 5 Закона. При этом вся предоставляемая информация должна в обязательном порядке соответствовать критерию достоверности. В том случае, когда после дачи субъектом персональных данных согласия на их обработку такая обработка осуществляется в целях, не соответствующих тем, о которых субъект был проинформирован заранее, его согласие на обработку персональных данных не будет соответствовать признаку информированности.

Согласие субъекта персональных данных на их обработку может быть выражено, как это указано в ч. 2 ст. 5 Закона, в письменной форме, а также в виде электронного документа или в иной электронной форме, например, в виде проставления соответствующих отметок на интернет-

ресурсах. В отдельных случаях, оговоренных в законодательстве, согласие на обработку персональных данных может даваться только в письменной форме. Следует отметить, что в Российской Федерации требования к письменной форме согласия на обработку персональных данных более формализованы, и ст. 9 Федерального Закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» содержит конкретный перечень таких требований, которые в обязательном порядке должны быть отражены в письменной форме согласия физического лица на обработку своих персональных данных.

Несмотря на то, что согласие является базовым основанием для обработки персональных данных, существует целый ряд исключений из этого общего правила, которые перечислены в ст. 6 и 8 Закона. Среди этих исключений законодатель специально указал как те основания для обработки данных, которые связаны с осуществлением специально уполномоченными органами правоохранительной деятельности или функции правосудия, так и другие основания, среди которых основное место занимают ситуации, когда необходимость обработки персональных данных физического лица прямо предусмотрена актами законодательства. Так, например, не требуется получения согласия субъекта персональных данных на их обработку при реализации норм законодательства о выборах, референдуме, об отзыве депутата Палаты представителей, члена Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, депутата местного Совета депутатов, а также для ведения индивидуального (персонифицированного) учета сведений о застрахованных лицах для целей государственного социального страхования, в том числе профессионального пенсионного страхования. Без согласия субъекта персональных данных их обработка происходит в рамках трудовых отношений между работодателем и нанятым, хотя в случаях, когда в ходе таких отношений возникают ситуации, прямо не оговоренные в трудовом договоре, согласие на обработку персональных данных должно даваться отдельно.

Не связаны с обязательным получением согласия на обработку персональных данных также те ситуации, когда необходимость такой обработки прямо предусмотрена гражданско-правовым договором и является предметом либо частью предмета такого договора. Наконец, не требуется согласия субъекта персональных данных на их обработку и в тех случаях, когда персональные данные ранее уже были распространены самим субъектом и находятся в общем доступе. Однако несомненно, что каждый конкретный случай необходимо рассматривать индивидуально и давать ему оценку в зависимости от конкретных обстоятельств, при которых осуществлялась обработка персональных данных физического лица. Перечень таких ситуаций, очевидно, не может быть исчерпывающим в силу бесконечного разнообразия взаимоотношений между людьми, а также ввиду постоянного развития цифровых технологий. Таким образом,

вопросы, связанные с правовым регулированием оснований для обработки персональных данных всегда будут иметь актуальное научное и практическое значение.

Список использованных источников

1. Бугель, Н. В. Защита персональных данных как объект организационно-правового регулирования / Н. В. Бугель, А. В. Никулин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. – № 2 (54). – С. 230–233.

2. Давыдова, О. Б. Защита персональных данных/ О. Б. Давыдова // Вестник науки и образования. – 2018. – № 6 (42). – С. 89–90.

3. Аскерко А. Комментарий к Закону Республики Беларусь «О регистре населения»/ А. Аскерко. – URL: <http://www.center.gov.by/article61.html> (дата обращения 07.12.2024).

4. Проблема использования и защиты персональных данных/ Д. Черных. – URL: <https://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2015/02/Zashhita-personalnyh-dannyh-v-Belarusi-1.pdf> (дата обращения 07.12.2024).

УДК 342.7

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДАЧИ И ОТЗЫВА СОГЛАСИЯ НА ВНЕСЕНИЕ И ОБРАБОТКУ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ПАЦИЕНТА

А. Н. Сенкевич

*аспирант кафедры конституционного права юридического факультета
БГУ, заведующий сектором юридической работы государственного
учреждения «Минский научно-практический центр хирургии,
трансплантологии и гематологии», ул. Семашко, 8, 220087, г. Минск,
Беларусь, 6821791@gmail.com*

*Научный руководитель: доцент кафедры конституционного права
юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент
А. В. Шавцова*

Аннотация. Проанализированы положения отдельных правовых актов Республики Беларусь, регулирующих порядок функционирования централизованной информационной системы здравоохранения. Обозначена роль централизованной информационной системы здравоохранения как из важных гарантий права на охрану здоровья. Предложены меры по совершенствованию правового регулирования получения согласия на внесение и обработку персональных данных пациента в целях внесения их в централизованную информационную систему здравоохранения.

Ключевые слова: централизованная информационная система здравоохранения, согласие на внесение и обработку персональных данных, право на охрану здоровья, права пациента.

Процессы цифровизации в Республике Беларусь продолжают своё воздействие на все сферы деятельности современного общества. Сфера

здравоохранения не является исключением. Важным элементом процесса цифровизации здравоохранения является централизованная информационная система здравоохранения.

Закон Республики Беларусь от 18.06.1993 № 2435-ХП «О здравоохранении» (далее – Закон о здравоохранении) в ст. 37-6 закрепляет определение централизованной информационной системы здравоохранения (далее – ЦИСЗ). ЦИСЗ представляет собой интегрированную информационную систему, обеспечивающую централизованное хранение и обработку медицинской информации в области здравоохранения, включая базы (банки) данных, реестры (регистры) в здравоохранении, информационное взаимодействие и доступ в установленном порядке пользователей централизованной информационной системы здравоохранения к указанной информации. Законодатель подчёркивает в положениях ст. 37-6 Закона «О здравоохранении», что ЦИСЗ является государственной информационной системой и находится в подчинении Министерства здравоохранения Республики Беларусь [1] (далее – Минздрав).

В развитие указанных положений принят ряд подзаконных актов Минздрава. Постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 13.05.2021 № 267 утверждено Положение «О порядке функционирования и использования централизованной информационной системы здравоохранения» (далее – Положение о ЦИСЗ).

Данным положением определены цели и задачи ЦИСЗ. Пунктом 4 Положения о ЦИСЗ определена основная цель – «содействие улучшению доступности и повышению качества оказания медицинской помощи», в том числе:

- «содействие процессу принятия клинических решений;
- улучшение качества и эффективности принимаемых управленческих решений на основе статистических и аналитических данных;
- обеспечение условий для непрерывного профессионального образования в области здравоохранения» [2].

Таким образом, создание ЦИСЗ не только упростит обмен медицинской информацией между учреждениями здравоохранения, но также и предоставит возможность пациенту иметь доступ к сведениям о своем состоянии здоровья. По нашему мнению, такая возможность является одной из важных гарантий права на охрану здоровья, поскольку позволяет пациенту в любое время в доступной форме ознакомиться с результатами обращения за медицинской помощью.

Важно отметить, что Министерством здравоохранения определён порядок внесения информации, составляющей врачебную тайну, в ЦИСЗ. Так п. 5 Инструкции «О формах и порядке дачи и отзыва согласия на внесение и обработку персональных данных, информации, составляющей врачебную тайну, отказа от их внесения и обработки и порядке

информирования о праве на отказ от внесения информации, составляющей врачебную тайну, в централизованную информационную систему здравоохранения», утвержденной Постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 07.06.2021 № 74 (далее – Инструкция) установлено: согласие на внесение и обработку персональных данных пациента, информации, составляющей врачебную тайну дается однократно при первичном посещении государственной организации здравоохранения. Данное согласие может быть дано как совершеннолетним пациентом, так и иными лицами, а именно:

- одним из законных представителей несовершеннолетнего пациента;
- опекуном пациента;
- супругом (супругой) или одним из близких родственников [3].

Форма согласия также утверждена Постановлением Министерства здравоохранения № 74.

Таким образом, порядок дачи вышеназванного согласия в части субъектов аналогичен порядку дачи согласия на медицинское вмешательство, установленному ст. 44 Закона о здравоохранении. Безусловно, такой порядок направлен на создание необходимых условий для внесения сведений о пациенте ЦИСЗ независимо от его состояния здоровья и отсутствия полной дееспособности.

Вместе с тем полагаем, что в случае отсутствия вышеуказанных лиц или невозможности установить их местонахождение решение о внесении сведений о пациенте, который не имеет возможности самостоятельно дать согласия на внесение и обработку персональных данных, должно приниматься медицинским работником с уведомлением руководителя организации здравоохранения, а также лиц, предусмотренных п. 5 Инструкции. Целесообразность закрепления такого права обусловлена необходимостью обеспечить наиболее полное сохранения сведений о заболевании пациента, что позволит надлежащим образом оказать ему медицинскую помощь различными учреждениями здравоохранения в условиях преемственности оказания такой помощи и полноты необходимой информации о состоянии здоровья.

Таким образом, создание и функционирование ЦИСЗ является не только важным шагом для совершенствования национального здравоохранения, но и важной гарантией права пациента на охрану здоровья, поскольку позволяет ему в любой момент иметь доступ к информации о своем здоровье. При этом полагаем необходимым развитие правового регулирования порядка получения согласия на внесение и обработку персональных данных пациента посредством закрепления права ответственного медицинского работниками принимать решение о внесении сведений о пациенте в ЦИСЗ в случае отсутствия вышеуказанных лиц или невозможности установить их местонахождение. Данное решение предоставит возможность в полной мере обеспечить преемственность при оказании медицинской помощи пациенту в

организация здравоохранения разного уровня, повысить качество оказания помощи в виду полноты информации, доступ к которой возможен без обмена медицинской документацией на бумажных носителях.

Список использованных источников

1. О здравоохранении: Закон Респ. Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХП: в ред. от 25.10.2023 г. № 308-3 // *іlex* : информ. правовая система (дата обращения : 19.11.2024).

2. О порядке функционирования и использования централизованной информационной системы здравоохранения: постановление Министерства здравоохранения Респ. Беларусь от 13 мая 2021 г. № 267: // *іlex* : информ. правовая система (дата обращения : 18.11.2024).

3. О формах и порядке дачи и отзыва согласия на внесение и обработку персональных данных пациента (вместе с «Инструкцией о формах и порядке дачи и отзыва согласия на внесение и обработку персональных данных, информации, составляющей врачебную тайну, отказа от их внесения и обработки и порядке информирования о праве на отказ от внесения информации, составляющей врачебную тайну, в централизованную информационную систему здравоохранения») постановление Министерства здравоохранения Респ. Беларусь от 07 июня 2021 г. № 74: // *іlex* : информ. правовая система (дата обращения : 18.11.2024).

УДК 342.735

СВОБОДА ТВОРЧЕСТВА ЧЕЛОВЕКА В ТРАКТОВКЕ ВСЕОБЩЕЙ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА 1948 ГОДА

О. У. Шаро

преподаватель кафедры конституционного права, юридический факультет, Белорусский государственный университет, магистр юридических наук, ya.otto-sharo@ya.ru

Аннотация: Всеобщая декларация прав человека 1948 года – фундаментальный международный правовой акт, обеспечивающий гарантию свободы творчества человека в современном мире. Возрождение естественно-правовой концепции прав человека, произошедшее после Второй мировой войны и ознаменовавшее собой правовой триумф идеи защиты гуманистических ценностей, послужило первопричиной принятия Всеобщей декларации прав человека 1948 года.

Ключевые слова: свобода творчества; права человека; всеобщая декларация прав человека; закон.

Всеобщая декларация прав человека была принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года. Данный документ оказал значительное влияние на формирование международных стандартов в области прав человека, определил всю дальнейшую судьбу правовых принципов, направленных на защиту гуманистических ценностей человеческой свободы, создал базу для их последующего отражения в

национальных правовых системах государств-участников ООН. Всеобщая декларация прав человека 1948 года, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года составляют Международный билль о правах человека.

Статья 27 Всеобщей декларации прав человека гласит: «Каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами. Каждый человек имеет право на защиту его моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных или художественных трудов, автором которых он является» [1]. Свобода творчества – одно из наиболее значимых естественных прав человека, предоставляющих легальную возможность реализации собственных амбиций и новых замыслов в художественной, научной, технической и иных областях творчества. Свобода творчества заключается в индивидуальном выборе темы творческой деятельности, форм ее осуществления и способа публичной демонстрации либо добровольный отказ от таковой. С. А. Авакьян констатирует, что свобода творчества имеет разные формы проявления, выражаемые в возможности как профессионального, так и любительского (самодетельного) творчества [2, с. 780]. Философско-правовая сущность свободы творчества характеризуется квинтэссенцией моральных и материальных интересов личности, выработанных в результате творческой деятельности и представляющих собой объект авторского права. Согласно положениям Всеобщей декларации прав человека, личные неимущественные авторские права – безусловный элемент основополагающего естественного права на свободу творчества.

Статья 27 Всеобщей декларации прав человека относит нас к историческим событиям середины XX века, когда после окончания Второй мировой войны и образования ООН встал закономерный вопрос о выработке базового фундаментального документа, предоставляющего гарантию защиты прав и свобод человека в мире. Победа стран антигитлеровской коалиции в борьбе с антигуманистической идеологией нацизма провозгласила процесс нового «возрождения» естественных прав и свобод, что в дальнейшем привело к возникновению прав человека и гражданина второго поколения, среди которых особо выделяется право на свободу творчества.

На современном этапе развития международных стандартов прав человека свобода творчества гарантируется законодательством большинства государств – членов ООН. Республика Беларусь в данном случае не является исключением. Часть 2 ст. 51 Конституции Республики Беларусь гарантирует свободу художественного, научного, технического творчества и преподавания [3]. Эта норма белорусского Основного Закона восходит к положениям основополагающих международных правовых

актов в области защиты прав человека, центральную позицию среди которых занимает Всеобщая декларация прав человека 1948 года. Республика Беларусь является Стороной указанного международного правового акта *ipso facto* как одно из государств – основателей ООН.

Статья 27 Всеобщей декларации прав человека 1948 года акцентирует внимание на особой форме реализации свободы творчества человека – наслаждении искусством. На наш взгляд, наслаждение искусством в правовом смысле представляет собой законный интерес личности, т. е. притязание субъекта по достижению определенного социального блага, заключающегося в получении высокой степени удовольствия от восприятия изобразительного, музыкального, театрального, кино-, теле-, радиоискусства, а также иных видов искусств. Непреложная обязанность государства состоит в защите этого законного интереса.

В эпоху стремительно меняющихся аксиологических ориентиров юристы зачастую сталкиваются с ситуациями, когда государственные институты вступают в ожесточенный конфликт с художественным (научным, научно-техническим и др.) сообществом, отстаивая и навязывая при этом каждый свою волю. Подобные процессы имеют тенденцию общемировых и происходят практически в каждом из государств. Выход из правового кризиса, спровоцированного субъективизмом при оценке творческих произведений, может быть обеспечен только в том случае, если решающая роль будет отдаваться закону.

Любой современный человек стремится к творчеству. Проявление творческих желаний – естественная потребность личности, ее объективная форма самовыражения. Государство обязано способствовать развитию творчества, так как именно за счет творчества происходит развитие ключевых областей в жизни общественных и государственных институтов страны.

Можно констатировать, что на сегодняшний день существует фундаментальная база международного публичного права, обеспечивающая устойчивую юридическую гарантию свободы творчества в государствах – членах ООН. Отмечаем, что среди международных правовых актов, закрепляющих гарантию свободы творчества, ведущая позиция принадлежит Всеобщей декларации прав человека 1948 года.

Список использованных источников

1. Всеобщая Декларация прав человека (10.12.1948 г.) // Права человека: Сборник международно-правовых документов. – Минск: Белфранс, 1999. – 5 с.
2. Авакьян, С. А. Конституционное право России : учеб. курс : учеб. пособие : в 2 т. / С. А. Авакьян. – 7-е изд., перераб. и доп. с учетом конституц. реформы 2020 г. – М. : Норма : Инфра-М, 2023. – Т. 1. – 863 с. ; Т. 2. – 935 с.
3. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 12.12.2024).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бакун А. С.</i> Влияние цифровизации на реализацию свободы вероисповедания: аксиологический аспект	3
<i>Василевич Г. А.</i> О некоторых категориях Основного Закона	9
<i>Демичев Д. М.</i> Роль Правительства Республики Беларусь в цифровизации экономики	15
<i>Василевич С. Г.</i> Права граждан в условиях цифровой трансформации	23
<i>Киселёва Т. М.</i> Право на местное самоуправление в условиях цифровизации: международное и национальное закрепление	28
<i>Кондратович Н. М.</i> Использование информационных технологий в избирательном процессе (зарубежный опыт законодательного регулирования и практического применения)	34
<i>Масловская Т. С.</i> Цифровые платформы – новая среда взаимодействия общества и государства: Республика Беларусь и зарубежный опыт	41
<i>Мячин И. В.</i> О совершенствовании порядка отнесения объектов информатизации, предназначенных для обработки больших объемов персональных данных, к критически важным объектам информатизации Республики Беларусь	47
<i>Никитенко О. Г.</i> Регламент Всебелорусского народного собрания: некоторые вопросы подготовки и утверждения	52
<i>Синицына А. М.</i> Защита персональных данных: ответственность государства, операторов и граждан	55
<i>Скобелев В. П.</i> О некоторых направлениях использования современных информационных технологий в цивилистическом процессе зарубежных государств и Республики Беларусь	61
<i>Толочко О. Н.</i> Реализация конституционного принципа социальной ответственности в деле охраны и управления водными ресурсами	70
<i>Чешко В. Ю.</i> Цифровизация административного процесса: предложения по совершенствованию законодательства	75
<i>Шавцова А. В.</i> Правовое регулирование электронного голосования и внедрения ИКТ в Республике Беларусь	82
<i>Шаршун В. А.</i> Право на цифровую неприкосновенность в системе прав человека	91
АСПИРАНТЫ, МАГИСТРАНТЫ, СТУДЕНТЫ.....	96
<i>Баженова К. А.</i> Некоторые проблемы защиты персональных данных в условиях цифровизации	96

<i>Балакирева Т. М.</i> Новые горизонты использования информационно-коммуникационных технологий в деятельности местных Советов депутатов	101
<i>Буйко О. Ю.</i> О проблемах укрепления финансово-экономической основы местного самоуправления	106
<i>Гавриленко А. И.</i> Сооператорство как нетипичная модель организации обработки персональных данных	110
<i>Галалюк С. С.</i> Вопросы патриотического воспитания молодежи как необходимого составляющего элемента самосознания и мировоззрения в современном историческом периоде	114
<i>Голынец Т. А.</i> Цифровые права в современной системе прав и свобод человека	115
<i>Дятко М. Д.</i> Перспективы введения электронного голосования в Республике Беларусь	120
<i>Зубрик Д. А.</i> Права человека в эпоху искусственного интеллекта: вызовы и перспективы	125
<i>Кандыбо О. М.</i> Пути совершенствования использования информационно-коммуникационных технологий в деятельности Парламента Республики Беларусь	131
<i>Насонова И. В.</i> Общие основания для обработки персональных данных	136
<i>Сенкевич А. Н.</i> Некоторые вопросы дачи и отзыва согласия на внесение и обработку персональных данных пациента	140
<i>Шаро О. У.</i> Свобода творчества человека в трактовке Всеобщей декларации прав человека 1948 года	143